

**ФОНД ПОДДЕРЖКИ ПОЛИТИКИ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ ГОСУДАРСТВ,
г. БИШКЕК**

**ТҮРК ТИЛДҮҮ МАМЛЕКЕТТЕРДИН САЯСАТТЫН КОЛДОО ФОНДУ,
БИШКЕК ш.**

TÜRKDİLLİ DÖVLƏTLƏRİN SİYASƏTİNƏ DƏSTƏK FONDU, BİŞKEK ş.

Научный редактор: доктор филологических наук,
профессор **А. Дж. Гаджиев**

Редактор: **Мукан Асаналиев,**
Нусрет Мамедов

Книга издана по заказу фонда поддержки политики тюркоязычных государств в честь 85-летия Чингиза Айтматова.

Книга распространяется бесплатно

Лейла Герайзаде

**МИР
ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА**

Бишкек - 2013

УДК 398
ББК 82.3
Г 19

Лейла Герайзаде
Г19 **Мир Чингиза Айтматова.** . – Б.: «Бийиктик», 2013. 128 стр.

ISBN 978-9967-13-795-3

Г 4103000000-13

УДК 398
ББК 82.3

ISBN 978-9967-13-795-3

© **Лейла Герайзаде., 2013**

Мир Чингиза Айтматова глазами азербайджанского литературоведа

Монография азербайджанского литературоведа, доктора филологических наук, профессора Бакинского государственного университета Лейлы Герайзаде, посвященная творчеству великого сына кыргызского народа Чингиза Айтматова, выделяется среди бесчисленного множества посвящений этому выдающемуся представителю тюркской литературы, феномену литературного процесса двадцатого столетия, концептуальностью, включающей морально-религиозный и историко-литературный анализ его наследия.

Привлекает внимание продуманная композиция книги, в которой материал организован по трем главам - «Возвращение к истокам: религиозные мотивы в творчестве Чингиза Айтматова», «Человек и природа: экологические проблемы современности», «Человек и окружающий его мир: нравственно-философская концепция Чингиза Айтматова», - каждая из которых охватывает конкретную, заслуживающую отдельного, монографического исследования тематику.

Исследуя и осмысливая творческую эволюцию Чингиза Айтматова на материале таких его произведений, как «Белый пароход», «Пегий пес, бегущий краем моря», «И дольше века длится день», «Тавро Кассандры». «Плач перелетной птицы», «Буранный полустанок», «Прощай, Гюльсары»,

Лейла Герайзаде акцентирует внимание на концепции роли личности в истории, на созданных мэтром картинах экологического бедствия, способных влиять на будущее человечества.

Автор монографии подводит читателей к выводу, что для Чингиза Айтматова история – это нравственный, философский опыт народа; в ней находятся истоки и этапы становления и развития национальной культуры, начальных добрых человеческих качеств, которые слагают нынешний народный характер. Отрицая историю, лишаешься значительной доли того культурного багажа, который

необходим. Чингиз Айтматов мастерски умел вовлекать читателя в процесс философского переосмысления вечных проблем познания бытия и развития вселенной и различных её структур.

Чингиз Айтматов с первых своих произведений заявил себя писателем, затрагивающим актуальные во все времена вопросы взаимодействия человека с окружающим его миром, нравственные проблемы.

Закономерно само обращение мэтра к религии, корням, религиозным обычаям, традициям.

Известно, что литература существует не в вакууме, и современное общество дает обширнейший материал мыслящему художнику слова. Когда говорят о духовном обнищании, о спаде читательского интереса к литературе, то надо знать: это произошло по вине самого общества, которое с развитием науки и техники «породило» не связанные с литературой новые формы получения информации. У современного человека на литературу нет ни времени, ни интереса. Ясно, что это явление временное, так как чтобы стать высоконравственным человек должен будет вновь обратиться к литературе, поскольку только в ней он сможет найти ответы на волнующие его вопросы, и только через нее сможет понять нравственные устои общества, которые находят в ней свое всестороннее отражение. Помимо всего прочего, речь идет и о религиозной нравственности. Ведь, религия во всем спектре вероучений предлагает ответы на «вечные», но для каждого времени животрепещущие проблемы жизни и смерти, смысла человеческого существования, и конечно является источником моральных ценностей.

Почитание религии, выбор вероисповедания вопрос личный, и выбор этот делается на раннем этапе жизни. Но обосновать выбор, убедиться в верности его помогает литература, которая издревле пыталась вобрать в себя всю духовную жизнь человека. Правильнее будет сказать, что зачастую писатель может подсказать больше, чем жизненный опыт конкретного человека. Не случайно издревле считалось, что миссия писателя – это истинное миссионерство, и что научно-эвристические знания человека закрепляются во многом благодаря литературным произведениям, где та или иная область науки находит свое отражение. Даже разъяснение философских во-

просов читатель нередко находит в литературе, то же самое можно сказать о тенденции возвращения к религии, религиозным традициям в обществе.

В острых спорах громко слышен голос мэтра, который зачастую поднимает вопросы общемирового значения, показывают воздействие религии на мораль, общую культуру современного человека.

Лейла Герайзаде справедливо отмечает, что исследование творчества Чингиза Айтматова дает богатую пищу для размышлений о сущности жизни и о месте человека в ней. И, возможно, вследствие вышеуказанного невольно проявляется интерес к тому, как же этот писатель относится к проблеме происхождения Земли, судьбам цивилизации.

Герои Айтматова самые обычные люди – труженики, твердо верящие в светлые, добрые начала жизни, которые создаются при их активном участии. Это люди чистые и честные, открытые всему хорошему в мире, в безотказные в делах, в своих стремлениях возвышенные, а во взаимоотношениях с людьми прямые и откровенные. Это и герои повестей «Джамиля», «Первый учитель», «Буранный полустанок». Своей искренностью и прямоотой герои Чингиза Айтматова как бы сами подсказали ему манеру повествования: взволнованную, чуть приподнятую, напряженно-доверительную и зачастую, исповедальную.

Чингиз Айтматов поднимает сложные проблемы нашей непростой жизни, изображает сложные, а порой и драматические ситуации, в которых оказываются люди, как было сказано, сильные, чистые и честные, но сталкивающиеся с не менее сильными противниками. Противниками этих людей оказываются блюстители старых нравов и обычаев, бюрократы, хищники, деспоты. Писателю удалось убедительно показать богатейший духовный мир этих простых людей, имеющих свое мнение о сложных проблемах человеческого бытия. Глазами его главных героев на нас смотрит сама наша эпоха с ее победами и поражениями, ее горечами и радостями, сложными проблемами и светлыми надеждами.

В монографии Лейлы Герайзаде «Мир Чингиза Айтматова» все этапы творчества мэтра отражены и исследованы на высоком научном уровне. Авторская точка зрения на творчество Чингиза

Айтматова привлечет ученых, занимающихся исследованием творчества писателя. Кроме того, эта монография, несомненно, будет интересна преподавателям-словесникам, а также широкому кругу читателей, интересующихся творчеством Чингиза Айтматова.

*Абдылдажан Акматалиев,
вице-президент НАН
КР, академик, доктор
филологических наук,
профессор.*

A handwritten signature in black ink, consisting of several overlapping loops and a long, sweeping underline that extends to the right.

От редактора

В наши дни, в начале двадцать первого столетия, явственна необходимость систематизирования тюркской русскоязычной литературы, установления особенностей этого оригинального художественного явления.

Процесс развития тюркской русскоязычной литературы сопровождался творческим восприятием и освоением многовекового позитивного художественного опыта мировой литературы с контактами с инонациональными литературно-культурными традициями.

Феномен ситуации, в которой сложилось творчество русскоязычных писателей в том, что она стала своеобразным транслятором между двух культур: писатель доводит до носителей и реципиентов инокультуры наиболее значимое в чужой им культуре и отличное от своей родной.

В двадцатом столетии такие русскоязычные писатели, как Анатолий Зохраббеков, Максуд и Рустам Ибрагимбековы, Чингиз Гусейнов, Владимир Кафаров, Натик Расулзаде, Мансур Векилов, Сиявуш Мамедзаде (Азербайджан), Олжас Сулейменов, Ануар Алимжанов (Казахстан), Чингиз Айтматов (Киргизстан), Явдат Ильясов (Узбекистан) и другие столь громко заявили о себе, что их творчество перешагнуло далеко за рамки национального и общенационального в творчестве русскоязычных писателей, поскольку в их произведениях изображены не только отдельные периоды жизни тюркских народов, но и поставлены проблемы общечеловеческого значения, волнующие читателей.

Монография Л. Герайзаде «Мир Чингиза Айтматова» отличается концептуальностью, содержащей морально-религиозный и историко-литературный анализ.

В работе история рассматривается как нравственно-философский опыт народа, в ней отыскиваются истоки становления и развития национальной культуры, человеческих качеств, слагающих народный характер. Здесь же становятся проблемы этно-эпической

памяти в творчестве русскоязычных писателей, темы «личности и истории», взаимодействие человека с окружающим миром, вопросы нравственности.

Не отделяя тюркскую русскоязычную литературу от ее корней – от тюркской литературы, автор обращается к разным произведениям Чингиза Айтматова, в качестве фона для подкрепления своих мыслей и позиции.

Л. Герайзаде заостряет внимание на том, как история прослеживается через некую роковую поработченность судьбы человека, как писателю удалось совместить несовместимое – историзм и мировоззрение ученого, своими произведениями перешагнувшего через века, на демонстрацию в произведениях силы разума, величия ума, неистребимого стремления человека к познанию истины.

В монографии Л. Герайзаде четко показано, что хороший писатель интересен во всех отношениях, что ярко и образно демонстрируется в анализе произведений Ч. Айтматова, в произведениях которого мотивы и сюжеты, связанные с генезисом религии на мораль.

Тема религии, религиозной символики нашла свое яркое отражение и в произведениях Ч. Айтматова «Прощай, Гюльсары», «Плач перелетной птицы», «Белый пароход», «Буранный полустанок», «Плаха» и другие где не только запечатлены острые проблемы современности, но и показаны религиозные традиции тюрков, использованы орнаментализмы с культовой наметкой. Анализируя указанные произведения Ч. Айтматова, автор исходит из постулата самого писателя, отмечавшего, что «искусство должно призывать к радости, жизнеутверждению, оптимизму... должно ввергать человека в глубокие раздумья и потрясения, вызывать в нем мощные чувства сострадания, протеста против зла... печалиться и жаждать восстановить, отстоять то лучшее в жизни, что оказалось попорченным, погубленным...».

Иными словами, анализ Л. Герайзаде произведений Ч. Айтматова наводит на размышления, связанные с генезисом религии, духовности, морали, ролью личности в истории, взаимосвязями религии и культуры.

Монография «Мир Чингиза Айтматова» Л. Герайзаде – один из интересных, в то же время полемичных трудов, где в сугубо инди-

видуальной трактовке анализу подвергнуты особенности произведений тюркского писателя создавшего свои шедевры на русском языке и снискавших славу среди русскоязычных писателей. Именно в этой работе Л. Герайзаде затронула такие проблемы творчества Ч. Айтматова, которые по сей день не были подняты в работах других критиков и литературоведов. Это серьезный исследовательский труд, полезный и культурологам, и религиоведам, и литературоведам.

*Агиль Гаджиев,
доктор филологических наук,
профессор*

ВВЕДЕНИЕ

Издавна литература служила воссозданию своеобразного мифа об идеальной жизни. Все, что могло подорвать жизненность мифа, показать реальное положение вещей, безжалостно уничтожалось. Такого рода произведения не допускались к печати, а авторы их становились изгоями в своей стране. Неожиданно в период так называемой гласности сами проводники идеологического террора заговорили о писателях совершенно иного плана – о национальных писателях полностью или отчасти создававших произведения на русском языке. Сконструированные по стилевым и жанровым особенностям русской литературы произведения этих авторов в то же время впитывали в себя характерные национальные особенности, именно через это «выходя» к общечеловеческим проблемам. Однако русскоязычная литература при этом определялась как этническая социокультурная художественная система, что вовсе не соответствовало тому высокому уровню мастерства, которого достигли ее ведущие представители.

Мировоззренческие и эстетические координаты этой литературы никак не совпадали с русской литературой. Новые тенденции в общественной жизни конца 80-х годов прошлого столетия привели к созданию своеобразной автономии русскоязычных писателей, которая уже в 90-е годы трансформировалась в особое литературное течение, создавшее художественные произведения, поразившие многонациональную читательскую массу актуальными проблемами.

Следует отметить значительный вклад в историю мировой литературы Чингиза Айтматова, произведения которого на протяжении полувека поражают читателей своеобразием видения мира, оригинальностью переплетения и влияния реалистических, романтических и сентиментальных начал. В творчестве Чингиза Айтматова животрепещущая тема тесно переплетается с темой Исторической Памяти. Постановка проблемы сохранения первозданной природы,

жизни на земле в целом, и, прежде всего, человека как обладателя высшего разума – вот чем привлекают современного читателя произведения этого киргизского писателя. Феномен Айтматова в том, что у него нет ни литературных учителей, ни литературных последователей.

Для творческой манеры Чингиза Айтматова характерны размышления через воспоминания о прошлом, а также легко достигаемого будущего. И преступное насилие над действительностью, насилие в отношении и первооснов бытия не может не привести, по мнению писателя, к разрыву взаимосвязи человека с микро и макросредой. Через свои произведения Айтматов формирует в читателе бережное отношение к природе. Герои таких произведений Айтматова, как «Белый пароход», «Буранный полустанок», «Тавро Кассандры», зачастую вершат на спирали времени свои деяния в пользу человека и окружающей среды. И если сегодня говорить о том, что литература сакрализовалась, стала национальным достоянием киргизов, то в этом несомненная роль Ч.Айтматова, его шедевров.

Роль таких писателей, как Чингиз Айтматов достаточно высока, прежде всего, в плане изображения человека через культурные слои прошлых эпох, через призму исторических событий. В своих произведениях они старались представить человека – Личность, свободную от иллюзий и догматов, от официальной идеологии. В произведениях этого писателя сопрягаются в пространстве потребности моральной личности с грандиозными историческими событиями. Жизнь Личности автор равно полагает жизни своей Родины. Особое значение приобретает и то, как Ч.Айтматов созерцательно относится к исторической действительности.

Глава I.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ: религиозные мотивы в творчестве Чингиза Айтматова

*О, Тенгри, в час грозный, опасный, дай нам
силу устоять пред врагами...*

Чингиз Айтматов

Известно, что литература существует не в вакууме, и современное общество дает обширнейший материал для мыслящего художника слова. Когда в наши дни много говорят о духовном обнищании, о спаде читательского интереса к литературе, то надо знать: это произошло по вине самого общества, которое с развитием науки и техники «породило» не связанные с литературой новые формы получения информации. У современного человека на литературу нет ни времени, ни интереса. Ясно, что это явление временное, так как чтобы стать высоко нравственным человек должен будет вновь обратиться к литературе, поскольку только в ней он сможет найти ответы на волнующие его вопросы, и только через нее сможет понять нравственные устои общества, которые находят в ней свое всестороннее отражение. Помимо всего прочего, речь идет и о религиозной нравственности. Ведь, как отмечается в «Теоретических вопросах религиоведения», «религия во всем спектре вероучений предлагает ответы на «вечные», но для каждого времени животрепещущие проблемы жизни и смерти, смысла человеческого существования, и конечно же является источником моральных ценностей. Естественно, на этот счет у каждого человека могут быть свои

собственные суждения. Однако по самой своей сути религия – форма общественного сознания, и отношение к ней зависит не только от индивидуальных установок и интересов, но и от общей духовной ситуации, которая определяется спецификой социального бытия... Разумеется, зависимость религиозных представлений от общих условий бытия и повседневных обстоятельств по – разному выражается и понимается в различных формах духовной культуры (32, 6).

Духовная культура советского человека еще 30 лет назад строго отвергала религиозные принципы, которые должны быть в обществе, будь оно социалистическое или капиталистическое. Говорящие о том, что это было время воинствующего атеизма жестоко ошибались, ибо не может господствовать атеизм в обществе, где, согласимся, без веры в Бога нельзя прожить и дня. Дело, разумеется, в другом: насколько религиозные обряды, традиции, сама история религии, были доступны каждому гражданину. Не секрет, что страх Апокалипсиса, обуревающий общество, вынуждал совершать эти обряды, хотя бы втайне. К сожалению, сегодня, когда вероисповедание, обращение к истокам религии не запрещены, не стало лучше. Как пишет Даниил Гридченко, «хорошо следовать традициям, но, когда традиции утеряны, выдумывают свои, следуют тому, к чему привыкли, часто традиции советской: бабушки, с комсомольским задором выдворяющие из храмов всякого, по их мнению, неправильно стоящего, ходящего, молящего, стали в церковной среде притчей во языцех. Действительно, трудно уговорить советскому человеку, недавно пришедшему в Церковь: он объедет все святые места, окунется в святой источник, несмотря на любую погоду, обмажется освященным маслом, обсыплется землей с могилы почтенного старца, и это все; наверное, хорошо, если еще не забыть, что творится в его собственном сердце. Хуже всякой атеистической пропаганды оказывается родная мать, насильно вешающая крест на шею непутевого сына и изводящая его уговорами пойти в церковь причаститься...» (17, 235). Правы те, кто считает, что истина не всегда выказывает себя, она смиренна и обретается в тишине. Действительно почитание религии, выбор вероисповедания вопрос личный, и выбор этот делается на раннем этапе жизни. Но обосновать выбор, убедиться в верности его помогает литература, которая

издревле пыталась вобрать в себя всю духовную жизнь человека. Правильнее будет сказать, что зачастую писатель может подсказать больше, чем жизненный опыт конкретного человека. Не случайно издревле считалось, что миссия писателя – это истинное миссионерство, и что научно-эвристические знания человека закрепляются во многом благодаря литературным произведениям, где та или иная область науки находит свое отражение. Даже разъяснение философских вопросов читатель нередко находит в литературе, то же самое можно сказать и о тенденции возвращения к религии, религиозным традициям в обществе. Ученые отмечали, что «в острых спорах громко слышен голос писателей, литературных критиков, публицистов, искусствоведов. Симптоматично, например, что Ч.Айтматов, В.Астафьев, В. Белов, О. Гончар, В. Распутин и др. остро ставили ряд вопросов, связанных с библейской нравственностью, а тема Храма проходит через «Покаяние» Т.Абуладзе, составившее эпоху в нашем кинематографе. Укажем и на обилие журнальных, газетных материалов, в которых, так или иначе, затрагиваются проблемы религии» (32, с. 5).

В наши дни, когда по бывшим советским республикам пронеслось ощутительное веяние ветра свободы, измученные коммунистической идеологией массы нуждаются в произведениях литературы, где наравне с реалиями жизни, большое внимание уделялось бы духовному возрождению человека. А это в свою очередь связано к возвращению к своим истокам, к религии.

Тема религии, религиозной мотивов, сюжетов, символики, вопросов, связанных с историей религии нашла своё отражение в таких произведениях Чингиза Айтматова, как «Прощай, Гюльсары», «Плач перелётной птицы», «Белый пароход», «Буранный полустанок», «Плаха» и других, где не только запечатлены острые проблемы современности, но и показаны религиозные традиции тюрков, использованы ориентализмы с культовой пометкой, выражено авторское отношение к возникновению религии в целом и, христианства в частности.

Айтматов всегда придерживался того мнения, что искусство должно отражать все стороны жизни, а писатель – выражать своё отношение к изображаемому. Он отмечал, что «искусство должно

призывать к радости, жизнеутверждению, оптимизму. Но также верно и то, что «искусство должно ввергать человека в глубокие раздумья и потрясения, вызывать в нём чувство сострадания, протеста против зла, должна давать ему повод сокрушаться, печалиться и жаждать восстановить, отстоять то лучшее в жизни, что оказалось попорченным, погубленным...» (7, 30). Чтобы отстоять в жизни лучшее, не дать ему быть погубленным, Чингиз Айтматов и обращается к религиозным мотивам.

Известно, что древние тюрки почитали Тенгри – небесного повелителя, считая его своим благодетелем, защитником, веря, что всякую мольбу Тенгри услышит и поможет народу в трудные минуты. В рассказе Ч.Айтматова «Плач перелетной птицы», который является практически единственным произведением, отразившим жизнь наших предков до «цивилизации», герои поражают читателя верой и почитанием всего, что связано с общетюркскими традициями. Для этих героев вера в Тенгри больше, чем вера. Так, одна из героинь айтматовского рассказа Кертолго-зайит в час, когда настает угроза не только для их племени, но и для всего киргизского народа, обращается к Тенгри, поскольку считает, что только он в силах освободить их от врагов. Здесь Ч.Айтматов отбрасывает условности, предоставляя читателям возможность самим ощутить надежду, появившуюся у Кертолго-зайит, своеобразного символа тюркской женщины, не привыкшей жить в окопах и считающей себя равной джигитам, которые не раз защищали родную землю, чтобы не дать врагу осквернить ее. Несмотря на выпавшие трудности, Кертолго-зайит уверена, что через обращенную к Тенгри молитву она сумеет вселить надежду в сердца, томящиеся мыслью о скором освобождении, и возвращении домой родных, воюющих с врагом. Тенгри в данном случае следует воспринимать не как религиозную символику, а как небесную силу, всегда оказывающуюся на стороне тех, кто борется за свою землю, проливает за нее кровь. Вера в силу Тенгри особенно ярко проявляется в нижеследующем отрывке: «О, Тенгри, в час грозный, опасный дай нам силу устоять перед врагом ойражским. Сохрани наш шестиколенный киргизский народ, живущий в горах твоих дарами твоими, – выпасая скот на лугах и травах. Не дай истоптать очаги наши копытами ойражских коней. Будь

справедлив – не откажи нам в победе, в битве открытой. Сохрани, сохрани же Тенгри, ушедших сражаться. Дай увидеть их в седлах и не дай нам увидеть тела их, навьюченные на верблюдов...» (9, 234).

Ч.Айтматов мастерски изображает и тех, кто воюет за родную землю, и женщину, которая своими молитвами надеется возвратить киргизских воинов с поля битвы с помощью Тенгри. Обращение к Тенгри – всевышнему до сих пор преобладает в призывах народов Средней Азии к небесным силам. И это естественно. Живя в колыбели тюркской цивилизации, они не утратили былой жизненной основы, материальных и духовных ценностей. Одной из этих духовных ценностей и является вера в силу Тенгри.

К этой теме обращается и известный историк Мурад Аджи, который отмечает, что великий тюркский полководец Аттила имел слаженный боевой корпус, который отличали не только виды оружия, но и тактика боя, а самое главное, его войско отличал высокий боевой дух, вера в бога Тенгри. «Тенгрианство, – продолжает Мурад Аджи, – это религия древних тюрков. Однако, что это за вера такая – тенгрианство? Почему упорно молчит церковь?» (2, 78). В этом с ним солидарен известный русский археолог, академик Окладников, долгое время работавший на Алтае. Академика возмущает тот факт, что ни в одной церковной книге нет сведений о тенгрианстве. Историки-религиоведы словно не знают, что на Алтае найдены атрибуты, памятники, наскальные рисунки, запечатлевшие обряды, церковный инвентарь дохристианской эпохи. Между тем, эта религия не только существовала, но и была одной из самых древнейших в истории человечества.

По мнению французского исследователя религий Жан Поля Ру, задолго до новой эры тюрки, жившие тогда на Алтае и в Южной Сибири, поклонялись «человеку-небу», «человеку-солнцу» – Тенгри. Китайские историки также пишут о бытовавшем у них культе Тенгри, относя его к V – VII векам до нашей эры. Найденные академиком Окладниковым наскальные картины с религиозными сюжетами подтверждают данные китайцев.

Бог пришел к тюркам, выбрал их. Но Тенгри не мог стать духовной «собственностью» только тюрков: «Бог един и мир един. Значит, Он – богатство всех народов, тюрки лишь первыми познали его» (2, 237-238).

В мире происходит своеобразный духовно-ценностный отбор, в этом отборе главная роль отводится идеологии, а не тому, что должно всегда стоять на первом месте: исторической правде. От нас веками скрывали правду. Но если внимательно перелистать историческую хронику, связанную с этносом, этногенезом, то станет ясно одно: в бывшем Советском Союзе только потому меньше всего издавались научные труды известных ученых-востоковедов – Бертельса и Бартольда, что большая часть их исследований относится к тюркским народам. Каждая крупница истории древних тюрков дорога их потомкам. «Тенгри – древнейший образ Востока. Он небесный дух, Вечное Синее Небо. Причем Небо – это он сам, и место Его обитания. Кумыки говорят «Тенгри», чувашки – «Тура». Произношение вроде и разнится, а смысл слова одинаков: мужское божественное начало.

С детства тюрки знали: Тенгри – Хозяин судьбы человека, народа, государства. Он – творец мира, он – высший хан!

В отличие от других народов у тюрков бог был единым, хотя и они делили небо на девять ярусов, видя в этом глубокий смысл, понятный им. Он отражался в делах сугубо земных, потому что каждый ярус неба делился еще на двое: на светлое и темное, на благожелательное и демоническое. Это означало, что Бог мог быть добрым и строгим, спасающим и карающим. Он все видит, а дальше судьба зависит только от самого человека, от его мыслей и поступков – каков человек, таким и будет отношение к нему Бога. В этом глубокая мудрость тенгрианской религии, не унижающей, а возвышающей человека, готовящей его к поступку, к подвигу...» (2, 237-238).

Обращение к Тенгри, обожествление героя или его поступка по «верным знакам» Тенгри характерно и для других русскоязычных тюркских писателей, близко воспринимающих события, происходившие в тюркском мире. К примеру, О. Сулейменов в «Глиняной книге» не раз обращает внимание читателя на то, что в трудные минуты тюрки обращаются к Тенгри, который, по их мнению, один на небесах, и от его повеления зависит судьба верующих в него. Говоря о кочевнике, не потерявшем человеческого достоинства, Сулейменов пишет:

Он чести кочевника не уронил,
Поверишь ли,

Семя свое сохранил
Молчанье узнал
В искупающем гневе,
Он был одинок, словно перст, в этом
Мире,
Один на земле он,
как Тенгри на небе ... (31, 98).

Или, размышляя над деяниями человека, Кыр-Куз, один из героев «Глиняной книги», несколько иронизирует над преследованием:

За взятку ты рубил
Ключицу нам,
Мог бросить под коней
В загоны к львам,
Но –
Персом стал,
Мотыгу в руки взял,
Ударил по земле
И так сказал:
Огонь костра я запер в печь,
Сказал?
Пространство стенами огородил,
Сказал?
Я превратил в мотыгу меч,
Сказал?
Не Тенгри,
Пес меня родил,
Сказал? (31, 271).

В «Буранном полустанке», «Прощай, Гюльсары» Чингиз Айтматов подробно описывает религиозные ритуалы с целью заложить в память каждого тюрка то, что он обязан знать, чего должен придерживаться, а затем передавать из поколения в поколение. Герой «Буранного полустанка» Буранный Едигей, получив известие о смерти близкого друга Казангапа, с которым проработал десятки лет вдали от поселения, на маленькой железнодорожной станции Боранлы, сразу же думает о том, что надо бы известить его детей, которых не было рядом с умершим. Он дает наставление своей жене Уку-

бала поднять в соответствии с обычаями всех на ноги: ведь нельзя оставлять усопшего одного. В тюркском мире принято провожать умершего в последний путь с того момента, когда наступает смерть: «Разбуди Оспана. Не смотри, что начальник разъезда, неважно, перед смертью все равны. Скажи ему, что Казангап умер... Буди всех подряд. Стучи в окошки. Сколько нас тут народу – восемь домов, по пальцам перечесать... Всех подними на ноги. Никто не должен спать сегодня, когда умер такой человек. Всех подними на ноги.

– А если ругаться начнут?

– Наше дело известить каждого, а там пусть ругаются. Скажи, что я велел будить. Надо совесть иметь...» (6, 11).

Характерно, что «манкуртизм», о котором писали критики и исследователи творчества Ч.Айтматова, проявляется в этом романе одновременно по нескольким линиям. Это говорит о том, что явление это, характерное для тогдашнего общества, было соткано из прочных нитей советской идеологической машины. Люди, зараженные манкуртизмом, становились чужды национальным традициям и обычаям, и на этом фоне говорилось о вырождении нации, что в первую очередь касалось вопросов, связанных с религиозными обрядами. Один из главных религиозных ритуалов – достойное прощание с усопшим, умение выдержать перед горем, посланным богом – смертью родного или близкого человека. Айтматов, не желающий, чтобы эти обряды были забыты, показывает, что такие, как Шаймердан, Эдильбай, Тансыкбаев, Сабитжан предали этот обряд забвению и готовы носить «титул» манкурта. Это проявляется в диалоге дежурного по разъезду Шаймердана и Едигея, когда последний сообщает о смерти Казангапа, тридцать лет проработавшего на этой отдаленной станции. Шаймердан не может и не хочет понять порыва Едигея исполнить мусульманский религиозный обряд – достойно проводить в мир иной своего друга Казангапа. На вопрос Шаймердана, стоит ли беспокоиться о человеке, отправившемся на тот свет, Едигей, сурово и в то же время поучительно отвечает, что есть правила, которых надо придерживаться:

– А я думаю, понятия у тебя никакого нет! – возмутился Едигей. – Ты подумай. Среди нас человек умер, нельзя, не положено оставлять покойника одного в пустом доме.

- А откуда ему знать, того самого, один он или не один?
- Зато мы знаем!
- Ну ладно, не шуми, того самого, не шуми, старик!
- Я тебе объясняю.
- Ну что ты хочешь? У меня людей нет. Что там делать, все равно ночь кругом.
- Буду молиться. Покойника буду обряжать.
- Молиться? Ты, Буранный Едигей?
- Да, я. Я знаю молитвы.
- Вот те раз – шестьдесят лет, того самого, Советской власти.
- Да ты оставь, при чем тут Советская власть! По умершим молятся люди испокон веков. Человек ведь умер, не скотина!» (6, 16-17).

С точки зрения соблюдения ритуала интерес представляет спор, возникший по поводу того, где хоронить усопшего. Едигей настаивает на том, чтобы Казангапа похоронили на кладбище Ана-Бейит, как этого желал покойник, а пожелание человека относительно своего места захоронения обязательно должно учитываться, как считалось у тюрков с древнейших времен. Однако окружающие, и в том числе сын Казангапа выступают против, считая, что нет смысла везти покойника более, чем за тридцать километров, тогда как в округе столько места, и Едигею трудно убедить остальных, что не на всяком месте можно похоронить достойного человека. Этому обычному путевому зрителю, долгие годы не выезжавшему за пределы центральной станции, не был понятен порыв молодых хоронить Казангапа где попало, как он сам это считает. Айтматов не дает возможности, чтобы оппоненты Едигея взяли верх, поскольку дело действительно касалось национальных интересов, пусть это и было обычным случаем из жизни боранлинцев. Благодаря Едигею случай этот остался в памяти всех, кто понял, что предначертанное издревле, должно соблюдаться потомками, иначе исчезнут такие понятия, как потомки и предки.

Едигей ужасается, что сын Казангапа выдвигает такой нелепый вариант захоронения: надо, вырыть могилку где-нибудь поблизости, пусть лежит себе Казангап и слышит, как поезда бегут, припомнив к случаю поговорку: избавление от мертвого в закапывании скором. Возмущенный этим Едигей произносит следующий монолог:

– Места-то вокруг полно, конечно, сколько хочешь. Только почему-то люди не закапывают своих близких где попало. Неспроста, должно быть. А иначе земли что ли жалко кому? – И замолчал, его молча слушали боранлинцы – Решайте, думайте, а я пойду, узнаю, как там дела». Едигей страшно возмутило действие сына Казангапа. И от того он неприязненно и негодуяюще смотрит на всех, но обижается больше всего на Сабитжана: «И пошел с потемневшим, неприязненным лицом подальше от греха. Брови его сошлись на переносице. Крут он был, горяч – Буранным прозвали его еще и потому, что характером был тому под стать. Вот и сейчас, будь они наедине с Сабитжаном, высказал бы в бесстыжие глаза все, что тот заслуживал. Да так, чтобы запомнил на всю жизнь! Но не хотелось в бабы разговоры лезть. Женщины вот шушукуются, возмущаются – приехал мол, сынок, хоронить отца как в гости. С пустыми руками в карманах. Хоть бы пачку чая привез, не говоря уж о другом... Хотели было женщины шум поднять, да Едигей не позволил. Не смейте, говорит, и рта раскрывать в такой день и не наше дело это, пусть сами разбираются» (6, 26).

Сабитжан заслужил упрек женщин именно потому, что приехал с пустыми руками: издревле было у тюрков принято подавать на сороковой день поминальные яства, а близкие и родственники, должны были по традиции приносить в дом усопшего чай, сахар, рис, словом то, что необходимо для поминок. Это делалось независимо от того, нуждались ли близкие родственники в помощи или нет; считалось, что эти дары приносят для того, чтобы из дома добро не ушло. Именно на этом акцентирует внимание Ч.Айтматов, записывая благодатный материал, так нужный подрастающему поколению.

Известный литературовед Г.Ломидзе отмечал, что Ч.Айтматов – талантливый художник слова и что «без опыта своих предшественников, без традиций национальных, а также завоеваний других литератур, он не поднялся бы так высоко. Творчество Ч.Айтматова, отличающееся состоянием душевных движений, оттенков, чувств и переживаний, развивает и умножает опыт родной литературы» (29, 87).

Обращаясь к религиозным обрядам, Айтматов подходит к освещению вопроса несколько иначе, вдаваясь в самые напряженные

психологические моменты. Через палитру религиозных обрядов он передает все то, что связано с предыдущей и последующей жизнью героев, противопоставляет, обыденный день человека и день траура, предоставляя читателю возможность уловить момент душевного беспокойства, не только от того, что умер кто-то из родных, но и от неурядиц и неполадок жизни, которые, переполняя «чашу», изливаются именно в трагические минуты жизни. Обычай плакать и причитать о смерти родного человека, как бы снимает общее напряжение в душе, дает возможность найти отклик в душах близких людей. Так произошло с Айзадой, дочерью Казангапа. Натерпевшись за всю свою недолгую жизнь, она горько причитает и плачет, ища моральной поддержки у других: «И как только она (Айзада – Л.Г.) огласила свое появление громким рыданием, женщины окружили ее и тоже подняли плач. Особенно Укубала переживала, убивалась вместе с Айзадой. Жалела ее. Крепко они причитали и плакали. Едигей пытался было успокоить Айзаду: что же, мол, теперь делать, за умершим вслед не умрешь, надо примириться с судьбой. Но Айзада не унималась. Так оно бывает зачастую – смерть отца явилась для нее поводом выплакаться, излить принародно душу, все то, что давно не находило открытого выхода в слове. Плача в голос, обращаясь к умершему отцу, растрепанная и опухшая, горько сетовала она по-бабьи на свою нескладную судьбину, что некому ее ни понять, ни приветить, что не удалась ее жизнь с молодых лет: муж – пропойца, дети с утра до вечера околачиваются на станции без присмотра и строгости, и потому превратились в хулиганов, а завтра может и бандитами станут, поезда начнут грабить, старший вон выпивать уже стал, и милиция уже приходила, предупредили ее – скоро дело дойдет до прокуратуры. А что может она поделаться одна, а их шестеро! А отцу, хоть бы что...» (6, 30).

Итак, Айтматов плавно передает плач и причитания казашки, без каких-либо добавлений и упрощений. Мастерство русскоязычного писателя проявляется в этом произведении особенно четко. Своеобразие плача и причитания на русском языке подается без каких-либо стилистических окрасок, хотя можно говорить лишь об интонации передачи национального: в представлении тюрка сразу же заигрывают впечатления, проводимые в рамках национальных

проводов покойника. Сквозь ритм и интонационную структуру русского текста явно проступают грани национального киргизско-казахского традиционного причитания.

Азербайджанский двуязычный писатель Ч.Гусейнов, писал, что еще «Тимур Пулатов, размышляя о стилистике повести Ч.Айтматова «Белый пароход», в которой органически слились две стихии – русский язык и национальный материал, отмечал, что при этом «ясно ощущаешь какую-то совершенно иную языковую традицию (в данном случае киргизскую), особый внутренний ритм, переданный средствами русского языка. Когда национальное мышление, в котором «отпечатался» свой родной язык, его ритм, структура, интонация выражается в творчестве посредством русского языка, не происходит ли в этот момент взаимное обогащение языков – своего родного, языка рождения, детства, называния окружающего мира, и языка русского, который писатель избрал языком своего творчества?» (20, 373).

Сказанное в отношении «Белого парохода» можно отнести и к «Буранному полустанку», где стилистическое своеобразие полностью соответствует тому, чтобы не смешивать текст национальный (хоть и данный на русском языке) с текстом чисто русского плана. Опираясь на национальные традиции, обычаи, Айтматов сумел запечатлеть все, что кроется под понятием «национальное» в русском тексте, обогащая тем самым, не только киргизскую, но и русскую литературу.

В свете обращения к религиозным мотивам Ч.Айтматов в «Буранном полустанке» сумел передать и то, что жестоко каралось в течение десятилетий господства коммунистической идеологии, когда в советском обществе буквально «лютовал» атеизм. Если внимательно вчитаться в страницы, где передаются переживания Буранного Едигея по поводу смерти Казангапа и исходящих от этого проблем, то можно представить, насколько нравственно возвеличил Айтматов этот образ, насколько точно смог передать его стремление достойно проводить своего друга в мир иной. Известно, что один из важнейших мусульманских ритуалов заключается в чтении особых молитв при прощании, при омовении, при опускании покойника в могилу и т.д. Подчеркивая святость соблюдения таких

ритуалов, Айтматов еще в советское время, смело ввел в текст мотивы, связанные с этим ритуалом. Господствовавшие в то время догмы не могли хотя бы в целом не отразить национального, но говорить о том, что тексты с характерными религиозными мотивами пропускались цензурой, нельзя. Величие Айтматова как писателя общепризнанного, мирового масштаба, сказалось еще и в том, что в его творчестве не могло быть «погрешностей» идеологического характера.

Айтматовское творчество столь полно отражало жизнь новую, социалистическую, что говорить о тенденциозности его произведений и его мироощущения было невозможно. Наряду с этим, киргизскому писателю удалось воплотить в образе Едигея человека, свято относящегося к религиозным обрядам, национальным, общетюркским и мусульманским традициям. Заслуживает внимания эпизод, в котором на пути к кладбищу Ана-Бейит Буранный Едигей, среди прочего с усилием вспоминает, какую молитву надо прочесть. Это еще один важный штрих, когда национальное всплывает и показывает себя, найдя благодатную почву: «Осталось упрятать покойника под землю с прощальными словами над ним – и на том аминь!» (6, 72).

Айтматовский герой Едигей считает, что ритуалы необходимо постоянно соблюдать: «И думалось ему еще о том, что независимо от того, есть ли Бог на свете или его вовсе нет, однако вспоминает человек о нем большей частью, когда приспичит, хотя и негоже так поступать. Оттого, наверное, и сказано – неверующий не вспомнит Бога, пока голова не заболит. Так оно или не так, но молитвы все-таки знать надо» (6, 80).

Важно, что айтматовский герой, вопреки догмам коммунистической идеологии, рассуждает об этом вслух, не осторожничая, подвергая себя риску оказаться в числе «врагов народа».

Как показывает вышеприведенный анализ, религиозные мотивы в творчестве Ч.Айтматова встречаются часто, но в «Буранном полустанке» они представляют особый интерес, потому что изображенные здесь обряды и традиции связаны с мусульманством, тогда как, например, в «Плахе» Айтматов больше внимания уделил инациональной религии и религиозным обрядам.

Изображая религиозные мотивы, Айтматов не только разъяснял людям, что есть наша вера, каких традиций и обычаев надо придерживаться, но и раскрывал значение реалий, связанных с национальными явлениями. Писателю, посредством изображения похорон Казангапа, удалось раскрыть ряд тайн, связанных с топонимами. Айтматов при этом стремился рассказать молодому поколению обо всем этом, чтобы ни одного манкурта не было на древней тюркской земле. Обо всем этом писатель повествует в ретроспекции раздумий и воспоминаний Буранного Едигея: «Коренные сарозеки и в те времена не покинули свой край, держались в тех местах, где удавалось добыть воду, в заново прорытых колодцах. Но самое оживленное для сарозеков время совпало с послевоенными годами. Появлялись машины-водовозы. Один водовоз, если водитель хорошо знал местность, мог обслужить три-четыре отгонных стойбища... От всего прошлого в той стороне только и осталось кладбище Ана-Бейит, на двух соприкасающихся, как верблюжьи горбы, пригорках-близнецах – Эгиз-Тюбе, самом почитаемом месте захоронения во всей сарозекской округе. В старые времена хоронить сюда привозили порой из таких дальних уголков, что приходилось людям ночевать в степи. Но зато потомки погребенных на Ана-Бейите законно гордились тем, что оказали памяти предков особую честь» (6, 79).

Вот откуда у Едигея было стремление похоронить своего близкого друга Казангапа на этой священной земле. Айтматов, безусловно, возвеличивает и Едигея, и Казангапа: «Здесь хоронили самых уважаемых и известных в народе людей, долго живших, много знавших, заслуживших добрую славу и словом, и делом.

Сюда и приближалась в тот день странная, сопровождаемая собакой верблюдо-тракторная похоронная процессия с железнодорожного разъезда Боранлы-Буранный...» (6, 82).

Особого внимания заслуживает айтматовское выражение «сопровождаемая собакой верблюдо-тракторная похоронная процессия». Это не авторская ирония, не насмешка над человеком, решившим достойно похоронить своего друга. Айтматов называет эту процессию так потому, что в век научно-технического прогресса жизнь в безлюдных сарозекских степях несмотря ни на что продолжается. Пусть нет нормальных дорог, нет достаточного количества техники, но люди не потеряли человеческого достоинства.

Издrevле считалось, что степняк по тому, как и где живет – джигит. Выдержать суровый климат, уметь поставить временное жилье, вести кочевой образ жизни – все это по силам далеко не каждому народу. Именно поэтому жизнь степняков, в особенности представителей тюркских народов, неизменно пользуется повышенным интересом и вниманием. Мурад Аджи, обращаясь к истории степняков, сочувственно отмечает, что в мировой цивилизации она не нашла еще своего достойного освещения, поскольку в большинстве своем исследователи руководствовались идеологией, а не впечатлениями и наблюдениями, она писалась в угоду противников тюркского народа. «Теория «диких кочевников», – пишет Мурад Аджи, – ждет пересмотра. Хватит низводить тюркский народ до дикарского уровня. Хватит плести про моих предков небылицы и выдавать их за отечественную историю. Я хочу знать правду о себе и имею на это право» (1, 104-105).

Многие века тюркская культура сознательно унижается. По мнению Мурада Аджи, «начало этому положила Римская церковь еще в V веке, на I Римском соборе в 494 году, а далеким отголоском этого решения стал указ Петра I: «Басурман зело таким образом, чтобы не узнали, сколько возможно убавлять». И убавляли. Всеми мыслимыми и немыслимыми способами...

Знаю, услышав слово «половец», «тюрк», «татарин», воображение каждого само нарисует звероподобного дикаря с раскосыми глазами, кочующего по степи. Только и умел тот дикарь грабить и убивать несчастных славян. А потом, в XIII веке, степняки вдруг куда-то «исчезли», и славяне, облегченно вздохнув, стали править миром...» (1, 9-10).

Исследователи Алтая, Семиречья, Средней Азии и Казахстана единодушно пришли к мнению, что степняки – это «не дикий» народ, как его пытаются представить. В.В. Бартольд удачно сформировал мысль о том, по какой схеме можно работать, чтобы дать о том или ином народе общее представление: «Собиранием археологического материала, конечно, не исчерпывается та польза, которую в деле исследования истории страны могут принести местные силы. Личное знакомство со страной необходимо для отождествления древних географических названий с современными, а также для

полного выяснения зависимости страны от географических условий. Нет надобности распространяться о значении для историко-этнографических данных, при собирании которых местные деятели также находятся в более выгодных условиях...» (14, 21).

Процесс узнавания географических названий, выступающих фоном сюжетной линии айтматовского романа (Сарозеки, Малакумдычан, Эгиз-Тюбе, Ана-Бейит, Кумбель...) дает возможность понять стремление Айтматова показать святость Земли тюрков. Судьбу степи решают именно они, воспевающие те или иные стороны жизни тюрков. Другой интересный момент связан с обрядом захоронения усопшего. Известно, что Едигею и другим близким людям Казангапа не удалось предать земле его тела на Ана-Бейит, потому что мир полон манкуртов, типа Тансыкбаева. Возникает спор: вести ли Казангапа обратно, в Боранлы, или похоронить его пусть не на самом кладбище Ана-Бейит, но хотя бы рядом с ним. Если бы не поддержка Длинного Эдильбая, то остался бы Едигей один, и увезли бы мертвеца обратно, вернули бы домой (домой можно было вернуться не ранее наступления ночи), а после захода солнца, по древним обычаям тюрков, покойника нельзя было предавать земле. Длинный Эдильбай, заметив, что Сабитжан старается вернуть покойника и похоронить его утром в Боранлы, вовремя вмешивается и решает исход спора:

– Слушайте, джигиты, – говорил он. – Не идите против человеческого обычая, не идите против природы. Такого не бывало, чтобы покойника возвращали назад. Кого увезли хоронить, тот должен быть похоронен. Другого не дано. Вот обрыв Малакумдычане. Это тоже наша земля сарозекская! Здесь, на Малакумдычане, Найман-ана великий плач имела. Послушайте меня, старика Едигея. Пусть будет здесь могила Казангапа. И моя могила тоже пусть будет здесь. Бог даст, сами похороните. Об этом буду молить вас. А сейчас еще не поздно, еще есть время – вон там, на самом обрыве, предадим покойника земле!» (6, 279).

Так, целеустремленность, вначале характерная только Буранному Едигею, передалась Длинному Эдильбаю, поставив в тупик других членов похоронной процессии. В этом отношении нельзя не отметить роль Ч.Айтматова, придавшего ритуалу захоронения тор-

жественный оттенок. Усилия Едигея оправдали себя, было решено похоронить Казангапа по устоявшимся нормам мусульманской религии. Такое ощущение, что Буранный Едигей хочет достойно похоронить друга, чтобы потом уединиться в этих сарозекских песках, безропотно выполнять данную ему работу с единственной целью – быть похороненным так же достойно. Превращаясь добровольно в деятельную натуру, хорошо знающую законы исламской религии, Едигей в глазах читателей превращается в олицетворение символа – защитника того, что хотят уничтожить, разграбить, сравнять с землей. Буранный Едигей не может согласиться с тем, чтобы на месте священного кладбища Ана-Бейит вырос микрорайон и чтобы манкурты, такие как Тансыкбаев и ему подобные, топтали землю, где покоится прах Найман-ана.

Среди образов, созданных в мировой литературе, Буранный Едигей занимает особое место. Он национален, насколько может быть национальным турецкий писатель, создающий свои шедевры на русском языке, причем на таком русском, что сами русские писатели и критики заявляют: айтматовская проза обогащает русскую литературу, русский язык. Едигей – это тот образ, который можно величать исповедальным (он берет грех отхода от мусульманских ритуалов на себя; он упорно доказывает, что не все потеряно, и молодое поколение можно вернуть к истине).

Монологи-раздумья Буранного Едигея – это серия исповедей, включающих способность посредством воспоминаний сбросить с себя оковы времени и стать на путь истины. Едигей, как человек вполне определенных религиозных убеждений, порой не может понять, почему он так отдалился от религиозных обрядов, зная, что назначено делать каждому мусульманину на своем веку. Ничего не отрицая, этот человек в своих раздумьях перевоплощается в глазах читателя; и когда перед тем, как положить в могилу Казангапа, он начинает обряд омовения и совершения последней молитвы, то вызывает в читателе восторг, укрепляет в нем веру в идеалы мусульманской религии, а также удовлетворение: «После омовения Едигей почувствовал себя облегченным и способным совершить последний ритуал... Он появился из-за экскаватора со значительным выражением лица, важно разглаживая бороду.

– Сын усопшего раба Божьего Казангапа Сабитжан, встань с левой стороны от меня, а вы четверо принесите тело на край могилы, положите покойника головой к закату, – произнес он несколько торжественным голосом. И когда все было сделано, сказал, – А теперь обратимся все в сторону священной Каабы. Раскройте ладони перед собой, думайте о Боге, чтобы слова и помыслы наши были услышаны им в такой час...» (6, 282). Айтматов не случайно рисует Едигея в такую минуту торжественным. А торжественен он не оттого, что сумел убедить своих сородичей: надо Казангапа похоронить до наступления тьмы. Нет. Торжество в нем оттого, что сумел он вспомнить все молитвы, назначенные на данный этап захоронения, что он сам убедился, что может преподнести урок молодым, а самое главное, «как ни странно», смешков и бормотаний за спиной у себя Едигей не уловил. И был тем доволен, а ведь могли же сказать: брось, старик, голову морочить, какой ты мулла, давай лучше закопаем мертвеца побыстрей, да вернёмся домой.

Мало того, Едигей взял на себя смелость произносить молитву на погребении стоя, а не сидя, ибо слышал от знающих людей, что в арабских странах, откуда пришла религия, молятся на кладбищах, стоя во весь рост. Так это или не так, но хотелось Едигею быть поближе головой к небесам...» (6, 283).

Читая эти страницы романа, ясно представляешь, как Чингиз Айтматов старался напомнить читателю о том, что было предано забвению. Посредством художественного слова писатель напоминает мусульманам, какие обряды и в какой очередности они должны соблюдать при похоронах.

«Пристальное внимание к душевным движениям» Буранного Едигея, характерно для романа Айтматова. Оттеня парадоксальную ситуацию – отказ в предании земле тела Казангапа на кладбище Ана-Бейит, Айтматов выводит на первый план человека, понимающего и почитающего религиозные обряды. «Дойти до своего роду хоть и через воду» – этот принцип главенствует в стремлении Айтматова при разработке религиозных мотивов. Писатель считает, что события, взволновавшие весь мир – исчезновение космонавтов, сообщения из других галактик – не должны прикрывать земные события, происходящие на маленьком железнодорожном разъезде Боранлы – Буранный.

Дистанция событий близка к тому, что обращается к памяти людей. Именно памяти и уделяет большое внимание в своей последней молитве-исповеди Буранный Едигей. Эту молитву он читает в тот момент, когда тело Казангапа вот-вот должно быть предано древней сарозекской земле: «Перед ним на краю зияющей ямы лежал на носилках завернутый в белую кошму усопший Казангап. Произнося вполголоса погребальные слова, заблаговременно предназначенные всем и каждому, всем и на все времена впредь до скончания света, слова, в которых были изначально сказаны предопределения, неизбежные и равнозначные для всех, для любого человека, кем бы он ни был и в какую бы эпоху ни жил, а в равной степени неизбежно для тех, кому еще суждено будет народиться, произнося эти всеобъемлющие формулы бытия, постигнутые и завещанные пророками, Буранный Едигей вместе с тем пытался дополнить их собственными мыслями, исходящими из его души и личного опыта. Ведь не зря же жил человек на Свете» (6, 284).

Если представить иной финал истории с погребением Казангапа, то можно смело сказать, что эта молитва не была бы прочтена Едигеем, а исповедь его не была бы услышана. Только вера в Бога и в гуманное начало мира дала Едигею возможность противостоять в битве мысли, где каждый выдвигал свою идею. Именно она, вера в Бога, окрылила Едигея и от этого его обращение к Богу несколько земного характера как бы продолжает его молитву.

Айтматов, выросший на советских догмах, столько внимания уделяет молитве именно ради сближения человека с Богом, во имя самого человека. Писатель нашел ту нить, которая должна соединить души только что возроптавших полуманкуртов – это молитва, обращение к Богу. Буранный Едигей оказывается на высоте нравственной не только в плане соблюдения долга, верности слова, данного другу, но и в плане старшинства. Может быть, первый раз в жизни он пытается быть лидером, и с первого же раза это ему удастся. Нельзя сказать, что Айтматов несколько идеализирует своего героя; просто он устами этого героя хочет довести до властей те наиболее важные вопросы, которые гложат народ. Буранный Едигей хочет до конца выполнить свою миссию: он обращается к Богу со следующей мольбой: «Если ты и вправду слышишь, о Боже, мою молит-

ву, которую я повторяю вслед за праотцами из заученных книг, то услышь и меня. Я думаю, одно другому не будет мешать... Сокрушаюсь я крепко от того, что заветное кладбище наше, где покоится Найман-ана, отныне нам не доступно. А потому хочу я, чтобы и мне было суждено лежать в этом месте, на Малакумдычане, где ступала нога ее. Да будет так, чтобы быть мне рядом с Казангапом, которого мы сейчас предадим земле. И если правда, что душа после смерти переселяется во что-то, зачем мне быть муравьем, хотелось бы мне превратиться в коршуна-белохвоста. Чтобы летать вон как тот, над сарозеками и глядеть, не наглядеться с высоты на землю свою» (6, 285).

Желание Буранного Едигея – это призыв к человеку, забывающему, кто он такой по национальности, вероисповеданию. В отличие от других произведений, где выпукло высвечены религиозные мотивы («Плаха», «Плач перелетной птицы»), в «Буранном пулустанке» Айтматов хочет придать стремлению человека толчок необъяснимой силы. Айтматов понимает, что нравственные ориентиры, духовные ценности общества не могут быть переломлены по воле таких, как Тансыкбаев и ему подобных манкуртов. Поэтому обращение Едигея нельзя воспринимать как некую философскую диковинку: степняк по жизни, он претендует на звание человека, готового до конца бороться за духовные ценности. Конфликт его с тем нравственным императивом, которому он подчинен – советской системой, не говорит о том, что силы его иссякли. Он полон оптимизма и веры, что молодые пойдут за ним, выполнят заветы отцов: «А на счет завещания своего я накажу молодым, что прибыли сюда вместе со мной, скажу я им, что наказ свой возлагаю на них – похоронить меня здесь. Вот только не вижу, кто совершит молитву надо мной. В Бога они не верят и молитв никаких не знают. Ведь никто не знает и никогда не узнает, есть ли Бог на Свете. Одни говорят – есть, другие говорят – нет. Я хочу верить, что ты есть и что ты в помыслах моих. И когда я обращаюсь к тебе с молитвами, то на самом деле я обращаюсь через тебя к себе, и дано мне в час такой мыслить, как если бы мыслил ты сам, Создатель. В этом ведь все дело! А они, молодые, не думают и молитвы презирают. Но что они могут сказать себе и другим в великий час смерти? Жалко мне их,

как постигнут сокровенность свою человеческую, если нет у них пути возвыситься в мыслях так, как если бы каждый из них вдруг оказался бы Богом? Прости мне это кощунство. Никто из них Богом не станет, но иначе и ты перестанешь существовать. Если человек не сможет возомнить себя втайне Богом, ратующим за всех, как должен был бы ратовать ты о людях, то и тебя, Боже, тоже не станет... А мне не хотелось бы, чтобы ты исчез бесследно...» (6, 285).

По Едигею, если люди перестанут молиться Богу, и не будут обращаться к нему в своих мыслях, то Бог будет предан забвению и это будет началом трагедии человечества. Иными словами, Айтматов выступает за единение людей в вере к Богу. Уместно вспомнить стихи русского поэта Николая Гумилева, утверждавшего, что всеобщее благо наступит только в том случае, если люди будут верить в Бога, а Бог будет над головой того, кто его почитает:

Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
А жизнь людей – мгновенна и убога,
Но все в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога (18, 36).

Обращение к Всевышнему трактуется в творчестве Айтматова не только в плане обращения человека к Богу. Так, в романе «Плаха» в свете ноосферных идей удачно передано обращение Акбары – волчицы, не раз терявшей своих детенышей по человеческой вине, к Луне, где якобы, восседает Бюри-ана, прамактерь всех волков. Этот роман изобилует фактами, с которыми нельзя не считаться: религиозные мотивы здесь даны, в основном, на материале христианства периода его зарождения. Но своеобразное обращение волчицы Акбары к своему Богу (если можно так выразиться), говорит о том, насколько люди забыли о своем назначении, как они перешагивают через святая святых – природу, нанося ей урон. Осознанно дав возможность Акбаре обратиться к Бюри-ана, Айтматов умело направил внимание читателя в русло психологического восприятия того, что происходит. Умение уловить восприятие читателя, изменить состояние его душевных движений, оттенков чувств и переживаний говорит о том, что автор обладает глубокими психологическими познаниями. Это восприятие реализуется на разных уровнях, но обращение Акбары передано Айтматовым особенно мастерски: «В ту

ночь Акбаре как никогда четко и ясно привиделась богиня волков Бюри-ана, находившаяся на луне. Она обратилась к богине, плача и жалуясь: «Это я, Акбара, здесь в горах, несчастная и одинокая. О, как плохо мне! Ты слышишь, как я плачу? Ты слышишь, как я вою и рыдаю, и вся утроба моя горит от боли и сосцы мои разбухли от молока, и некого спойть мне, некого вскормить, лишилась я моих волчат. О, где они, что с ними? Сойди же вниз, Бюри-ана, сойди ко мне и мы сядем рядышком, повоем, порыдаем вместе. Сойди же вниз, волчья богиня, а я поведу тебя в те края, где родилась, в степи, где не осталось место для волков. Сойди сюда, в эти каменные горы, где тоже нет нам места, видно нигде нет места волкам... А если не сойдешь, Бюри-ана, возьми меня, сирую волчицу, мать Акбару, к себе, и буду жить я на луне, жить с тобой и плакать о земле. О, Бюри-ана-а-а, слышишь ли ты меня? Услышь, услышь мой плач» (5, 461).

Напомним, что стержень романа Айтматова «Плаха» – это история Христа. В противовес роману «Буранный полустанок» в этом произведении автор еще более углубился в религиозные искания, правда, на материале христианства, получив тем самым возможность вступить в спор об истории Христа с такими «маститыми» писателями, как Ф.М. Достоевский, М.А.Булгаков и др. Айтматов показал, что на Земле понятие прошлого, настоящего, будущего связаны и соразмерены лишь с человеческой жизнью и историей. Потому стержневым в романе является история Христа. Образ, с одной стороны, канонический, закрепленный не только в религиозной, но и в художественной литературе, несущий в себе самое догматическое и спорное, что присуще жизни человеческой. Образ этот раздвигает философские, ассоциативные, метафорические рамки повествования. Иисус Христос, доживающий свои последние часы, композиционно находится в центре повествования между «двумя» восхождениями на плаху Авдия Каллистратова. Айтматовского героя терзает мысль о том, что нужно найти нехоженые тропы к умам и сердцам людей, хотя бы своих сверстников, он видит свое призвание в поучении добру, на его особое происхождение указывает Айтматов, считая, что он в какой-то мере посланец. В семинарии этот сын дьякона из-под Пскова с ветхозаветным именем, упоминающемся и в Библии, и в Третьей книге Царств, подавал надежды;

через два года был исключен из нее за ересь. Его, как когда-то Христа, «распяли» в Моюнкумской степи, на него бросалась волчица Акбара, знавшая, что подобные ему уничтожили ее детенышей. Все это подводит нас к мысли о том, что Айтматов, найдя в лице этого героя «нового» человека, включился в спор о Христе, считая, что кто-то в литературе должен развивать классические идеи, подходы, образы, и история человечества, хотя бы иногда, должна создавать примеры для подражания.

И в «Братьях Карамазовых» Достоевского, и «Мастере и Маргарите» Булгакова, где также исследуется институт изучения Христа, преследуется именно эта цель. «Плаха» Айтматова в этом смысле также не является исключением. «История Христа повторяется, исторические личности нет», – утверждает Айтматов. Действительно, если говорить о Христе как об исторической личности, то образ Авдия, точнее его мировоззрение, в какой-то мере повторяет Христа, но об абсолютизации в данном случае не может быть и речи. Через призму исторического синхронизма Айтматов попытался представить тенденцию философского осмысления сознания «воображения в таком ракурсе, в результате чего жизненный опыт передается из поколения в поколение в единичном случае». Айтматов пишет: «Исторический синхронизм – когда человек способен жить мысленно, разум в нескольких временных воплощениях, разделенных порой тысячелетиями – присущ в той или иной мере каждому человеку, не лишенному воображения. Но тот, для кого события минувшего так же близки, как сиюминутная действительность, тот, кто переживает былое как свое кровное, как свою судьбу, тот ученик, та трагическая личность, ибо, зная наперед, чем кончилась та или иная история, что повлекла она за собой, все предвидя, он лишь страдает, не в силах повлиять на ход событий и приносит себя в жертву торжеству справедливости, которому никогда не состояться. И эта жажда – утвердить правду минувшую – свята. Именно так рождаются идеи, так происходит духовное сращение новых поколений с предыдущими и пре-предыдущими...» (5, 465). Этой жизнеутверждающей мыслью Айтматов почему-то не раскрывает полностью и обоснованно понятие исторического синхронизма, ограничиваясь обыденной, реальностью: «...И на том Свет стоит,

и жизненный опыт его постоянно увеличивается, приращивается, добро и зло передается из поколения в поколение в нескончаемости памяти и нескончаемости времени и пространства человеческого мира» (5, 466).

Воображая себя в эпохе, с которой начинается современное летоисчисление, Авдий, мысленно хотевший обратиться к Христу и не успевший это сделать, хочет пострадать и за него, и за все человечество, и за тех же бандитов, которые сбросили его с поезда. После кратковременного ареста Авдий, понимая, что настоящих наркоманов не выпустили на волю и собираются судить, в бешенстве, непонятном нормальному человеку, заявляет, что он должен сидеть в тюремной камере вместе с ними, утверждая при этом, что находится в здравом уме и тем самым поражая присутствующих, решивших, что неземное существо возникло среди бела дня. Избитый, в изодранной одежде, с доской под мышкой вместо костыля, Авдий вызывает недоумение людей. Его речи, самоотречение от свободы в советское время воспринимались как сенсация, и даже более того. Айтматов ярко передает переживания Авдия по поводу «гонца», по отношению к которым закон беспощаден и с которыми разговор короткий. Он хочет попасть в камеру и попытаться еще раз убедить наркоманов в покаянии, хотя ему уже пришлось поплатиться за такие призывы:

Вот, вот я и хочу, чтобы меня сейчас же посадили за решетку. Мое место там! – Лицо Авдия пылало, на него снова накатило бешенство, как тогда в вагоне, когда он выбрасывал на ветер драгоценную анашу, – я требую, чтобы меня арестовали и судили, – выкрикивал Авдий, – как и этих несчастных, что заблудились в мире, где столько противоречий и неисчислимых зол! Я должен нести такую же ответственность, как и они. Ведь я занимался тем же, что и они. Откройте дверь и посадите меня вместе с ними! На суде они подтвердят, что я виновен так же, как и они! Мы покаемся в своих грехах, и это послужит нам очищением» (5, 487).

Посредством воображения Авдия Каллистратова Ч.Айтматов дает читателю возможность по-новому осмыслить и понять такие понятия, как пасха, тайная вечеря, воскресение. Авдию не понять того, что происходило в то далекое время, когда народ, заморожен-

ный пасхальным праздником, не мог себе представить то, какие злодеяния и грех возьмет на себя израильский народ. Это будет позже, а пока «Авдий очень волновался, отчаивался, когда наступил тот день накануне первого дня пасхи, и душным предпраздничным вечером пытался разыскать в нижнем городе дом, где совершалась накануне тайная вечеря с учениками, где преломил Он хлеб, сказав, что это тело Его, и разлил вино, сказав, что это кровь Его, ведь уже тогда можно было предупредить о грозящей опасности, о предательстве Иуды Искарриота, о необходимости срочно, безотлагательно покинуть этот страшный город, поспешить как можно скорее в путь. В поисках этого дома он метался в уходящих сумерках по кривым и запутанным улочкам, зачем-то вглядываясь в лица прохожих и проезжих, точно у него здесь могли бы быть знакомые... А многие прохожие вовсе не знали, кто такой Иисус Христос. Мало ли в городе было бродяг. Какой-то сердобольный горожанин стал его звать к себе на пасху. Но Авдий, поблагодарив, отказался. Он надеялся предупредить Учителя. От волнения, от света в окнах, от сильных запахов в воздухе, разносившихся от очагов с едой, от парной духоты, исходившей от обильно политых для прохлады дорог и дворов, у него разболелась голова... Он кинулся за город в Гефсиманию, надеясь застать учителя с учениками еще там, в саду, в молитве и беседе. Но напрасно. И здесь в тот поздний час он ни кого не обнаружил. В саду было безлюдно, и под тем большим фикусовым деревом, где схватила Учителя вооруженная толпа, тоже никого не было. Ученики отсюда разбежались, как и предсказывал сам Учитель...» (5, 466).

Помимо своего значительного религиозного багажа, анализируемый роман Ч. Айтматова имеет и воспитательное значение, которое для современного читателя обусловлено, прежде всего тем, что автор рассматривает ее как монумент о человеке. Понимание соразмерности человека и эпохи – один из принципов современной литературы, к какому бы историческому периоду не обращался писатель.

Ч. Айтматов являет собой одного из гениев литературы, в произведениях которого заложены или присутствуют критерии оценки человеческих действий. Отсюда и глубокое осознание соответствия

изображенной личности грандиозным задачам, поставленным для разрешения. Читатели убеждаются, что, отправляя своего героя Авдия Каллистратова мысленно в далекое прошлое, в Гефсиманский сад, Айтматов хотел показать соразмерность нравственных проблем современности и прошлого. Он показал, что человечество не изменилось в лучшую сторону: «Авдий с глубокой мукой во взоре бродил по улицам и площадям ночного жаркого Иерусалима, пытаясь вразумить того, кто самим Господом был послан на Землю для участи, ужасной и трагической, как вечный пример и укор людям... Но таково свойство человека, что этого укора никто напрямую на свой счет принимать не будет и каждый отыщет себе оправдание: мол, он тут при чем, мол, без него вершатся судьбы мира и пусть себе вершатся... Сколько неизбывной иронии таилось в том замысле, страдающем недооценкой человеческой культуры!» (5, 86).

Необъяснимым кажется и то, как Айтматов по-своему изображает момент, когда возбужденная толпа ликует, узнав об участи, выпавшей на долю Иисуса. Подобного художественного воплощения этой проблемы нет даже в русской литературе. В свете изображения религиозных мотивов, киргизскому писателю удалось сфокусировать в объемном объективе те странные дела, которые вершились в праздничном Иерусалиме две тысячи лет тому назад.

В результате этого обращения к основам инорелигии, Айтматов сделал верный выбор, не возвернув Иисуса в наши дни, а наоборот, «отправив», его в далекое прошлое с тем, чтобы человечество еще раз вспомнило о нравственном выборе, чтобы оно остановилось перед лицом грозящей опасности: «Уже в который раз прохаживаясь у городских ворот, Авдий встретил бродячую собаку на трех лапах, четвертую, подбитую, она поджимала к животу. Умно и грустно посмотрела на него собака... и до самого рассвета пес бродил вместе с Авдием. Все как есть понимал пес. А утром вновь в заботах и хлопотах проснулся город... Многие иерусалимцы стеклись к белостенному городском храму и оттуда взбудораженной толпой двинулись к римскому прокуратору Понтию Пилату. Примкнул к ним и Авдий Каллистратов: он понял, что речь идет о судьбе Учителя... Разные страсти влекли сюда разных грамотеев. И много было таких в толпе, кто посмеивался над беднягой, расплачивающемуся головой за

потесненный свой трон, глумились над обреченным чудачком и сетовали: что, мол, прокуратор тянет, рубить так рубить с плеча, чего еще нянчиться, солнце вот как припекает, и до полудня все изжарятся на Лысой горе...» (5, 99). Айтматов как бы специально пишет эти строки, чтобы «поиздеваться» над теми, кто борется за справедливость, и показать, за что люди глумятся над ним (яркий пример этому то, как жестоко обращались с Авдием наркоманы, издеваясь только за то, что он хотел открыть им глаза). И далее: «Это Иисус Назарет, он де кого хочешь заговорит, кому угодно голову задурит. Ясное дело – треплет там языком и смущает Прокуратора, чего доброго наместник римский возьмет да и отпустит, а тогда зачем же мы стоим здесь... И Иисус хорош – наобещал в три короба, только где оно его Царство новое, а теперь его самого вздернут... Слушая их речи, Авдий возмущается: «Не смейте так говорить. Неблагодарные, низменные душонки! Как можно так осквернять и опозлять великую борьбу человеческого духа с самим собой. Вам гордиться надо им, люди, его мерой мерить себя! – в отчаянии крикнул Авдий Каллистратов, обливаясь слезами в толпе иерусалимской. Но никто его не слышал, никто не замечал его присутствия. Ведь ему предстояло родиться в далеком XX веке» (5, 102).

Как тут не вспомнить булгаковский роман «Мастер и Маргарита», где так же есть проблема – люди как люди. Вначале представления с элементами черной магии Воланду интересно узнать «нутро» людей, изменилась ли Москва или нет? Он убеждается, что народ абсолютно не изменился.

Булгаков одарил нас прекрасным романом, дав возможность несколько иначе посмотреть на возникновение христианства. Но искусство продолжает жить, одаривая нас высокими, чистыми, светлыми произведениями. Поэтому нельзя отрицать то высокое, духовное, что таится в книге Айтматова: «Любое дело, - пишет Айтматов, - начинается с порогов. Как и книга. Уж если решился на дорогу, ты должен идти вперед, преодолевая преграды. Книга должна, по-моему, в процессе написания становиться более зримой, вещной, что ли, а главное – поэтичной. Ведь поэзия – это высшая радость, радость познания тайны. Ты узнаешь, открываешь казалось бы в обыкновенной жизни что-то необычное, о чем минуту назад и

не подозревал. И вот ты – обладатель красоты, мысли или чувства, добытых тобой, доверившихся тебе. От этого, действительно, может стать вдруг боязно. Ведь невозможно думать, на что ты оказался способен, отважившись на тяжкий и неизбежный путь в поисках истины и красоты духа! Что собственно удалось открыть тебе на этом поприще познания действительности, на котором до нас трудились многие поколения художников слова? Столь велика ответственность. Отсюда и страх, который, я уверен, наряду со счастьем творчества, испытывает каждый писатель...» (29, 258).

Когда истинный писатель взволнованно и с какой-то осторожностью относится к своей работе над книгой, то можно говорить о высокой нравственно-этической оценке им своего собственного творчества. Тот факт, что Айтматов в спорах об Иисусе Христе высказывает свою вескую позицию, как нейтральный, настоящий судья, говорит о наличии параллели между его романом и произведениями Достоевского и Булгакова. Навеянные религиозными мотивами, эти произведения объединены стремлением к познанию чуждого, инонационального ради одной цели – спасения человека, спасения Земли. Айтматов более всего страждет этого; в его тексте перечисление фактов, информация о деяниях Христа за определенное время практически не присутствует. Кроме того, в романе Айтматова есть особенное, неповторимое, оставляющее незабываемое впечатление письмо, точнее записка Понтию Пилату от его жены, в которой она умоляет простить Иисуса, не навлекать на себя гнев и ненависть потомков, уважать мнение близкого человека: «Прокуратор, супруг мой, не причиняй, прошу тебя, непоправимого вреда этому скитальцу, прозываемому, как сказывают, Христом. Все говорят, что он безобидный праведник, чудесный исцелитель всех недугов. А то, что он сын Божий, мессия, чуть ли не царь Иудейский, так что, может, на него наговорили. Не мне судить, так ли это. Сам знаешь, что за скандальный и одержимый народ эти иудеи. А что если это правда? Ведь очень часто то, что на устах презренной толпы, потом подтверждается. И если так окажется и на этот раз, тебя же потом проклянут. Сказывают, что служители синагог здешних, да городские старейшины испугались и возненавидели этого Иисуса Христа из-за того, что народ вроде за ним подвинулся, и из зависти

священники его оклеветали и натравили на него невежественную толпу. Те, что вчера молились на него, сегодня побивали его камнями». Жене Понтия Пилата кажется, нелепым – казнить человека только за то, что он говорит добрые слова: «Мне кажется, что если ты согласишься на казнь этого юродивого, то вся худая слава впоследствии падет на тебя, супруг мой. Ведь нам не вечно сидеть в Иудее. Я хочу, чтобы ты вернулся в Рим с достойными тебя высокими почестями. Не делай этого...» (5, 443).

Отметим, что, следуя ранее созданным примерам, где так или иначе обращается внимание на религиозное начало, на становление развития христианства, Айтматов придает своему герою Понтию Пилату невероятно трудную «повестку в жизнь». Он обрекает его на постоянные муки. Из романа Айтматова можно сделать вывод, что Иисус Христос – Учитель не новоявленный, а давно существующий и своими деяниями вселившийся в ума людей, в частности Понтия Пилата. С другой стороны, создается впечатление, что от принятого решения Пилат Айтматова страдает больше, чем Пилат Булгакова. Обратившись к текстам Айтматова и Булгакова, можно убедиться в том, насколько двойственен характер Понтия, насколько сильны и противоречивы в нем Божье и Антихристово. У Айтматова читаем: «О Боги, Боги! Чем я вас прогневал? – простонал Понтий Пилат и в который раз пожалел, что не отправил сразу же без лишних слов и проволочек этого невменяемого и неистового лжепророка со стражей к палачам туда, за городские стены, где на взгорье должна была свершиться казнь, которую требовало иерусалимское судилище. И вот теперь и жена вмешивается в его прокураторские дела, в чем ему виделась, если не скрытая сила, стоящая за Иисусом Христом, то, во всяком случае, сопротивление небесных сил этому. Но небожителей земные дела мало интересуют, а жена – что она понимает своим женским умом в политике, зачем ему пробуждать вражду первосвященника Каифы и его иерусалимской верхушки, преданной и верной Риму, ради этого сомнительного бродяги Иисуса, носящего кесарей... А меж тем у него промелькнула мысль, что уже не раз приходила ему на ум: казалось бы, сколь ничтожны люди... и среди всего этого разврата и мерзости откуда-то вдруг – провидение, пророки, порывы духа. Взять хотя бы этого – он так уверовал в

свое предназначение, что точно во сне живет, а не наяву...» (5, 444). Булгаков же подошел к этому несколько иначе: «За сегодняшний день уже второй раз пала на него тоска. Потирая висок, в котором от адской утренней боли осталось только тупое, немного ноющее воспоминанье, прокуратор все силился понять, в чем причина его душевных мучений. И быстро понял он это, но постарался обмануть себя. Ему ясно было, что сегодня днем что-то безвозвратно упустил, и теперь он упущенное хочет исправить какими-то мелкими и ничтожными, а главное, запоздавшими действиями. Обман же самого себя заключается в том, что прокуратор старался внушить себе, что действия эти, теперешние, вечерние, не менее важны, чем утренний приговор. Но это очень плохо удавалось прокуратору...» (15, 250).

В свете развития религиозных мотивов, выведенных в названных романах в образе Понтия Пилата, авторы показывают, насколько шатка власть Римского императора и насколько реально появление такой мессии, как Иисус, в деле поднятия духа своих последователей, воздействия на их нравственность. Муки, переживания обоих Пилатов тому яркий пример.

Отметим, что образы, созданные Ч. Айтматовым в «Плахе» – Авдий, Понтий Пилат, Христос, Обер-Кандалов и другие – это плод художественного перевоплощения и мифа о Христе, и самых отрицательных сторон современной действительности. И пусть эти образы по национальности или инонациональности остаются последними для Ч. Айтматова, они все равно, что национальные. Ведь именно ему принадлежит мысль о том, что мерой художественного таланта писателя является сила эмоционально-нравственного воздействия его искусства на людей.

В этом плане очень интересно, что в периодике было много откликов на роман «Плаха», многие обратили внимание, как он отнесся к явлению Христа; были публикации, в которых, перечисляя достоинства романа, к слабым сторонам романа отнесли линию христианства. Некоторые из них видели в Авдии подобие Христа. Так В.А. Доманский писал: «Своеобразным двойником Иисуса в романе является Авдий Каллистратов. Он не только проповедник, но и борец, вступающий в поединок со злом за высокие человеческие ценности. Он мечтает о братстве людей, вековой преемственности

культур, взывает к людской совести, стремится пробудить у них чувство ответственности за все живое на земле. Но Авдий одинок, и в этом его слабость, потому что в мире, который его окружает, размыты границы между добром и злом, попорнены высокие идеалы, торжествует бездуховность. Он не принимает проповеди Авдия...» (22, 28).

Роль писателей, изображающих историю религии, традиции, обычаи, ритуалы приверженцев той или иной веры неопределима в том плане, что если они не будут касаться этой темы, то восторжествует бездуховность. Но такие, как Понтий Пилат, не должны торжествовать, иначе люди не научатся проповедям в храмах, не услышат голоса с небес, а всегда будут следовать за кесарем, как стадо за пастухом, почитая только того, кто окажется беспощадней и могущественней других.

Подводя итоги отметим, что «возвращение» к вечной проблеме – явлению Христа – не означает слепого следования тем идеалам, которые возникли уже в постсоветское время. Писатели вновь и вновь возвращаются к этой теме, пытаясь остановить человечество на пути к Апокалипсису.

Глава II.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА: экологические проблемы современности

Исследование творчества тюркских писателей дает богатую пищу для размышлений о сущности жизни и о месте человека в ней. И, возможно, вследствие вышеуказанного невольно проявляется интерес к тому, как же эти писатели относятся к проблеме происхождения Земли, судьбам цивилизации. Особенно отчетливо прослеживается данная проблема в повестях и романах Чингиза Айтматова.

Чингиз Айтматов был одним из первых писателей, который смело и правдиво затронул глобальные проблемы, о которых в советское время было не принято ни говорить, ни писать. Достаточно назвать его роман «Плаха», переведенный на многие языки мира. В современной мировой литературе мало произведений, достигших такого небывалого успеха.

В этом произведении Чингиз Айтматов затрагивает общечеловеческие проблемы: нравственные проблемы, проблему добра и зла, честности и лжи, активности и равнодушия в природе, определившие главное его содержание. Здесь сталкиваются совершенно диаметрально противоположные процессы взаимоотношений человека и власти, назначения человека на земле и вообще судьбы мира и человечества.

О творчестве Чингиза Айтматова написано немало книг, монографий и статей. Чем же так привлекает исследователей его произведения? Ответ на поставленный вопрос, конечно же, не

может быть однозначным. «Сегодня человечеством получен глобальный вызов – в мире грозно обострившихся экологических и политических проблем и зловещих тенденций инволюции – так называемого возвращения к варварству... Уверен, что прочитавшие Айтматова всего могут быть в числе сильных стратегов перед лицом глобального вызова» (30, 12).

Много поучительного, высоконравственного читатель может почерпнуть для себя в произведениях Ч. Айтматова. Изучение его творчества – дань уважения тюркскому народу, родившего такого гения, достойного называться великим гражданином Земли.

В настоящей главе нами предпринята попытка проанализировать проблематику повестей писателя «Белый пароход», «Пегий пес, бегущий краем моря» и романов «И дольше века длится день», «Тавро Кассандры». Особая ценность этих произведений Айтматова заключается в том, что в них писатель утверждает не только право человека на жизнь, духовную свободу, но и его ответственность за жизнь на земле своих предков, а также и других народов в не меньшей степени. Подтверждением этому служит высказывание А.Золотова: «Это ощущение единения людей не по принципу места проживания, европейства, азиатства или евразийства, а по одному – единственному критерию: «человек – не человек» (35, 11).

Основной лейтмотив вышеперечисленных произведений – «человек и природа». Это тема, к которой писатель постоянно возвращается, углубляет ее, развивает потому, что он никогда не ощущает себя выше этих событий, но и не остается безразличным к ним. Отметим сразу, что если поиски нового слова в звучании названной проблемы для писателей различного уровня являются необходимостью, то для Айтматова это само собой проявляющееся и развивающееся под пером писателя явление. То есть, говорить в данном случае об особых художественных исканиях киргизского писателя, связанных с эстетическим осознанием первоэлементов бытия, не приходится. Проблема эта и ее разрешение в произведениях Айтматова не ограничивается какими-то отдельными находками – выводами о происхождении Земли, судьбе цивилизации, а наоборот. Она, чаще всего, обуславливается «мате-

матической точностью» совпадения с научными исканиями в этой области.

Своеобразное сближение Айтматова с данной проблемой, выявление идейно-эстетических основ ее как оригинально сформулированной мысли, дает нам право говорить о традициях этого киргизского писателя. В них автор постоянно с большой эмоциональной силой выражает свои сокровенные мысли о боли Земли, «переживающей», как и многие миллионы лет назад, «страх» за самосохранение.

Удобный способ-передача этих традиций посредством мифов и притчей стал для Айтматова наиболее оптимальным в повести «Пегий пес, бегущий краем моря». Исследователи творчества Айтматова не раз отмечали неповторимое восприятие и дальнейшее воссоздание писателем глубины той философской мысли, которая сокрыта в этих сказаниях. Поэтически и философски отражая их содержание, Айтматов делает шаг вперед в деле утверждения той или иной позиции, преломляет поиски верного и доброго в общем «макете» становления Земли, и жизни на Земле в целом.

Грандиозную панораму зарождения Земли Айтматов дает в самом начале повести, как бы невзначай вспоминая то, что было отражено в устном народном творчестве многих литератур. Но еще никогда не было нарисовано столь масштабное движение от маленькой зацепки до столь могущественной тверди. И если вода образовалась как-то сама по себе «в круговерти своей – в черных безднах, в безмерных пучинах», то Земле суждено было образоваться только благодаря гениальности вымысла древней утки Лувр, которая, не найдя даже тростиночки, смогла найти решение: «С криком летала утка Лувр – боялась, не удержит, боялась, уронит яйцо в пучину бездонную. И куда бы ни отправлялась утка Лувр, куда бы не долетала она – везде и повсюду плескались под крыльями волны, кругом лежала великая Вода – вода без берегов, без начала, без конца. Извелась утка Лувр, убедилась: в целом свете не было места, где бы построить гнездо.

И тогда утка Лувр села на воду, надергала перьев из своей груди и свила гнездо. Вот с того-то гнезда плавающего и начала земля образовываться. Мало-помалу разрасталась земля, мало-помалу за-

селялась земля разными тварями. А человек всех превзошел среди них – приноровился по снегу ходить на лыжах, по воде плавать на лодке. Стал он зверя добывать, стал он рыбу ловить, тем кормился и род умножал свой» (10, 322).

Отметим, что в данном отрывке из повести есть несколько преднамеренное и ироничное отношение к дальнейшим действиям человека. Это, вероятно, предпринято автором с той целью, чтобы во всех будущих бедах человека, в данном случае героев повести, отправившихся на охоту в открытое море, обвинить самих людей.

Тем более что, вслед за этим отрывком, Айтматов передает заведомо опять же предвзятое отношение к человеку со стороны обидчика – моря: «Да только если бы знала утка Лувр, как трудно станет на белом свете с появлением тверди среди сплошного царства воды. Ведь с тех пор, как возникла земля, море не может успокоиться; с тех пор бьются море против суши, суша против моря. А человеку подчас приходится очень туго между ними – между сушей и морем, между морем и сушей. Не любит его море за то, что к земле он больше привязан...» (10, 322). Значит, завязка есть. Море будет мстить человеку при каждом удобном случае.

Напряженная философско-эстетическими поисками повесть Ч.Айтматова помогает читателю находить новое в эволюции образования в единое пространство суши в отдельности, и океанических, и морских вод с сушей вместе. Расширяя диапазон традиций изображения в литературе первоэлементов бытия, киргизский писатель стремится утвердить в сознании человека идею первобытия у разных народов, живущих совсем далеко от исторической Родины Айтматова. Жизнь народа нивхи, прослеженная автором на примере и фоне одного события, причем события трагического, вызывает в читателе, искушенном литературой о первоначальном расположении всего окружающего, как минимум интерес к этногенезу этого народа, благо примеров в произведении предостаточно.

Надо отметить, что в повести Ч.Айтматова факты из жизни нивхов не фон действия, а буря, как в прямом, так и переносном смысле, где раскрывается характер народа, а равно и характер общечеловеческий, так как не одни нивхи в целях устройства жизни прибегают к насилию по отношению к природе и животного мира. Эта

буря «овладевает» умами миллионов землян, которые сознательно или бессознательно (не имеет значения) губят природу, уничтожают все вокруг себя, оставляя человечеству небольшой шанс для выживания.

Уместно было бы вспомнить ставшие уже классическими строки из книги знаменитого писателя Айзека Азимова «Выбор катастроф (от гибели Вселенной до энергетического кризиса)», в которой он подходит к слову «катастрофа» в его изначальном значении, считая, что перевороты, так или иначе, приводят к прямой зависимости человека от этого слова. Предупреждая человечество о том, что оно в скором времени привыкнет ко всякой трагической развязке в плане восприятия Вселенной и внимательного исследования изменений, происходящих в частности на Земле, разделяя катастрофы на своеобразные иерархии от первого до пятого, А.Азимов придает каждой из них особый статус, своеобразную оценку проявляемости в большей или меньшей степени. Среди пяти иерархий наше внимание особо привлекают третья и четвертая: «Солнце может продолжать сиять так же благожелательно, как всегда, но сама Земля может претерпеть своего рода конвульсию, которая сделает жизнь на ней невозможной. В таком случае жизнь человечества может прекратиться, даже если Солнечная система будет продолжать свой обычный цикл вращений и оборотов. Это мы бы назвали катастрофой третьего разряда.

Однако, хотя Земля может оставаться теплой и приятной, на ней может произойти нечто такое, что уничтожит человечество, оставив, возможно, некоторые другие формы жизни нетронутыми. В таком случае эволюция закончится, а Земля с видоизмененным составом жизни будет процветать и без нас. Это катастрофа четвертого класса...» (3, 13).

Добавим, что «Выбор катастроф» А.Азимова вполне соответствует тем масштабным проблемам, поставленным в произведениях Ч.Айтматова, которые резко и отчетливо говорят о нависшей угрозе над человечеством вообще. Ясно, что тайны бытия, современного состояния Земли в целом не могут воедино иметь разные мнения о грядущем, далеко не праздном состоянии окружающей нас природы, как не могут быть и противопоставлены. Уже

давно настало время, когда человек должен и обязан просить той же помощи у природы, которая когда-то и поставила человека на ноги, смогла дать ему первое необходимое, стала фоном создания цивилизованного общества. Это было на заре человечества, а значит она — природа, может «протянуть нам руку помощи вновь, как бы давая знать, что может прощать человеку все обиды, всю нанесенную боль за долгие-долгие тысячелетия». И, словно чувствуя это, Ч.Айтматов в финальных эпизодах повести «Пегий пес, бегущий краем моря» дает нам знать, что природа, наравне с тем, что может мстить человеку, может и помочь ему, если видит ростки доброго в этом самом человеке. Интересно, что автор повести, начав повествование о создании бытия, вновь возвращается к нему, но уже, не перешагивая через «обиды природы», а «заставляя» под своим пером мальчика взять все плохое человечества на себя во имя того, чтобы жизнь на нашей планете не гасла. Мальчик, как и в «Белом пароходе», свято верит в чувственность природы.

Рассмотрим финальную часть повести. Кириск с большой надеждой на то, что природные силы помогут ему вернуться к своему народу, обращается к ветру и к волнам – акимулгунам: «... Ты держись, ветер, не уходи. Я не знаю, как тебя звать, это мог бы сказать мне аткычх Орган. Но будь моим братом. Не уходи, не уклоняйся, ветер в другую сторону. Ведь ты можешь долго держаться так, как тебе нужно. Помогите мне, ветер, не уходи. И я узнаю твое имя, и буду звать тебя по имени. А хочешь, я буду звать тебя ветер Орган? По имени моего аткычха Органа. И буду всегда тебя называть – ветер Орган. И ты будешь меня звать...

... И еще заговаривал он волны: «Волны, вы сейчас погоняете мой каяк, вы сейчас хороши. Я буду звать вас – волны акимылгуны. Вы идете туда, куда полетела агукук. Ведь вы можете долго катиться туда, куда вам нужно. Не уходите волны акимулгуны, не сбивайтесь с пути. Я бы поплыл на веслах, но я совсем обессилел. Вы же видите, я плыву по вашей воле. Если я останусь жить, я всегда буду знать: вы идете по ветру Органа. И звезде Эмрайина. И я всем передам: акимылгуны в море к добру! Помогите мне акимулгуны. Не уходите, не оставляйте меня...» (10, 322).

Интересно то, что Айтматов между обращениями к ветру Органу и волнам акимылгунам вставляет и мольбу Кириска, обра-

ценную к звезде, которую мальчик назвал именем отца своего – Эмрайина, считая, что именно к ней поднимал взоры рыбак. В этом эпизоде Айтматов обращает внимание читателя на то, что Земля во Вселенной, как и мальчик в этом страшном море – это звезда, и она может погаснуть в любое время, как только почувствует, что она больше не нужна человеку. Но человек – мальчик Кириск (и миллионы таких, как он) знает, что в долгу громадном перед природой, и должен отдать свой долг. Ведь есть же еще такие, как мальчик Кириск, который уверен, что его жизнь или смерть в руках природы. А природа не мстит тем, кто знает в ней толк, кто уверен, что только она, природа, в силах помочь человеку в данном случае и человечеству вообще. Не будет излишним напомнить, что такое «очеловечивание» природных сил, неживых предметов мы можем проследить и на примере мальчика-мечтателя из повести «Белый пароход», который «уплывает», в то время как в повести «Пегий пес...» остается все-таки продолжателем рода нивхов. Это говорит о том, что Айтматов, написавший историю Кириска после истории «уплывшего» мальчика, все-таки хочет, чтобы человек не противопоставлял себя природе, не уничтожал себе подобных, ополчаясь зачастую против всего человечества. Он делает значительный шаг в преодолении барьера между человеком и природой, ставя превыше всего, как мы уже отмечали, первозданность.

Называя в одном из интервью двадцатый век веком катастрофических событий, сравнивая его с терактами в самом начале XXI века, писатель вселяет в наше сознание самое настоящее «сомнение в скором торжестве разума и милосердия». Он отмечает роковое течение судеб, внутреннюю противоречивость человеческого сообщества, которое «лучшие материальные и духовные силы отдает военному молоху». Айтматов уверен, что его поколение сделало немало для спасения человечества, но все же именно оно нанесло большой урон окружающей среде, а что сделают будущие поколения для спасения Земли? В своем интервью он замечает по этому поводу: «Не мне бы, казалось, многие лета уже позади, сильно терзаться, глядя на ускоряющееся приближение нового захода истории и последующих дней земных, несущих в себе тайну будущего детей наших, ведь апогей моего поколения позади. Это было недавно и уже дав-

но, когда мы боролись за мир во всем мире. Может, кому-то из тех, кто сегодня молод, смешна даже память об этом. Но полыхает вся планета. Так как же преобразят свою эпоху нынешние поколения?» (16, 3).

Очевидно, айтматовские герои, и в том числе мальчик Кириск из повести «Пегий пес, бегущий краем моря», менее всего подготовлены к тому, чтобы бороться за Землю, хотя и делают все, что им под силу. Чаще всего они остаются одни в этой борьбе, и отсюда их, а значит, и всего человечества беды. Думается, их деятельность, распределение «роли» в общечеловеческой массе, не должны параллельно являться предметом разговоров о судьбах Земли в частности и вселенной в целом. Ведь «один в поле не воин». А значит, добиться успехов в преодолении экологического кризиса можно только сообща. Как огромна наша планета, такой же огромной должна быть и сила человеческая, способная сберечь «перья» из груди птицы Лувр.

Говоря о соотношении роли человека и природы в сохранении цивилизации, нельзя не остановиться на повести «Белый пароход». Эта повесть привлекает внимание исследователей творчества Чингиза Айтматова не в первый раз, и не всегда с точки зрения названной проблемы. Бедственное положение экологии, уничтожение редких пород животных и видов растений обуславливает внимание исследователей в том плане, что необходимо предостеречь читателя от самых страшных деяний человека, его алчного отношения к ней. Естественно, одними литературными произведениями не решить этой проблемы. Но когда есть повод говорить об этом, значит, есть повод перейти от слов к делу, привлекая внимание тысяч и тысяч тех, кто ратует за сдачу позиций человека перед природой.

Своего рода иерархия названной проблемы в «Белом пароходе» позволяет выделить среди прочих безответственное отношение человека к первозданности природы, ее незыблемости, нетерпимости к тому, что человек должен менять место, скажем, камня, который веками лежал на том месте, где ему «велено» было. Это особенно ошутимо в восприятии мальчика – героя повести, ставшего предметом не одних только литературных дебатов, но и целого круга общественно-политических.

Важно подчеркнуть отличие этой повести от других айтматовских произведений: она является предупреждением того, что всякое

умаление борьбы за экологию не только может привести к катастрофе, но и противопоставить человека человеку, в корне повлиять отрицательно на подлинно нравственную систему ценностей вообще. Именно в этой повести Айтматов определил особенности проблемного изложения истинности и объективности нечеловеческого отношения к цивилизации. Он глубоко и полно выявил корни такого отношения к окружающей среде, которые срослись с природой, считают себя частью ее, а саму природу полностью оживляют в памяти своей – и это, прежде всего, мальчик. Вторая категория – это те, кому абсолютно безразлично то, что делается с природой. Это такие герои, как Бекей, Гюльджамал, т.е. герои, занятые своими обычными делами. И третья категория – это те, для которых природа в роли раба, с ней можно делать все что угодно. Это, в первую очередь, Орозкул, Сеидхахмет, Кокетай, и даже старик Момун.

То, что мальчик – это часть природы, Айтматов показывает с первых же страниц повести. Для него все окружающее живое, как и он, со своими болями и радостями. Еще в самом начале повести, описывая живые движения мальчика, Айтматов согласно этому движению передает переживания героя: «Мальчик быстро бежал, перепрыгивая через кустики и обегая валуны, если не по силам было их перескочить, нигде не задерживался ни на секунду – ни возле высоких трав, ни возле камней, хотя знал, что были они вовсе не простые. Они могли обидеться и даже подставить ножку. «Машина-магазин приехала. Я приду потом», – бросил он на ходу «Лежащему верблюду» – так он называл рыжий, горбатый гранит, по грудь вошедший в землю. Обычно мальчик не проходил мимо, не похлопав своего «Верблюда» по горбу. Хлопал он его по-хозяйски, как дед своего куцехвостого мерина, – так небрежно, походая: ты, мол, обожди, а я отлучусь тут по делу. Был у него валун «Седло» – наполовину белый, наполовину черный, пегий камень с седловинкой, где можно было посидеть верхом, как на коне» (10, 192).

Самое интересное то, что остальные камни – побратимы мальчика – представляли собою предметы воинствующего плана: значит, не проходили мимо ушей мальчика разговоры о насилии, войне, значит, мальчик всегда готовился к отражению атаки, так, просто для себя, выбрав и мишень, и оружие, с которого можно пальнуть:

«Был еще камень «Волк», очень похожий на волка, бурый, с седой, с мощным загривком и тяжелым надлобьем. К нему он приближался ползком и прицеливался. Но самый любимый камень – это «Танк», несокрушимая глыба у самой реки на подмытом берегу. Так и жди, кинется «Танк» с берега и пойдет, и забурлит река, закипит белыми бурунами. Танки в кино ведь так и ходят: с берега в воду – пошел... Мальчик редко видел фильмы и потому крепко запоминал виденное...» (10, 193). Как видно, вполне гуманистический идеал Айтматова также заражен симптомами насилия и зла.

Забегая вперед, отметим, что в силу недозволенности развития в своем герое отрицательных инстинктов, Айтматов плавно вводит его в конце повести в воды, давая читателю возможность оценить его писательскую позицию. Айтматову явно не хотелось своего героя окунуть в омут, который служит таковым для остальных героев повести, к концу произведения полностью забывших об их человеческом назначении.

Новаторством Айтматова в изображении отношения человека к окружающему миру, как и в повести «Пегий пес, бегущий краем моря», является то, что писатель, дав своим маленьким героям познать сызмальства, что такое хорошо, а что такое плохо, не дает развития этому познанию: в одном случае герой вовсе «уплыл» от нас, а в другом увиденное так сильно поразило героя, что вряд ли он будет в будущем воспринимать категории «хорошее» – «плохое» в их прямом смысле слова. Потенциал добра, которым столь щедро одарил своего героя Айтматов, дает возможность читателю максимально соотнести откровенное, скрытое в нем (вынужденно) от того, более явного деления предметов, животных, растений на разные по случаю и по образному восприятию маленького героя. Интересным является то, как вырисовываются в памяти вредные, добрые, хитрые, глупые ... камни, которые, наверное, влияют на восприятие окружающего по-разному, что в равной степени можно отнести и к растениям: «Среди растений тоже – «любимые», «смелые», «боязливые», «злые» и всякие другие. Колючий бодяк, например, – главный враг. Мальчик рубился с ним десятки раз на дню. Но конца этой войне не видно было – бодяк все рос и умножался. А вот полевые вьюнки, хотя они тоже сорные, – самые умные

и веселые цветы. Лучше всех встречают они утром солнце. Другие травы ничего не понимают – что утро, что вечер, им все равно. А выюнки, только пригреют лучи, открывают глаза, смеются... Днем, обычно в полдень, мальчик любил забираться в заросли стеблистых ширалджинов. Ширалджины высокие, цветов на них нет, а пахучие, растут они островками, собираются кучей, не подпуская близко другие травы. Ширалджины – верные друзья. Особенно если обида какая-нибудь и хочется плакать, чтобы никто не видел, в ширалджинах лучше всего укрыться...» (10, 193-194).

Для мальчика, который, как отмечает сам Айтматов, жил без друзей, ничего неродного в окружающем мире нет. Все для него слилось в единый мир, где он и хозяин этого мира, и в то же время часть этого мира, реагирующего на воздействие со стороны также безропотно, также покорно. В его сознании даже облака – друзья, которые ради тебя готовы превращаться во все, чего тебе хочется. Вряд ли в мировой литературе есть такое изображение беспредельности детской фантазии. В момент обиды мальчик находит успокоение, глядя в небо и созерцая то, как облака, превращаясь в разные фигуры, уносят обиду, буквально стирают слезы с глаз: «А потом приплывут облака, и будут выделять наверху все, что задумаешь. Облака знают, что тебе не очень хорошо, что хочется тебе уйти куда-нибудь или улететь, чтобы никто тебя не нашел и чтобы все потом вздыхали и ахали – исчез, мол, мальчишка, где мы теперь его найдем? И чтобы этого не случилось, чтобы ты никуда не исчезал, чтобы ты тихо лежал и любовался облаками, облака будут превращаться во все, что ты захочешь. Из одних и тех же облаков получаются самые различные шутки. Надо только уметь узнавать, что изображают облака» (10, 194).

Надо отметить, что Ч.Айтматову, столь ярко выражающему любовь к окружающей среде, полному тревоги и заботы о ней, не удастся убедить читателей в том, что любой человек, от маленького мальчика до взрослого, способного воспринимать категории «хорошо» или «плохо», должен защищать этот мир. Очевидно, писатель, который сам нередко организовывал различные форумы по экологии, не смог устоять перед натиском такого нашествия человека на природу, а значит и на самого себя, которое мы ощущаем в послед-

нее столетие. Человек-разрушитель предстает перед нами, как мы уже отмечали, в своем большинстве, если действительно учесть тех, кто остается в стороне, делая вид, что не замечает происходящего. Одним мальчиком дела не исправишь. Можно предположить, что и дед Момун на стороне мальчика, и чувствуешь, что вместе они – сила, но человеческая всепрощенческая или всеуничтожающая логика мешают таким, как этот старик, стоять на своем до конца. Дед Момун предает, прежде всего, самого себя и внука, окунувшись в дело уничтожения самого святого для киргизов. Удивительно просто показывает нам Чингиз Айтматов перевоплощение деда Момуна под воздействием социально-бытового толка. Жизнь Момуна, прошедшая в сплошных мытарствах, всетерпеливости и даже унижении, не может не вызвать в читателе гнев по той самой причине, что он был хотя бы не один. Он, прекрасно чувствуя натуру своего внука, понимал, что мальчишка совсем не от мира сего, что во всех окружающих людях не найти столько доброты и тепла, сколько было в его внуке. Постоянное ощущение боязни за жизнь близких, умение отдавать свои мысли в угоду тем, кто ничего на свете святого не ведаёт, приводят, прежде всего, к тому, что «уплывает» куда-то от них самый дорогой для него человек – его внук, и уплывает тогда, когда своими глазами видит предательство его, деда Момуна. Вспомним, как Сеидахмат приводит больного, исхудавшего мальчика, измученного ожиданиями прихода деда, к тому месту, где дед Момун варит мясо животного, являющегося святым для киргизов: «Он подошел к нему сзади:

– Ата, – сказал он.

Дед не слышал. – Ата, – повторил мальчик и тронул деда за плечо.

Старик оглянулся, и мальчик не узнал его. Дед тоже был пьян. Мальчик не мог припомнить, когда он видел деда хотя бы подвыпившим. Если и случалось такое, то разве где-нибудь на поминках иссык-кульских стариков, где водку подносят всем, даже женщинам. Но чтобы так просто – этого еще не случалось с дедом.

Старик обратил на мальчика какой-то далекий, странный, дикий взгляд. Лицо его было горячим и красным, и когда он узнал внука, еще больше покраснело. Оно залилось пылающей краской и тут же побледнело. Дед торопливо поднялся на ноги...» (10, 306).

В мировой литературе есть очень много примеров, где изображается несколько виноватое отношение старших к младшим: у Шекспира, Гете, Бальзака, Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого, С.С.Ахундова... И Айтматов изобразил деда Момуна виноватым не только перед природой, перед предками-киргизами, но и перед внуком, которому больше всех и внушалась любовь к окружающей среде. Объяснить этот факт можно лишь одним: человек ломается, теряет себя под тяжестью социально-бытового бремени. Не может он не понять всей тяжести преступления, совершенного им и его сородичами. С огорчением рисуя хлопоты деда Момуна по варке мяса, Айтматов вместе с тем ни на минуту не хочет отстать от времени. Того самого времени, когда манкуртизм все больше и больше овладевал умами большинства. Оказавшись в тяжких условиях, дед Момун отрекся, в самом прямом смысле этого слова, от нравственной чистоты. Ведь нравственную силу дед черпал из того источника, который назывался воспитанием и уходом за внуком, которого надо было растить как настоящего киргиза. А теперь? Кто он такой перед внуком? Пьяница, убийца или самый черствый человек в мире, для которого действительно уже нет моральных устоев? Непостижимо, каким образом этот человек мог так перемениться под воздействием условий. Необычайно точная нацеленность автора повести на показ изменения нравственного облика человека дает возможность читателю говорить о том, что есть на свете зло, и это зло, конечно же, человек. Киргизский писатель, выросший на лоне гор, знающий цену любому зеленому насаждению, любому зверьку, с ответственностью относится к своему делу: бичует тех, кто по каким-либо причинам готов переступить через самое святое. Айтматову нетрудно было изобразить именно эту, не поддающуюся никакому объяснению черту характера людей своего времени. Прообразом деда Момуна могли быть тысячи и тысячи тех, кто по чьей-то воле мог переоценить жизненные взгляды, и не всегда в лучшую сторону. Нельзя сказать, что новации Айтматова были беспрецедентны. Бывшая советская литература давала много примеров этому, но «болезнь неприязни к окружающей среде» искоренить не удавалось практически никому. Айтматов, всячески избегая такого «столкновения» между дедом и внуком на протяжении всей повести, все же не смог

остановиться. Чужой рукой (в данном случае рукою Сеидахмата) он приводит мальчика к тому месту, где дед, переворачивая съестное, полностью переворачивает свою жизнь. Разве это не прецедент изображения настоящей советской жизни? Невидимые, но очевидные стороны жизни ломали устои. Айтматов, ведя своего героя по этой дороге, старался показать отражение жизни человека в зеркале его же деяний, и это делает поступок деда Момуна непростительным, и, что самое главное, он сам это понимает:

– Ты что, а? – глухо сказал он, прижимая к себе внука, – ты что, а? Ты что? – И, кроме этих слов, он не мог произнести ничего, словно утратил дар речи.

Его волнение передалось мальчику.

– Ты заболел, ата? – с тревогой спросил он.

– Нет-нет. Я как просто, – пробормотал дед Момун. – Ты иди, походи немного. А я тут дрова, это самое...

Он почти оттолкнул внука от себя и, будто отвернувшись от своего мира, снова повернулся лицом к очагу. Он стоял на камнях, не оглядываясь, никуда не смотрел, занятый лишь собой и костром. Старик не видел, как внук его растерянно потоптался и пошел по двору...» (10, 306).

Айтматов внешне как бы устыдил деда Момуна, этому человеку вроде бы уже никогда не посмотреть в глаза мальчика прямо. Но разве лишь в этом дело? Старик Момун – один из тех жителей этих мест, который знает цену возвращения маралов на Иссyk-Куль. Знает и участвует в их «бойне», мало того, прислуживает, угождает тем, кто будет лакомиться этим святым мясом. Конечно, для художника с мировым именем, не очень-то трудно изображать столь непристойное дело, причем без покаяния тех, кто совершил все это, но Айтматов все-таки несколько не «дорисовывает» переживания стыда деда Момуна. Наверно, это было сделано с единственной целью – дед Момун не должен вызывать в наших сердцах чувство жалости или умиления.

Какое же обстоятельство определяет направление автора и что побуждает его так резко «говорить» о деде Момуне? Почему, вполне реалистически изображая быт и отношения тех, кто оказался на этом кордоне, Ч.Айтматов вдруг перебрасывает наше внимание на

вполне романтическую историю с мифом о маралах, заканчивающуюся довольно трагично? Думается, что киргизский писатель вполне осознанно вводит в свое произведение романтическое и реалистическое начала. Ведь без этого практически не мог состояться сюжет, который сопрягался бы с требованием времени, жизни советской. В бывшей советской литературе, придерживающейся в основном метода социалистического реализма, параллельно использовался и метод романтический. И вполне реально возникает вопрос: а почему не использовался, скажем, метод классицизма? Неужели столь строги и не востребованы были жесткие правила классицизма? Или это была дань уважения к личности Максима Горького, считавшегося основателем метода социалистического реализма: ведь начинал же он свое творчество романтическими произведениями. Наверно, все дело в том, что переплетение реалистического и романтического начал в советской литературе было вызвано желанием все-таки показать возможность построения идеального общества, а идеал, как известно, категория романтизма.

Интересны в этом смысле мысли известного литературоведа Н.Лейдермана. В статье «Открытие и опыт» он писал: «Именно в 70-е годы, когда решительно возросла роль нравственного фактора, когда духовная состоятельность личности определяется ее богатством, ее способностью брать на себя ответственность выбора и устремлять свою деятельность на достижение самых гуманных целей, все художественные ценности, обретенные в прошлом: романтические идеалы, открытия могущественной мысли, авторитет вековых народных норм – все это направляется в помощь и совет современнику. На пересечении традиций, идущих от Просвещения, романтизма, от критического реализма, художественное сознание 70-х годов совершает свое важнейшее духовно-эстетическое открытие: оно устанавливает, что идеалы, к которым устремлялась народная мудрость, мечта романтиков и мысль просветителей прорастают в процессе взаимодействия характеров с обстоятельствами как закономерная необходимость социалистической действительности, что они могут и должны становиться разумными, освященными вековым опытом и проверенными практикой живой современности, нормами жизни и деяний человека эпохи социализма...» (27, 28).

Отметим сразу же, что подчеркивание в цитате понятий, связанных с социализмом в данном случае условны. Но тысячу раз прав Лейдерман, что именно в 70-е годы возросла роль нравственного фактора (повесть «Белый пароход» написана именно в эти годы). В это время нравственно чистая духовная личность должна была взять на себя ответственность встать на защиту нравственных идеалов. Но этого, как нам известно, не случилось. Наоборот, общество с большой скоростью двигалось в сторону безнравственности, бездушия, какого-то непонятого безразличия ко всему, что связано, прежде всего, с окружающей средой. Эпохой застоя названо нынешним поколением то брежневское время. Но эта болезнь проявила себя больше всего в области нравственного. И, несмотря на то, что появлялись очень нужные читателям книги лучших авторов, этот поток остановить уже было невозможно, вплоть до нынешнего времени. Писателям буквально приходилось обращаться к романтическим идеалам, чтобы как-то остановить поток, обуздать стремления тех, кто на уничтожении экологии делал себе карьеру. Герои Социалистического труда, строя БАМ, разного рода электрические станции, находя новые нефтяные и газовые месторождения, строили, не задумываясь о последствиях, которые именно сейчас дают о себе знать. И в художественном сознании, в исследовании реальной конкретики, все больше и больше проявлялась тенденция романтизации художественной литературы. Одним изображением реалистических событий ограничиться было невозможно. Только возвышенное стремление к каким-то идеалам могло спасти литературу, а в равной мере и общество, погрязшее в экологических бедах. И во многом благодаря таким произведениям, как «Белый пароход», можно было вызвать тенденцию обратности, возвращения человека к той первозданности, которая назначена ему свыше. Задачи литературы как бы увеличивались во много раз. Ведь надо было спасти общество.

Н.Лейдерман отмечает, что процессы «романтизации», характерные для романтического течения, размывают границы между традиционно реалистическими и романтическими жанрами. В результате их взаимопроникновения возникают новые формы, в которых исследуются отношения между романтическим идеалом и конкретными

историческими обстоятельствами: идеал проверяется реальностью. В таких произведениях, как «Пастух и пастушка» В.Астафьева, «Усвятские гилемоносцы» Е.Носова, «Белые флаги» Н.Думбадзе, «Белый пароход» и «Ранние журавли» Айтматова, связь между романтической и реалистической поэтикой настолько органична, что спор об их принадлежности к традиционно реалистическому или романтическому течению имел бы чисто схоластический характер. Секрет своеобразия этих произведений состоит в том, что в их жанровых формах совершается взаимопроникновение и взаимообогащение романтических структур, а значит, и смыслов, закрепленных в этих структурах» (27, 28).

Действительно, достижения гуманистической цели, а также «возвращения» человека на свое место невозможно было достичь в «Белом пароходе», лишь опираясь на реализм. Конечно, реализм повести потрясает, заставляет человека быть начеку, ходить с красной повязкой и предупреждать постоянно об экологической катастрофе. Но идеалы мальчика, несовместимость его жизни с другими постояльцами кордона заставляют нас мечтать о чем-то возвышенном, чистом, необъятном. В этом плане можно говорить даже о двух контекстах повести, имея в виду то, насколько не сопрягаются мысли мальчика с действиями тех, кто работает на кордоне. Прав был Айтматов, изображая совсем маленький мир людей. Именно в этом маленьком мире столь глобально звучат масштабные проблемы, именно в этом мире есть островок надежды, увы, в конце повести «затапливаемый большой водой».

Романтическая тенденция айтматовской повести все же уступает место реалистической. Поиски художника слова не оправдались той надеждой, которую он сам возлагал на нее. Айтматов, часто умеющий опережать время и давать возможность человеку найти выход из тупикового состояния, в этом произведении не смог полностью устоять перед насилием тех, кто в угоду своему чреву приносит самые неожиданные жертвы, ставя остальных себе подобных под тяжкий экологический удар.

Айтматовский дед Момун, несмотря на довольно-таки зрелый возраст, не смог устоять перед натиском реальности, тогда как душа его была полна романтических радостей – маралы вернулись на Ис-

сын-Куль. Но его романтизм отнюдь не придерживается тех правил, которыми наделено само понятие в том плане, что киргизу, свыкшемуся с тем, что маралы навсегда покинули эти края, нельзя было удивляться тому, как бурно меняется мир, даже если он обновляется в лучшую сторону. То есть, очерченные Айтматовым рамки показа положительного героя через образ деда Момуна не могут найти своего логического завершения, а значит, переплетение реального и мыслимого мы уже не можем искать в этом образе, хотя до последних страниц повести неискушенный читатель и представляет деда Момуна в главной роли, тем более положительной, тогда как эту роль можно вполне отдать мальчику, который никак не может прийти в себя от увиденного, а главное от того состояния, в котором находился его любимый дед Момун. На глазах у мальчика совершается преступление, в котором участвует тот же самый любимый его дед: «Мальчик не понимал, что произошло с дедом и что происходило во дворе. И лишь подойдя поближе к сараю, он обратил внимание на большую грудку красного свежего мяса, наваленного кучей на шкуру, разостланную по земле волосом вниз. По краям шкуры еще сочились бледными струйками кровь. Поодаль, там, куда выбрасывали нечистоты, собака, урча, метала требуху. Возле кучи мяса сидел на корточках, как глыба, какой-то незнакомый огромный темнолицый человек. То был Кокетай. Он и Орозкул с ножами в руках разделявали мясо. Спокойно, не торопясь, перекладывали они расчлененные мослы с мясом в разные места на растянутой шкуре.

– Удовольствие одно! А запах какой! – говорил басом черный дюжий мужик, принимаясь к мясу» (5, 306).

Постоянный интерес ко всему окружающему приводит мальчика к потере рассудка в прямом смысле этого слова, столь тяжелым был нравственный удар, который продлится еще и ночью, когда все мужчины кордона будут в страшной пьяной спячке. Для мальчика, недолгая жизнь которого протекала как реалистически (он жил в своем мире среди любимых камней, растений, неба, облаков, рядом с любимым дедом), так и романтически (он наслаждался рассказами об оленях, радовался их возвращению, представляя радость народа), действия людей, окружающих его, становятся той точкой, дальше которой только отплытие к Кулубеку. И совсем не случайно

то, что Айтматов называет имена всех тех, кто занят разделыванием мяса Рогатой матери-оленихи, тем самым подчеркивая, что никто не остался за пределами преступления, все переступили дозволенное, кроме мальчика.

Ч.Айтматов не раз в своих выступлениях отмечал, что он сторонник изображения бытия, но ничто не может противостоять тому, что порою законы бытия должны уступать велению Божьему. И действительно, мальчик из «Белого парохода», как бы совершая круг по жизни окружающих его людей, становится тем пределом, дальше которого уже не может быть бытия. Для него, этого маленького существа, подобие человека животному видится не во сне, а наяву, и видится во всех, в том числе и в Момуне. Философско-эстетическая позиция Айтматова несколько расширяет возможности мальчика определить для себя то, что он видит. Чувствуешь, что вот-вот и мальчик сорвется, не поверит своим глазам, увидев то, что он никак не ожидал увидеть: «Мальчик оторопел, холодом обдало его, когда он увидел под стеной сарая рогатую маралью голову. Отсеченная голова валялась в пыли, пропитанной темными пятнами спекшейся крови. Она напоминала корягу, выброшенную с дороги. Возле головы валялись четыре ноги с копытами, отрезанные в коленных суставах. Мальчик с ужасом глядел на эту страшную картину. Он не верил своим глазам. Перед ним лежала голова Рогатой матери-оленихи. Он хотел бежать отсюда, но ноги не повиновались ему. Он стоял и смотрел на обезображенную мертвую голову белой маралицы. Той самой, что вчера еще была Рогатой матерью-оленихой, что вчера еще смотрела на него с того берега добрым и пристальным взглядом, той самой, с которой он мысленно разговаривал и которую заклинал принести на рогах волшебную колыбель с колокольчиком. Все это вдруг превратилось в бесформенную кучу мяса, ободранную шкуру, отсеченные ноги и выброшенную вон голову» (5, 307).

Айтматов, так редко использующий в своих произведениях сатиру, прибегает к ней в данном случае, когда Орозкул протягивает мальчику почки Рогатой матери-оленихи, требуя изжарить их и попробовать. Изображение этой сцены является одной из кульминационных моментов повести, когда человек вдруг забывается во власти того, что противно натуре его. И странно, что мальчик, в от-

личие от деда Момуна, не смог примкнуть к этим манкуртам, почки словно теснили его руку теплотой и свежестью, как бы говорили о том, какую напраслину сотворил человек, убив такое животное. В представлении мальчика все эти люди, возившиеся с мясом, с рогами оленихи, потеряли рассудок, подняли руки на такое существо, от которого можно было ждать только помощи всему человечеству, можно было попросить все, что душе угодно.

Особенно трогательна сцена прощания мальчика с рогами матери-оленихи. Представляющие настоящую непоколебимость рога оленихи долго не поддавались усердиям Орозкула, так тщетно пытавшимся отрубить их, чтобы в дальнейшем поставить рога на могилу деда Момуна (своего рода горькая ирония в адрес старика от ему же подобных). Для мальчика символом большого горя становится именно рассечение головы Рогатой матери-оленихи, не поддающихся смерти ее глаз. Словно угроза для всего человечества эта сцена, когда Орозкул с огромным нечеловеческим усилием отсекает рога, делит голову матери-оленихи на две части, и чувствует в этом геройский поступок. Тысячелетняя защитница человеческого рода становится в данном случае жертвой защищаемых. И это тоже своего рода романтический символ.

Интересен тот факт, что Айтматов, показывая жестокость Орозкула, его нечеловеческое усердие в достижении цели, хочет сказать, что человек может быть целенаправленным, стойким в чисто положительном плане. Неужели стоит ради лакомства уничтожать природу, тогда как нужно ее оберегать всеми силами? Неужели такие, как Орозкул, способны только на жестокие дела, а такие, как мальчик, должны ждать того момента, когда эта жестокость будет проявлена? И почему мальчику не дана сила остановить Орозкула, остановить людей, идущих на преступление ради наживы, и в то же время против своей воли. Айтматов ставит перед нами такие вопросы, давая возможность выбора для каждого из нас. Страшная сцена размозжения головы Рогатой матери-оленихи, происходящая на глазах романтически настроенного на жизнь мальчика, становится для него своего рода «пугалом» на всю жизнь. Жестокость человека всегда сосуществует с мягкостью другого человека, которого очень трудно найти, но в этом сосуществовании, как это ни парадоксаль-

но, жестокость берет верх. Рассмотрим сцену, когда Орозкулу наконец удалось рассечь голову Рогатой матери-оленихи, и как от этого действия ломается другой человек, не приемлющий жестокость:

«– Я и не такие головы могу разможжить! И не такие рога обломаю!» – рычал Оразкул в припадке дикой злобы и ненависти к этой безвинной голове.

Наконец ему удалось проломить череп и в темени, и на лбу. Тогда он бросил топор, схватился обеими руками за рога, и, прижимая ногой голову к земле, крутанул рога со зверской силой. Он вырывал их, и они трещали, как рвущиеся корни. То были те самые рога, на которых мольбами мальчика Рогатая мать-олениха должна была принести волшебную колыбель Орозкулу и тетке Бекей...» (5, 307).

Наверно, это и есть символ: мальчик просит колыбель для бездетного Орозкула, а тот становится тем, кто лишает детенышей-маралов собственной матери. Мальчик понял, что не видать тетке Бекей и Орозкулу колыбели, как не видать маралам своей Рогатой матери. Мальчику стало дурно. Он повернулся, уронил почку на землю и медленно побрел прочь. Он очень боялся, что упадет, или что его стошнит тут же на глазах у людей. Бледный, с холодной, липкой испариной на лбу, он проходил мимо очага, в котором ошалело горел огонь, над которым клубился горячий пар из котла и у которого, повернувшись ко всем спиной, сидел по-прежнему лицом к огню несчастный дед Момун. Мальчик не стал беспокоить деда. Ему хотелось быстрее добраться до постели и лечь, укрывшись с головой. Не видеть, не слышать ничего. Забыть...» (5, 316).

Именно о сохранении природы, о сохранении человеческого и мечтал мальчик, своими детскими раздумьями заставляя нас, взрослых, также думать об этом. Но маленькие еще ростки лучших нравственных качеств могли утонуть в грязной воде людской алчности, ненасытности, жестокости. Поэтому мальчику так хотелось забыться, стоять вдали от этой грязи, не сдаваться перед мелкими чувствами. Мальчик, безусловно, претендует на роль защитника национальных интересов киргизов: ведь не раз было сказано о том, сколь важную роль играли эти маралы в жизни предков киргизов. Айтматовский герой не может переступить через эти национальные символы, но в то же время он еще не в силах противостоять тому об-

шеству, которое уже в 70-е годы деградировало, самоуничтожалось. Люди этого общества, как верно отмечает Айтматов, чувствовали себя князьями, наверно, совсем не думая о том, какие беды ожидают их в недалеком будущем, с какими природными катаклизмами придется столкнуться человечеству только потому, что такие как Орозкул, когда-то считали себя князьями.

Интересен тот факт, что Айтматов, рисуя разговор пьяных, сидящих за трапезой из мяса Рогатой матери-оленихи, точь-в-точь передает страшный тип доносчика сталинских времен в образе Орозкула, который, можно сказать, вынудил старика Момуна пойти на преступление, сказав, что его байские рассказы с запугиванием бедняков, могут привести к тюремному заключению. Ведь именно он, дед Момун, утверждал, что бугинцы – дети Рогатой матери-оленихи, что он, якобы, мог поплатиться за свои слова. Вот этот «примерный» тип сталинских времен, еще долго существовал в советскую бытность, долго висел дамокловым мечом над теми, кто хотел сказать что-либо в защиту правды, человека, природы. Странно, что, рассказывая эту историю, Орозкул не скрывает своих намерений «в случае чего». В общем смехе, который слышится из этой пьяной толпы, автор повести особо выделяет смех деда Момуна, подчеркивая тем самым зависимость этого человека от воли, прихоти остальных, совсем других.

Синдром враждебного окружения, который так давил на мальчика (ведь теперь он был один, дед Момун тоже вынужден был перейти на вражью сторону), – это пример настоящего безвыходного положения. Самым страшным было то, что мальчика мучило сознание своей беспомощности перед этими пьяными, сознание того, что он слишком одинок, чтобы предпринять что-либо, да и физические силы покидали его. Мальчик только предполагал, как бы он мог отомстить окружающим его людям, так жестоко нарушивших святой закон предков. В своем стремлении наказать их, мальчик, как отмечает Айтматов, искал способы того, как бы доказать этим людям, что они поступают жестоко, что они глумятся над природой, что человек есть враг. В припадке лихорадки Айтматов последний раз поднимает мальчика, в последний раз дает ему шанс остудить головы тех, кто пошел против природы. Но, увы, действия его были

тщетны. Люди, в том числе дед Момун, пожинали плоды жестокости, все были в пьяной спячке, как будто богом наказанные: «Во дворе было пусто. Возле угасшего очага мальчик наткнулся на смертельно пьяного деда Момуна. Старик лежал здесь в пыли, рядом с зарубленным телом и рогами Рогатой матери-оленихи. Обрубок маральей головы грызла собака. Больше никого не было. Мальчик наклонился над дедом, потряс его за плечо.

– Ата, пойдем домой, – сказал он, – пойдем.

Старик не отвечал, он ничего не слышал, он не мог поднять головы. Да и что ему было отвечать, что сказать?..

Кто знает, понимал ли мальчик умом своим детским, или же ему невдомек было, что старый Момун лежал здесь в расплату за свою сказку о Рогатой матери-оленихе, что не по своей воле посягнул он на то, что сам внушал ему всю жизнь, – на память предков, на совесть и заветы свои, что пошел он на это дело ради злосчастной дочери своей, ради него же, внука...» (5, 317).

Страшная картина – запятнанное кровью и пылью лицо деда Момуна, в котором мальчику почудилась голова белой маралицы – заставила мальчика принять решение, которое зрело в нем вот уже некоторое время: он решил сделаться рыбой, уплыть и не видеть той жестокости, которой на его век хватило.

Романтизированный исход повествования не кажется случайным. А вдруг люди опомнятся? Вдруг почувствуют, что они недоброжелательны в отношении природы? Вдруг представится возможность восстановить утраченное, вернуться в природу, стать ее действительной, защищающей частью? Наверно, Айтматов предполагал, что эти вопросы человек может поставить перед собой и решить их положительно. И тогда мы поймем, что уплытие мальчика было уместным, закономерным, вовремя предпринятым решением.

Говоря об отношении человека к окружающей среде, последствиях людской деятельности, приведшей к трагическим последствиям, нельзя не остановиться и на романе «Буранный полустанок». Думается, что Ч.Айтматов, решивший всю свою творческую силу направить в русло защиты человеком природы, и в этом романе поставил такие же проблемы. Это одно из немногочисленных произведений, где опять же переплетением реального и романтическо-

го планов автор показывает не только уничтожение человеком природы, но и обратный процесс: природа «обозлилась» на действия человека, она сама выбирает тактику нападения.

Еще с первых страниц романа мы наталкиваемся на проблему недовольства природы деяниями людей. Обычная лисица голодна, и от этого еще более злая, в поисках пищи она переживает нечто вроде недовольства: какие-то стальные рельсы, вдруг поднимающийся и также утихающий стук колес, запах дыма, идущий из близлежащих домов – все это мешает ее охоте, заставляет «примеряться» к добыче по несколько раз.

Интересно, что Айтматов обрисовывает нервозность лисицы, словно доказывая мысль, что на свете все переменялось, но в большинстве своём не в лучшую сторону. Постоянные поиски лучшего места, стремление уйти от человеческих капризов, строительство всевозможных объектов где угодно, изменение места обитания фауны – все это не могло не вызвать писательский интерес и стремление помочь человеку опомниться. Одно только наблюдение над переживаниями лисицы дает нам возможность понять, сколь масштабна катастрофа, обуревающая земной шар все больше и больше: «...оглушительные шумы периодически пробегающих поездов всякий раз заставляли ее напряженно вздрагивать и еще крепче вжиматься в себя. От гудящего подо всем своим хрупким тельцем ребрами ощущала эту чудовищную силу земли... превозмогая страх и отвращение к чуждым запахам, не уходила из овражка, ждала своего часа, когда с наступлением ночи на путях станет относительно тихо...» (6, 121).

Далее Айтматов предоставляет читателям возможность почувствовать, до чего разумной является эта лисица: «В перерывах между поездами в степи наступала внезапная тишина, как после обвала, и в той абсолютной тишине лисица улавливала в воздухе настораживающий ее какой-то невнятный высотный звук, витавший над сумеречной степью, едва слышный, никому не принадлежащий. То была игра воздушных течений, то было к скорой перемене погоды. Зверек инстинктивно чувствовал это и горько замирал, застывал в неподвижности, ему хотелось взвыть в голос, затягвать от смутного предощущения некой общей беды. Но голод заглушал даже этот предупреждающий сигнал природы...» (6, 121).

Ч.Айтматову свойственно посредством животных изображать и представлять их же интересы, таким образом давая понять человеку, что в этом плане он несколько отстает от природой наделенных. Лисица, олицетворяющая собой представителя степных животных, таких редких в Сарозеках, не может сориентироваться в поисках пищи: человек и в этом богом забытом месте загнал их, в прямом смысле слова, в логово, где очень тесно. И это в Сарозеках, где каждый зеленый кустик можно назвать оазисом. Лисица словно готова покинуть эти места в поисках нового, как те космонавты, которые вынуждены были покинуть космический корабль в поисках истины, чтобы иметь возможность помочь Земле избавиться от экологических бед; ведь то, что инопланетяне заинтересовались паритет-космонавтами говорит о том, насколько и им небезразлична судьба землян и самой планеты Земля.

Своего рода символ – поиск лисицей уголка степи, где она может спокойно жить и охотиться – вполне совпадает с поисками и мыслями космонавтов, желающих найти способы предотвращения экологической катастрофы на земле. Парадокс, но изображенный Айтматовым дополнительный полет в космос, связанный с поиском экипажа паритет-космонавтов, наблюдают немногие, среди которых Буранный Едигей и та самая лисица, которой надо было выйти на охоту именно в это время. Думается, использование Айтматовым ноосферных идей представляет собой своеобразный протест против губительного отношения человека к окружающей среде. Использование лисицы, вернее ее сознания в художественном тексте, дает возможность писателю выровнять положение животного в мире, где господствует человек со своей очень часто безответственной и бессознательной деятельностью.

Надо отметить, что Ч.Айтматов в своем произведении впервые поднял проблему несоответствия действий политических кругов с основной массой населения. В выборе той или иной позиции в отношении нанесения очередного «удара» Земле, руководители государств в большинстве своем доверяются лишь материальной стороне дела. И, наверно, этим самым вызваны действия космонавтов, которые могут сказать свое слово в пользу защиты Земли, только лишь покидая эту планету неизвестно на какое время (о них мы еще

раз вспомним, ведя разговор на эту же тему на материале другого романа писателя – «Тавро Кассандры». Л.Г). В поисках разума космонавты готовы рискнуть, хотя такое на самом деле представляется человеку далеко невозможным. Космонавты, которые не видят какого-либо другого выхода, в порыве романтических устремлений согласны улететь на другую Галактику. Не из космоса ли отчетливо видна трагедия Земли, не отсюда ли можно наблюдать за тем, как пустыня нападает на целые города, страны, оставляя под собой все, что встретится на пути? С ней, с пустыней, никаких переговоров не сможет вести человек. Но существа, может быть разумнее человека, могут откликнуться, протянуть руку помощи. Айтматовские герои, понимая всю ответственность того, что они без разрешения покидать космический корабль не смогут, все же делают выбор в пользу Земли.

Отметим, что Айтматов, не раз обращавшийся к нестандартным ситуациям (вспомним повести «Лицом к лицу», «Прощай Гульсары», «Белый пароход», «Белое облако Чингисхана...»), в этом романе впервые начинает «вмешиваться» в дела политиков, тем самым напоминая им о том, что существует еще одна власть – власть художественной литературы, преимущества и возможности которой не ограничить никакими рамками. Писатель, не безразличный к судьбам миллионов, не может ограничиваться лишь рамками действительности. Он станет размышлять, искать выход из создавшейся ситуации, и прибегая к различным художественным приемам и методам, достигнет своего. В этом плане удачной считается вставная линия сюжета, в которой действия космонавтов не могут не вызвать чувства гордости за человека. Рассмотрим фрагмент из оставленного на борту корабля текста: «Мы уходим в неизвестность. Нас ведет туда жажда знаний и вековая мечта человека открыть себе подобные разумные существа в иных мирах, с тем, чтобы разум объединился с разумом. Однако никому не известно, что таит в себе опыт внеземной цивилизации – благо или зло для человечества. Мы постараемся быть объективными в своих оценках. Если же мы почувствуем, что наше открытие несет в себе нечто угрожающее, нечто разрушительное для нашей Земли, мы клянемся распорядиться собой таким образом, чтобы не навлечь на Землю никакой беды.

И еще раз последнее. Мы прощаемся. Мы видим через наши иллюминаторы Землю со стороны. Она сияет, как лучезарный бриллиант в черном море пространства. Земля наша прекрасна невероятной, невиданной голубизной и отсюда хрупка, как голова младенца. Нам кажется отсюда, что все люди, которые живут на свете, все они наши сестры и братья, и без них мы не смеем и мыслить себя, хотя мы знаем, на самой Земле это далеко не так...» (6, 166).

Боль за Землю, так истрадавшуюся за последние годы, в течение одного столетия вынесшей две мировые войны, в которых использовались новейшие модели оружия, испепелившие и изранившие ее недра, передается как заряд всем читателям, которые в большинстве своем воспринимают по-настоящему планету Лесная Грудь — вообще другую Галактику; многие верят в способность иными существами принимать сигналы с орбитальной станции, управляемой человеком. Очень интересно передает Айтматов те моменты, когда паритет-космонавты оказываются в Галактике, где находится планета Лесная Грудь. Даже отображение их Солнца, излучающего ослепительно чистый и безбрежный свет, вызывает в нас, землянах, некоторую зависть, в том плане, что многие природные катаклизмы, происходящие на Земле, связываются в последнее время с солнцем. Получается, что наше солнце — настоящее исчадие ада, а их, — по-настоящему светящееся и чистое — и есть главное. Вспомним, как женщина-лингвист восклицает, что они уже в своей Галактике, что светит их Держатель, что вот-вот должна показаться красавица — планета Лесная Грудь.

Наверно, неслучайно Айтматов вносит столько красок в изображение планеты своей и лесногрудцев, считая, что и человек должен также любить и бережно относиться к земле, знать, что живя на ней, должен служить ей.

В критике 80-х годов были выступления, в которых писателя укоряли в несколько идеализированных письмах паритет-космонавтов с их восторженными оценками планеты Лесная Грудь и голубоволосых существ, живущих на ней. Думается, это несколько предвзятая критика в том плане, что в период господства социалистической идеологии, наверно, резкими были суждения о земле. И критика, служившая в основном идеологическим оружием, не

могла не заметить «иногое» отношения автора к решениям «сильных мира сего».

Справедливости ради скажем, что в противопоставлении Земли и Лесной Груды автор все же отдает предпочтение Земле; он считает, что человеческий разум непобедим, и как бы ни были развиты лесногрудцы, как бы ни лютовали «манкурты» на Земле, все же человеческое отношение к людям, искренность, доброта и красота превалируют над всем. Ведь не случайно, отправив паритет-космонавтов на другую Галактику, Айтматов описывает Лесную Грудь похожей на Землю, так же красочно рисуя эту планету, еще раз давая понять нам, как прекрасна наша планета, и как она может выглядеть лучше благодаря добрым рукам человека. Космонавты, передавая важные сведения на Землю, пишут: «Планета Лесная Грудь с высоты напоминает нашу Землю, она окружена такими же атмосферными облаками. Но вблизи, на расстоянии пяти-шести тысяч метров от поверхности – лесногрудцы совершили для нас специальный обзорный полет – это зрелище невиданной красоты: горы, хребты, холмы сплошь в ярко зеленом покрове, между ними реки, моря и озера, а в некоторых частях планеты, больше в окрашенных, полюсных – огромные пятна безжизненных пустынь, там стоят пыльные бури. Но самое большое впечатление произвели на нас города и поселения. Эти острова конструкторских сооружений среди лесногрудского ландшафта свидетельствуют об исключительно высоком уровне урбанизации. Даже Манхеттен не может идти ни в какое сравнение с тем, что являет собой градостроительство голубоволосых обитателей этой планеты...» (6, 200).

Читая роман Айтматова, ярко представляешь, как духовное движение паритет-космонавтов идет в обратном направлении. То есть, сравнивая все, что есть на планете Лесная Грудь с тем, что есть на Земле, они открывают новые возможности человека именно в духовном плане. Своего рода болезнь на Земле и боль по земным проблемам не дают возможности космонавтам забыть, оставить в мыслях родную планету и предаться полностью заботам и проблемам лесногрудцев. Действительно, боль за землю несет какое-то радостное просветление в их сознании. Интенсивный процесс обновления мышления космонавтов (это нетрудно заметить по их

письму) – своего рода не сломленность духа, а пылкое желание изведать все, что есть у них, чтобы в дальнейшем, если получится, вернувшись на Землю, применить все это во благо жизни на земле. Это еще раз доказывает ту мысль, что Айтматов не «перестраивает» своих героев своего рода трансформацией в голубоволосых существ, а наоборот, дает нам яркое представление о том, что паритет-космонавты остались для нас теми же землянами. Ведь сумели же они за короткое время систематизировать, изучить и изложить все, что касается образа жизни голубоволосых, познать достижения их цивилизации и провести некоторую параллель. Им также удалось узнать, как лесногрудцы добывают солнечную энергию, затем преобразуют ее в электрическую, где в отличие от земных ТЭС, получают высокие коэффициенты полезного действия, что они умело синтезируют энергию из разности дневных и ночных температур воздуха, не причиняя экологии никакого вреда.

Следует отметить, что Айтматов с точностью специалиста высокого класса подходит к тому, о чем говорится в тексте, к примеру, он вполне аргументировано рассказывает, как лесногрудцы научились управлять климатом. Он описывает все это в письме космонавтов, делая акцент на то, что лесногрудцы научились даже влиять на движение воздушных масс и водных течений в морях и океанах, регулируя тем самым процесс увлажнения и температурный режим на поверхности планеты. Все это еще раз подтверждает мысль о том, насколько Айтматов заражен идеей спасения земли от экологической катастрофы, как смело он подает идеи спасения ее от бед, не давая успокоения тем, кто в поисках наживы затрагивает самые живые артерии земли, заставляя их подчиняться воле человека. Читателю, конечно, интересно, что, имея поселение в два раза больше, чем на земле, лесногрудцы не знают проблем в таких сферах, как производство продуктов питания, опять же не нанося ущерба природе. Айтматов, скорее всего сознательно, подчеркивает именно этот аспект, доказывая, что проблемы, глубинно осевшие в сознании человека, не могут иметь каких-либо плохих последствий: они решаются вовремя и с пользой для лесногрудцев.

Очень интересную мысль подчеркивает Айтматов, затрагивая проблему лесногрудцев в плане того, что часть планеты становит-

ся год от года непригодной. «В таких местах, – пишут космонавты, – вымирает все живое. Это явление так называемого внутреннего высыхания. При нашем обзорном полете мы видели пыльные бури в юго-восточной части Лесногрудии. В результате каких-то грозных реакций в недрах планеты – возможно, это сродни нашим вулканическим процессам, но только это, пожалуй, какая-то форма медленного рассеянного лучевого извержения – поверхностный грунт разрушается, теряет свою структуру, в нем выгорают все почвообразующие вещества. В этой части Лесногрудии пустыня величиной в Сахару с каждым годом шаг за шагом наступает на жизненное пространство голубоволосых инопланетян. Для них это самое большое бедствие. Они еще не научились управлять процессами, происходящими в глубинах планеты. На борьбу с этим грозным явлением внутреннего иссыхания брошены лучшие силы, огромные научные и материальные средства. У них нет Луны в их звездной системе, но они знают о нашей Луне и уже посещали ее. Они предполагают, что наша Луна претерпела, возможно, нечто подобное...» (6, 201).

Интересно, что лесногрудцы подсчитывают, через сколько миллионов лет эта беда может охватить всю планету, и что они должны сделать, чтобы быть готовыми через эти самые миллионы лет остановить это пагубное движение. Лесногрудцы готовы отдать предпочтение тем видам работ, которые не решают эти проблемы за счет самой планеты. Им не хочется вмешиваться в «дела» планеты, как это делают люди, сплошь и рядом ведущие поиски каких-либо залежей, которые может быть и держат эти недра! Переселение всех голубоволосых на совершенно новую планету с целью невмешания их научного потенциала в недра является одним из вариантов решения проблемы. То есть, перед читателем стоит иная панорама воздействия человека на окружающую среду. И человек тоже должен быть разумнее по отношению к природе, вот к чему ведет нас мысль Айтматова. То, что у лесногрудцев нет понятия о войне, насилии, государстве вообще, то, что у них коллективное планетарное сознание, говорит о самой развитой форме цивилизации. Айтматов подчеркивает, что «гуманизация времени и пространства становится главным смыслом жизнедеятельности разумных существ и тем самым продолжением эволюции мира, новой высшей бесконечной формой».

Айтматов вкладывает в слог письма космонавтов раздумья человека о лучшей доле для Земли. Выставляя напоказ лучшие качества лесногрудцев, Айтматов считает, что реакция читателя должна идти в пользу изменения отношения человека к окружающей среде. С другой стороны, что же отличает Землю и Лесную Грудь? Чем Лесная Грудь лучше Земли? Сама жизнь может отличаться, но то, что эти планеты разных Галактик очень схожи, – это однозначно. Просто Земле не хватает того внимания, которое существует в отношении планеты Лесная Грудь. Айтматов умеет находить путь к сердцам читателей, в этом обязательный признак его мастерства, и этот-то признак призван находить выход из тупиковой ситуации. В данном случае то, что лесногрудцы не очень-то и рискуют исследовать недра своей планеты, даже если это необходимо (ведь надо же остановить движение пустыни) является прямым намеком на то, чтобы земляне перестали «мучить» землю, перестали испытывать ее «нервы» запуском каких-либо установок, испытаниями на ядерных полигонах. Сколько же можно испытывать землю? Сколько же земле нужно терпеть энергичную предприимчивость человека? Ведь именно человек передает из другой Галактики то, что сегодняшнему человеку не под силу.

Голубоволосые существа – лесногрудцы ищут самые цивилизованные способы борьбы с экологическими катаклизмами, их поиски хотя и не начались, но космонавты, оказавшиеся на планете, убеждены в том, что они достигнут своей цели: «Пока еще не ясно, куда, к какой новой планете устремлены их взоры. Во всяком случае, на нынешней планете им еще жить да жить миллионы лет, однако поразитесь, что они уже теперь думают о столь далеко отстоящем будущем и охвачены таким пылом и деятельностью, точно эта проблема непосредственно касается ныне живущего народонаселения. Неужто ни в одной голове не мелькнула подленькая мысль: «А после нас хоть трава не расти»?! Нам стало стыдно, что мы сами подумали об этом нечто подобное, когда узнали, что значительная часть общепланетного валового продукта идет на программу предотвращения внутреннего иссыхания недр. Они пытаются установить барьер на протяжении многих тысяч километров – по всей границе тихо наползающей пустыни – путем бурения сверхглубинных

скважин, вгоняют в недра такие нейтрализующие долговременные вещества, которые, как полагают они, будут иметь нужное влияние на внутриядерные реакции планеты...» (6, 202).

Отметим, что Айтматов вовсе не ратует за упрощенную, плоскую фантастику, это не его стихия. Но философский подход к проблеме отношения человека к окружающей среде и вытекающие отсюда все последствия не могли не привести к использованию киргизским писателем каких-то неординарных сцен, сюжетных линий.

Сегодня значительную часть читателей составляет среднее поколение, то есть те, на глазах которых совершались акты насилия над природой, и, естественно, немаловажную роль играет то, как это поколение воспринимает роман в целом, и линию с паритет-космонавтами в частности. Если они с большим энтузиазмом возьмутся за дело предотвращения экологической катастрофы, как за то ратуют паритет-космонавты, то еще есть возможность спасти человечество в будущем. Ведь думают же инопланетяне о том, что может стать с их планетой через многие миллионы лет. Думается, такое решение проблемы выглядит наиболее реальным, и чем больше читателей привлечет роман, тем легче будет всему человечеству найти пути решения проблемы.

По мнению литературоведа В.Чалмаева «привычное неосознанно предпочитается неизвестному, устойчивое, удобное становится истинным и неопровержимым!». С этой точки зрения роман «И дольше века длится день» представляет собой синтез всех четырех понятий. Устами паритет-космонавтов передаются мысли гениев человечества, но уже через призму жизни голуболоволодых существ, и кажется вполне осуществимой благая мечта утопистов о всемирном достатке, великом прогрессе, а самое главное, гуманном отношении к человеку, как к части природы. Если обратиться к посланию космонавтов, то можно проследить давно известные мысли, но в свете новых идей развития человечества: «Мы не собираемся сопоставлять несопоставимые вещи. Со временем и на нашей Земле люди придут к столь великому прогрессу, и нам есть, чем гордиться уже и сейчас, и все-таки нас не покидает угнетающая мысль: а что, если человечество на Земле пребывает в трагическом заблуждении, уверяя себя, что якобы, история – есть история войн? А что, если

этот путь развития был изначально ошибочным, тупиковым? В таком случае, куда мы идем, и к чему это приведет нас? И если это так, то успеет ли человечество найти в себе мужество признаться в этом и избежать тотального катаклизма? Оказываясь волею судеб первыми свидетелями внеземной общественной жизни, мы испытывали сложные чувства – страх за будущность землян и надежду, поскольку есть в мире пример великого общежития, поступательное движение которого лежит вне тех форм противоречий, которые разрешаются воинами» (6, 203).

Конечно, паритет-космонавты рассчитывали на то, что их послание будет принято на Земле как великое событие, что лучшие умы планеты соберутся за круглым столом, где впервые выскажут свой взгляд на реальные проблемы, и обдумают пути разрешения их вместе с инопланетянами. Ведь сообщают же космонавты, что лесногрудцы знают о существовании Земли, что они глубоко заинтересованы в контактах с землянами, что можно объединить общие усилия этих планет в целях продления срока жизни природы, предотвращения деградации энергии. Но, к сожалению, Земля восприняла послание космонавтов совсем не так, как следовало бы этого ожидать. Они отказали в просьбе голуболоволосым существам посетить землю, в результате чего можно было бы согласовать программу устройства промежуточной станции, которая впоследствии могла бы стать специальной базой исследования.

Устами паритет-космонавтов Айтматов взывает к руководителям Земли о помощи в создании возможности посещения Земли лесногрудцами. Космонавты прекрасно понимают, насколько неверно поступили они, вступив в контакт с инопланетянами и самовольно покинув борт корабля. Но они могут аргументировать свой поступок, они готовы понести наказание, их цель – вовсе не общий интерес к инопланетянам, они мыслят гораздо шире: они хотели использовать эту возможность и помочь Земле обрести наконец покой, остановить гонку вооружений, не дать планете погрязнуть в страшных последствиях грозящей экологической катастрофы. Их объяснения ухода очень просты, и казалось, они найдут должный отклик на Земле: «Пусть это будет на нашей совести, и пусть мы понесем должное наказание. Но забудьте пока об этом, внемлите! Мы

передали сигнал из Вселенной. Мы подаем вам знак из неизвестной доселе галактической системы – светила Держателя.

Голубоволосые лесногрудцы – творцы высочайшей современной цивилизации. Встреча с ними может явить глобальную перемену всей нашей жизни, в судьбах всего человеческого рода. Отважимся ли мы на это, соблюдая, прежде всего, естественно, интересы Земли?... Инопланетяне нам ничем не угрожают. По крайней мере, так нам кажется. Но, переняв их опыт, мы могли бы произвести переворот в нашем бытии, начиная со способа добычи энергии из материального окружения мира и до умения жить без оружия, без насилия, без войн. Последнее покажется вам дикостью даже на слух, но мы торжественно удостоверяем, что именно так устроена жизнь разумных существ на лесногрудской планете, что именно такого сокровенного совершенства достигли они, населяя такую же по массе геобиологическую обитель, как и Земля...» (6, 205).

Отметим, что зов лесногрудцев не только не нашел отклика в сердцах и мыслях тех, кто под видом деятельности против гонки вооружений, на самом деле ищет рынки сбыта военной технологии: от пистолетов до оружия массового поражения. Они пошли и против идеи паритет-космонавтов, в том плане, что не захотели верить ни одному их сигналу. Заботясь только лишь о рынках сбыта вооружения, управленцы сделали все, чтобы голос паритет-космонавтов не дошел до тех людей, кто действительно заинтересован в работе на благо человечества, во имя спасения окружающей среды.

Айтматов, как и подобает человеку, очень заинтересованному в спасении окружающей среды, а значит и человека самого, подает сигнал бедствия, зачастую не контролируя фразы, которые могли бы вызвать у тогдашних советских руководителей гнев, а вслед за этим и наказание. Ретроспективная, на первый взгляд, позиция автора, конечно же, является выражением его боли и чувств к человечеству. И пусть в этом романе многие не услышат голоса паритет-космонавтов, но это произойдет уже в скором будущем: в романе «Тавро Кассандры». Мы узнаем об очень интересных наблюдениях над нашей цивилизацией, которую будет проводить один из космонавтов, самовольно покинувших орбитальную станцию. А пока Айтматов, посредством художественного слова, передает нам реакцию властителей умов, якобы всегда стоящих на службе у человечества. Ру-

ководителям полета, а также спецслужбам, вернее, их агентам, нет дела до того, какую полезную информацию посылают паритет-космонавты, главное для них «обуздать» эту информацию, не дать заразиться людям той мыслью, что есть внеземные цивилизации, есть средства, с помощью которых можно предотвратить экологическую катастрофу, отвести ее подальше от человечества. Айтматовские герои, как космонавты, так и организаторы и руководители полета, не остаются по разные стороны «баррикад». Они в одном омуте, где каждый ищет пути спасения, только вот вторым не под силу воспринять то, что у человечества есть шанс спасения. Но это остается только лишь шансом, потому что ни одно из посланий не остается без внимания: «Обценупр принимает решение, не подлежащее пересмотру:

а) не допускать возвращения бывших паритет-космонавтов 1-2 и 2-1 на орбитальную станцию «Паритет» и тем самым на Землю, как лиц, нежелательных для земных цивилизаций;

б) объявить обитателям планеты, именуемой Лесная Грудь, о нашем отказе вступать с ними в какие бы то ни было виды контактов как несовместимых с историческим опытом...;

в) предупредить бывших паритет-космонавтов 1-2 и 2-1, а также находящихся с ними в контакте инопланетян, чтобы они не пытались установить связь с землянами, ни тем более проникать в околоземные сферы;

г) в целях изоляции околоземного космического пространства от возможного вторжения летательных аппаратов инопланетного происхождения Обценупр объявляет установление Чрезвычайного Транскосмического режима под названием операция «Обруч»...;

д) ...потом будут предприняты все меры строжайшего засекречивания события, имевшего место, и меры по недопущению возобновления контактов...;

е) еще раз предупредить инопланетян об опасности приближения к зонам «Обруча» вокруг земного шара...» (14, 285-286).

Так Земля, подчеркивает Айтматов, в очередной раз оказалась безоружной и беспомощной в руках тех людей, которые отвечают за ее безопасность.

Глава III.

ЧЕЛОВЕК И ОКРУЖАЮЩИЙ ЕГО МИР: нравственно-философская концепция Чингиза Айтматова

Айтматовская архетипика романа «Тавро Кассандры» определяется взаимодействием двух основ: ретроспективно-исторической, связанной с жизнью человечества последней четверти XX века, и реально-романтической, связанной с поисками положительных героев, путей спасения человека, окружающей среды. И если первое «натывается» на мощное оружие сопротивления власть имущих, то второе, непосредственно связанное с мыслями Айтматова, находит свое полное отражение в положительных героях, таких, как Едигей и Укубала. Есть в изображении этих героев что-то живительное, что-то от мальчика в «Белом пароходе»; читателю иногда и не верится, что эти вполне реальные герои могут быть носителями человечества в противовес тем, кто безразлично относится к борьбе ратующих (прежде всего, своими действиями) за сохранность природы такой, какая она есть. Если руководителей волнуют, прежде всего, вопросы идеологического характера, то Едигея и ему подобных больше всего интересует человеческий фактор, дружеские отношения между людьми. Если внимательно прочесть отрывок из романа, в котором говорится о беременности Укубалы, то можно встретить упоминание о том, как на ее лице проступают едва различимые коричневые пятна (это прямое указание на то, что продолжение проблемы с пятном можно ожидать, и она действительно займет главное место в романе «Тавро Кассандры»).

Несколько аллегорически построив свое повествование о рыбке – золотое мекре, Айтматов показал еще одну очень важную деталь – человек никогда не должен забывать, что называется добрым делом. Действительно, интересно повествование о том, как Укубала захотела золотого мекре, и как сказочно неординарно Едигей добыл эту рыбку жене, находящейся в положении, когда хочется чего-то несколько невозможного. Следуя традициям переплетения реального и фантастического, о чем мы говорили анализируя произведение «Белый пароход», Айтматов мастерски изобразил сначала переживания Укубалы, а затем и стремления Едигея найти эту золотую рыбку, выудить ее во что бы то ни стало.

Как и в «Белом пароходе», а также в «Пегом псе, бегущем по краю моря» Айтматов сумел передать самое искреннее пожелание своего героя, причем такого, что ни в коей мере не противоречит человечеству. Едигей, не объявляя Укубале о намерении найти золотую рыбку, отправляется на ее поиски на самый дальний остров Аральского моря. Почему-то он был уверен, что ему на этот раз повезет, хотя знал, что к началу зимы рыба уходит глубоко, и эта уверенность обрамлялась благими намерениями ради вешего желания беременной жены. Пока еще Арал не покрылся полностью белой пеленой, пока еще не покрылись льдом небольшие островки, можно было выудить мекре, обрадовать жену – показать рыбку ей и вернуть в море. Умоляя, просияв мысленно, Едигей звал рыбу мекре: «Что же ты медлишь, вот ей-богу, да ты не бойся, подумал он о рыбе. – Не бойся, я говорю, я ведь тебя отпущу назад. Не бывает, говоришь такого? А вот представь себе – бывает. Не для еды тебя я поджидаю. Понимаешь, первенец должен появиться у нас. А ты приснился недавно моей жене, и с тех пор она покой потеряла... Она жаждет увидеть тебя наяву, она хочет притронуться к тебе, чтобы почувствовать в руках, какой ты на ощупь, золотой мекре... И не беспокойся, я захватил с собой большой бурдюк. Туда я налью воды, и ты полежишь пока в бурдюке с водой, а потом уплывешь. Но я не уйду отсюда без тебя. А время не ждет. Разве ты не чувствуешь, как крепчают волны и ветер усиливается, разве ты хочешь, чтобы первенец мой родился сиротой, без отца? Подумай, помоги мне...» (5, 320).

Это один из редких эпизодов, когда природа внимлет мольбам человека. Но эта редкость, наверно, не случайно затрагивается Айтматовым. И если, к примеру, в «Пегом псе, бегущем краем моря» Айтматов частично помогает человеку, спасая лишь мальчика, то в этом романе позиция автора вполне на стороне положительных героев, и, как это ни странно, природа благосклонно относится к мольбам человека в том плане, что заинтересована в продолжении рода человеческого. Своеобразный символ – постижение природой человеческих желаний, проблем – получает некий укор в адрес человечества вообще.

Айтматов в лице Едигея и Укубалы показывает, как природа может идти на компромисс, как она ценит человека, готового стать частью природы. Айтматов показывает нам действия золотой рыбы, уже после того, как Едигей освобождает ее из бурдюка, удивляя тем самым Укубалу. Очень интересно проследить это по тексту: «...Она бешено заколотила золотым хвостом, изгибаясь, подпрыгивая, разметая вокруг мокрую гальку, и, широко разевая розовую пасть, обратилась к морю, пытаясь добраться до родной стихии, до прибоя. На какую-то недолгую секунду рыба вдруг замерла напряженно, затихла, пытаясь освоиться, оглядывая немигающими безупречно круглыми и чистыми глазами тот мир, в котором нечаянно очутилась. Даже в сумеречном предвечерье зимнего года непривычный свет ударил в голову, и увидела рыба в сияющих глазах людей, склонившихся над ней, кромку берега и небо в очень далекой перспективе над людьми различила за редкими облаками на горизонте нестерпимо яркий для нас закат угасающего солнца...» (10, 322).

Именно этот отрывок романа дает возможность читателям в полной картине увидеть айтматовские аллюзии и ассоциации, которые в данном фрагменте создают особое решение и ценный фон. Это и приближает нас к основной мысли писателя, который превалирует в произведениях автора: природа должна быть сохранена в своей первозданности во что бы то ни стало. И человек всеми силами должен способствовать этому, и шаг Укубалы в этом отношении является примерным, назидательным. Она, вполне довольная тем, что подержала на руках и прижала к груди золотого мекре, просит Едигея отпустить его в море, и человек, стоя на берегу, становится

свидетелем того, как рыба уплывает обратно в море. Как в сказке. Но в отличие от сказки, человек ничего не просит взамен, даруя свободу рыбе в знак благодарности.

В переплетениях реального и желаемого Айтматов попытался показать человека на заре возвращения его в природу. Напряженные поиски человеком той истины, которая сокрыта в общем-то его природе и не скрыта от наблюдения за ней как бы со стороны не могли не привести к той закономерности, которая в айтматовском тексте приобретает символ – возвращение в природу.

Изыскания киргизского писателя в области понимания и восприятия природы в ее первозданном виде и использование ее в интересах человечества получают свое развитие и в «Белом облаке Чингисхана», и в наиболее позднем романе «Тавро Кассандры». Если сравнить оба произведения и в плане постановки проблемы деторождения, то можно смело утверждать, что переплетение налицо. Но, если в романе «Тавро Кассандры» эта проблема выявляет интересы большого числа руководителей, «спецлюдей» (как банально это и не звучит), тогда как в «Белом облаке Чингисхана» она отражает интерес одного человека – властелина, чьими чудовищными завоеваниями до сих пор «восторгается» человек, занятые же повседневными делами люди огромного государства не знают, что их ждет, какие новшества готовят для них идеологи партии и государства. На редкость не запрограммированные действия большинства этих идеологов не могут сравниться с так называемой выстроенной линией поведения огромных масс.

В романе «Тавро Кассандры» именно это разделение «слоев» и приводит к искусственно поставленной проблеме «выращивания» спецлюдей, своего рода клонов по современным меркам. Наверно, читателю, который уже знаком с текстом романа, стало бы понятно, что обращение к столь неординарной проблеме вызвано не столько научно-исследовательским интересом, сколько интересом нравственно-этического плана. Конечно, отражение в романе бывшей советской действительности, где все вроде бы было для человека, во благо человека, вызвано стремлением автора романа акцентировать внимание мирового сообщества на том, что происходило в этой стране, и почему гражданин именно этой страны стал разо-

блажителем чудовищной идеи клонирования людей – монах Филофей, бывший космонавт-ученый, отправившийся в поисках лучшей галактики в космос. Он является прямым продолжателем дела тех паритет-космонавтов из романа «И дольше века длится день», которые решением покинуть международную космическую станцию и передачей сигналов в Лесную Грудь совершили своего рода акт протеста против того, что человек творит с окружающей природой и как он грубо вмешивается в дела, так сказать, Всевышнего (здесь в значении того, что все должно происходить само по себе, естественным образом).

Таким образом, если Айтматов в начале 80-х годов века написал роман о паритет-космонавтах (отметим, что жизнь и судьба боранлинцев составляет ведущее положение в романе), где первым смог показать своего рода протест против наступления человека на природу, и прежде всего, советского человека, то уже в конце 90-х годов прошлого века он, гражданин бывшего СССР, смог полностью отразить этот протест в романе «Тавро Кассандры». Отметим заранее, что обращение монаха Филофея с космического пространства через французскую газету «Трибюн» к Папе Римскому имеет глубокий смысл. Это тоже своего рода протест автора романа против распада Советского Союза. Этим писатель открыто показал, что никто не имеет права носить звание «прямого наследника» бывшей огромной страны. Подавать сигнал бедствия эмбрион может лишь только в первые недели после зачатия, затем эта его способность угасает, ибо плод «постепенно примиряется с ожидающей его неизбежностью».

Монах Филофей решил передать сведения об уникальных свойствах эмбрион-зародыша именно тогда, когда в США проводятся выборы, и это открытие может как-то повлиять на предвыборную кампанию некоторых кандидатов. Филофей довольно просто объясняет свое открытие: «...Я утверждаю, что в первые недели внутриутробного развития человеческий зародыш способен интуитивно предугадывать то, что ожидает его в грядущей жизни, и проявить свое отношение к потенциальной судьбе. Если это отношение негативно, у эмбрионов возникает сопротивление грядущему появлению на свет Божий. Мною, выявлен знак – сигнал, которым эм-

брион выражает это свое негативное отношение к рождению. Этот знак-сигнал проявляется в виде небольшого пигментного пятна на лбу у женщины, вынашивающей такой плод. Я назвал это пятно тавром Кассандры, а зародыш, подающий негативные сигналы, – кассандро-эмбрионом» (11, 609).

То, что с космоса падающие зондаж-лучи стимулируют яркое проявление своего рода эмоций со стороны эмбриона, являет собой и предупреждение всем жителям земли о грядущей экологической катастрофе: могут родиться люди, которые скорее будут усугублять эту проблему, нежели предупреждать ее. Для космического монаха, знающего, что его деятельности скоро настанет конец, не имеет смысла что-то скрывать. Выражать какие-либо опасения в деле развития науки и техники не всегда приносит пользу человечеству, и отметим, что Айтматов постоянно акцентирует внимание человека именно на этой проблеме.

Посредством своего героя Айтматов также передает отношение к тем, кто, увлеченный своими идеями претворить в жизнь небывалые открытия и получить баснословную прибыль, хочет остаться в стороне от общей борьбы за выживание, за реабилитацию Земли в прямом смысле этого слова. И несмотря на то, что монах Филофей понимает, что передача информации на Землю является причиной разрыва его с землянами, он не допускает мысли что-либо скрыть, о чем-нибудь умолчать. Его не останавливает даже то, что эта информация будет иметь и некоторую дестабилизирующую обстановку в ряду землян.

Монах Филофей является и олицетворением своего рода дьявола, который всю свою энергию и знания потратил на то, чтобы стать одним из «производителей» спецлюдей. И как всегда, дьявол, несущий зло, становится и носителем добра, т.е. он сам и разоблачает готовящуюся аферу, полностью понимая необратимость катастрофы: «Чем вызвано, – задает он вопрос как бы самому себе, – такое нарастание незримого бедствия – готовности эмбрионов уклониться от потока жизни, исчезнуть в небытии, не вступать в борьбу за существование – и что оно предвещает? Есть ли смысл извлекать уроки, собственно, из мистической стихии, лежащей за пределами нашего обыденного опыта? И если да, то правомер-

но ли экстраполировать страх едва зародившегося организма на реальную жизнь вовне? И не эта ли жизнь и является первопричиной апокалиптического самоощущения плоти в материнском лоне? Мать – это слепок мира. Не становится ли она, мать, невольным проводником фатальных влияний окружающей действительности на плод?» (11, 609).

Довольно странным является то, что автор романа, в отличие от других своих произведений, где также звучит тема Апокалипсиса, говорит устами героя, открыто не проявляя сдержанности и даже какой-то учтивости. И это, конечно, не связано с тем, что роман «Тавро Кассандры» писался в условиях, так называемой, свободы слова, когда не давил над головой идеологический меч. Просто Айтматову самому открывается истина, да в таком плане, что не передать ее невозможно. Его герой – монах Филофей, такой замкнутый, на первый взгляд, даже неуверенный в себе, представляет собой трибуна, от каждого слова которого приходишь в состояние энергетического и душевного кризиса, превращая свое человеческое достояние в сгусток какой-то быстро сгораемой энергии. Подчеркиваемое критиками исключительно развитое у Айтматова чувство вины и ответственности наиболее полно проявляется именно в этом романе и непосредственно образом монаха Филофея.

Прав А.Золотов, который отмечает, что «соединение вины и ответственности и у самого Айтматова, и у его героев вполне органично. Писатель чувствует себя виноватым в том, в чем он совершенно не виноват. Он чувствует вину человечества, вину других, вообще вину искусства перед жизнью. Будучи художником, он понимает, что искусство не может переделать мир, оно пытается только его украсить, смягчить его восприятие. Но и жизнь виновата перед искусством, потому как она не в состоянии обеспечить условия для его органического развития» (24, 9).

Нам кажется, что последняя фраза Золотова не совсем соответствует действительности, в плане отношения ее к творчеству Айтматова вообще, и к роману «Тавро Кассандры» в частности. Если элиминироваться от обратного, т.е. поставить всецело искусство на служение человечеству и отдельно видеть заслугу Айтматова перед человечеством, то можно заметить какое-то равновесие и даже пе-

ревес в сторону киргизского писателя. Ведь то, что айтматовский герой, грубо говоря, не может умолчать, предвидя предстоящую катастрофу, не может проявить малодушия, говорит о том, насколько серьезна решимость писателя бороться с теми силами, которые «тянут» человечество ко дну, к экологическим катаклизмам.

Герой романа уверен, что человечество сотворило против себя вполне естественную смерть, и кому, как ни ему, одному из авторов чудовищного эксперимента, сказать об этом открыто и сказать в первую очередь тем, кто замешан в эксперименте: «Мы находимся в преддверии нового скачка нашего самосознания, ибо отныне мы, как бы ни хотели, не сможем закрывать глаза на тот факт, что эмбрион не безучастен к тому, в какой генетической ойкумене он возникает в качестве будущей личности, то есть каковы мы: мы – жизнеобразующее начало, мы – эпоха, мы – личности. Он тревожно глядит в перископ своей судьбы – зазеркальной подводной лодки, носимой в зазеркальном море будущей жизни. А не стоит ли нам самим взглянуть в этот перископ кассандро-эмбриона? Не мы ли сами причина сокрушающих нас штормов?» (11, 614).

Монах Филофей делает пророческое заявление, которое может, даже должно заставить задуматься всех землян над тем, что ожидает планету в ближайшем будущем: «Страшусь думать, – заявляет космический монах, – не есть ли кассандро-эмбрион проявление нашего самоотречения от своей предназначенности в мире? Как же могли мы, по идее богоподобные существа, докатиться до такого состояния? Сколь же надо было «преуспеть» людям и какого свойства делах и мыслях, чтобы подвести эволюцию к подобным апокалиптическим сдвигам уже на стадии зародыша!» (11, 614).

Естественно, что читатель, мало-мальски знакомый с современной прозой, наверняка почувствовал, что известный киргизский писатель, говоря о проблеме проблем нашего времени, которую можно сформулировать как стремление или даже борьбу за сохранение жизни на земле, решает хотя бы внушить немного оптимизма в тех, кто уже, грубо говоря, махнул рукой на созидание и веру в лучшее будущее. Тут дело не в том, насколько безмерно гуманистическое начало айтматовских произведений, и даже если исходить из мысли, что «гуманизм писательского слова – понятие почти безразмерное,

и каждый пишущий вкладывает в него свой смысл», все равно слова Айтматова не воспринимаются лишь в рамках любви к человечеству. Ведь его герой показывает сознательный выбор горстки руководителей, готовых привести разработанный план в движение, которые совсем не руководствовались принципами гуманизма, наоборот, ставили эксперименты сначала в Афганистане, а затем полномасштабно в регионах бывшего СССР (достаточно вспомнить события последних десятилетий XX века в Алма-Аты, Вильнюсе, Баку, Тбилиси, Ферганской долине, Чечне...). Ведь ни для кого не секрет, что, скажем, стрелявшие в страшные январские дни 1990 года в мирных бакинцев люди были вовсе не людьми, а какими-то исполнителями. Или то же самое в Афганистане, где чудовищным актам нельзя предписать человеческую вину. Вот эту вину и чувствует космический монах, ему больно, что он, в принципе, не причиняя боли «подопытным» женщинам, тем не менее наносил боль человечеству, ставил интересы самого себя – ученого, превыше всего. И, что очень страшно, он порою грудью защищает свои идеи, не страшась того, что будет, ибо уверен в том, что его открытие – это веление времени, и если даже не он, то кто-нибудь другой ухватится за эту идею, будет экспериментировать на человечестве. Для него кассандро-эмбрионы как луч, сверкающий над человечеством, как бы отрицательно сильно он не бил: «Но я не могу избавить их от переживаний в тех случаях, когда в ответ на космический «запрос» будет иметь место явственная мета сигнальной реакции кассандро-эмбриона. Тут уже судьба, и от этого никуда не деться. Важно понимать, что судьба эта, будучи конкретно-индивидуальной, в то же время обнимает всех, все общество в целом, поскольку причины этой беды – мировые. Хотим мы того или нет, кассандро-эмбрионы и тавро Кассандры – реальность. И потому я неуклонно буду продолжать свое космическое исследование, о чем объявляю открыто, сострадая тем, кого это коснется или уже коснулось на Земле. Люди должны знать правду о себе. В этом мой долг перед Богом. Но здесь начинаются и мои адские тревоги, святой отец, о которых я не могу умолчать, и потому выношу их на общий суд» (11, 620).

Интересно, что айтматовский герой, несколько иронизируя над современной жизнью, предпочитает оставаться в космосе, насколь-

ко запасы жизнеобеспечения позволят ему находиться там. И для него, как и для многих людей, ясно, что идею о фатальных сигналах подхватят другие, те, для которого интересы науки, интересы власти превыше всего. Он как бы передает эстафету им, оставаясь в пространстве и времени, недоступном для землян. В то же время его переживания, эмоциональное состояние проецируются на широкие временные и пространственные координаты, заставляя нас жить под постоянным страхом экологических катастроф.

Отметим, что в романе «Тавро Кассандры», по словам А.Золотова, свобода победила не только на баррикадах; она победила и тех, кто когда-то, руководствуясь ее идеями, раскрепостил себя. «Свобода, – пишет ученый, – раскрепостила героя романа – ученого Андрея Крыльцова. Она дала ему возможность почувствовать себя гением, сотворить нечто гениально ужасное. И оставила возможность освободиться от самого себя, уйти в космос, внутренний и буквальный, совершить уникальное самопострижение в монахи, обрести дар прозрения человеческой преджизни, жизни от зарождения до рождения, познать и объявить миру о фантастической способности еще не родившегося человека распорядиться собой, решая, хочет ли он жить в нынешнем мире...» (25, 13). Но если представить, чем обернулась эта свобода для Андрея Крыльцова, и какой ценой она ему досталась, то скорее можно пожалеть его и принять для себя решение – не ограничиваясь только своей жизнью, стоять на грани свободы и не более. Во всяком случае, прочтение романа диктует именно такой выбор, такой, если можно так выразиться, вид свободы. Ведь свобода человека, в отличие, скажем, от свободы животных, китов, к примеру, несет в себе только внешнее проявление. Ведь внутренне человек, хоть от чего-то или от кого-то зависим. А во внешнюю его свободу очень часто примешивается совесть, от которой некуда деться.

Для Роберта Борка, другого героя романа «Тавро Кассандры», воплощающего в себе своего рода защитника природы и человека вместе взятых, свобода не имеет границ во вселенной, и очень часто деяния свободных существ, скажем китов, совершающих групповое самоубийство, – выброс на берег моря – не соизмеряются ни с каким прецедентом. То, что действия китов-самоубийц не соот-

ветствуют биологическому закону самосохранения вида, а значит и природы в целом, наводит на мысль, что человек уничтожает все вокруг себя, лишаясь того же самосохранения. Что же движет человеком в данном случае, или теми же китами в сцене самовыброса на берег? Неужели человек, провоцирующий природу, думает о том, что ему самому удастся спастись? Опять же проводится параллель с китами, которые, в отличие от человека, выбрасываясь, наверняка, не думают о возвращении в воду. Уверенный в том, что киты, как и дельфины, умственно развитые существа и проводят самовыброс с какой-то определенной целью, может быть, предупреждая человека об опасности, Роберт Борк сам понимает, что стоит на пути какого-то нового открытия. Он лишь не уверен в том, на пользу ли это открытие, или наоборот, приведет к каким-то новым катаклизмам. Он, рассуждающий о человеке как о высшем существе, с абсолютной привилегией на обладание разумом, на вселенскую миссию, уверен, что нормальная жизнь на планете зависит от человека, от умения его обойтись с природными неурядицами, от понимания сути предназначения человека. Он считает, что сколько человеческому роду дано, столько и возложено: «И, прежде всего, возложено: гармонизировать, совершенствовать бытие, а сюда включается все, что исходит от нас — и в помыслах, и на практике. Гармония бытия! Сколько, однако, на этот счет великих и ничтожных мыслей рождается, сколько злорадства и пошлости выявляется в нас почти на каждом шагу, а ведь гармония — это еще и самоограничение, борьба с духовной распушенностью. И тут возникает естественный вопрос — а что есть совесть, о которой во все времена каждый лукаво толкует по-своему, когда и как ему удобно, а что она значит сама по себе, перед природой, перед историей, перед будущим мира и перед Богом, наконец, который нас сотворил и которого мы творим...» (11, 633).

По Борку, впрочем, несомненно, это мысли Айтматова, который, как мы уже не раз отмечали, строит всяческие гипотезы, обосновывает их и доводит до нас, читателей, в таком амплуа, что мы воспринимаем это как должное, всякая мировая дисгармония, вероятнее всего, в первую очередь доходит до китов, и они совершают самоубийство, своего рода жертвоприношение, тем самым несколь-

ко смягчая человеческую участь перед страшными испытаниями природы. То есть, можно сделать вывод, что в современном мире человек стал самым настоящим врагом природы, и природа, не выдержав, старается отомстить человеку, посылая смерть, ураганы. Проблемным стало и то, что Борк больше всех решил прислушаться к откровениям Филофея. Для него, умнейшего человека, совсем не случайным кажется то, что он с борта самолета видел в бурлящем океане стаю китов, которые дружными рядами стремились куда-то доплыть, а может и выброситься на берег, когда он, прилетев, узнает об откровениях Андрея Крыльцова. Неужели киты, эти огромные существа, способны даже воспринимать сигналы с космоса наравне с людьми, оперирующими лучше них. Кажется, что Айтматов образом Борка развивает лучшие свои образы, посредством которых читатель находил или домысливал то, о чем можно было бы только мечтать. В Борке Айтматов передал также и те святейшие связи между небом и землей, которые пытался передать в образах Каллистратова («Плаха»), Абуталипа («И дольше века длится день»), мальчика из «Белого парохода» и др. Ведь именно трактовки Борка заставляют общественность пристальнее обратить внимание на откровения Филофея. «Если уклониться от проблем, – считает Борк, – поднятых Филофеем, жизнь в общем-то будет протекать так же, как протекала вовеки, но одно дело, когда мы не знали о тавре Кассандры, когда мы понятия не имеем о генетической трагедии кассандро-эмбрионов, и совсем другое, когда мы знаем об этом и можем в этом убедиться. Как быть? Пренебречь, прикинуться, что ничего нам не грозит от самих себя, или глянуть правде в глаза, предощутить апокалипсический исход, услышать голоса кассандры-эмбрионов?» (11, 647).

Эти вполне риторические вопросы не дают успокоения Борку даже при эмоциональной разгрузке. Как быть? Этот вопрос не дает покоя ему еще и потому, что он знает о том, как опасно было говорить о кассандро-эмбрионах вслух, ставя человечество в известность. «Диагноз поставлен, – говорит Борк, – и, вследствие этого, человек как бы заново открывает себя в себе – кто он есть в прорастающем семени своем, в зарождающемся духе, куда влекут его пороки прежних поколений, переданных по наследству, в какую гене-

тическую темь. Разглядим ли мы себя в том срамном зеркале? Или закроем глаза и будем загонять себя все дальше и дальше в угол?» (11, 647). Так он трактует мысли космического монаха. Борку понятно, что зло, в котором захлебывается мир особенно в последнее столетие, и есть результат того, что кассандро-эмбрионы, существовавшие уже сотни лет и предававшиеся человеком обструкции и осмеянию, носители зла на протяжении веков.

Думается, Айтматов не случайно выбрал образ Борка, футуролога, в качестве человека, болезненнее всех воспринявшего откровения монаха Филофея. И если тот факт, что даже такие, как футуролог Борк, не выдерживают натиска откровений космического монаха, то что же говорить об остальных, фактически приверженных бесконечным злым намерениям, ортодоксально воспринимавших бытие человека вообще. Даже такие враги человечества, как Ленин и Сталин, и то ужаснулись бы тому, что может сделать человек, «напичканный» злобой с внутриутробного состояния.

Часто в разговорах умных и удачливых» людей можно слышать о том, что почти весь XX век – это переплетение идей, судеб, противоречий, которые приводивших к мировым войнам, которые вызывали изменение архитектуры земли, человеческих отношений, а заканчивалось все пролитием крови миллионов невинных людей. Именно поэтому новость – филофеевская философия – так пугает Борка; он отождествляет заявление Андрея Крыльцова с историей зла. Борк уверен, что «филофеевское открытие обнаруживает, безжалостно обнажает то обстоятельство, что на протяжении всей истории, из поколения в поколение, люди систематически истязали друг друга и мир, в котором они живут, и в силу этого лишились очень многого на пути своем; очень многое, чего они могли бы достичь в своем историческом совершенствовании, безвозвратно упустили. Ну, вот представьте себе даже схематически. Разве все эти нескончаемые войны, и как называемые славные в том числе, все эти революции, бунты, восстания, преступления, жестокость властей, деспотизм учений и идеологий – разве все это вместе взятое, все, что постоянно корежит, выкручивает жизнь, судьбы, делает народы постоянно взаимоненавидящими, людей – алчными существами. Разве все это не находит свое выражение в бессловесном

протесте кассандро-эмбрионов, число которых все возрастает? ...» (11, 662-667). Борк старается объяснить мыслящим людям, с какого рода сложной материей имеет дело человечество, не ограничиваясь лишь идеями Филофея.

Интересно, что Айтматов проводит Роберта Борка по всему кругу испытаний в плане того, как может отразиться на человечестве откровения монаха Филофея, не обходя даже религию, которая ставит под запрет все, что может быть связано с развитием индивида во внутриутробный период: ибо истина одна – все дается Богом и надо это «все принимать как должное», осуждая разные подходы различных религий к назначению и месту человека на земле, вынося это на общее обозрение – якобы выбирай, что тебе по душе. Борк уверен, что духовенство, какое бы оно ни было разное, кардинально одинаково не воспримет откровения русского человека, мало того, будет призывать к инквизиции.

Айтматов, не раз обращавшийся к истории различных религий, даже к тенгрианству, в этом произведении решает свести различные религии под единое мнение – спасти людей от гнева божьего. Айтматовского героя заставляет задуматься даже тот факт, что кто-то из лидеров духовенства может первым, так сказать, откликнуться на откровения монаха Филофея и заработать на этом большой политический капитал. Думается, в данном случае Айтматов не случайно прибегает к идее приобретения политического капитала, осознавая, насколько гибким должен быть сделан вывод из создавшейся ситуации. Ведь согласимся, что приверженцу одной какой-либо религии трудно воспринимать идеи какой-то другой, а в данном случае, еще и посредством инонационального героя. Если вспомнить критику в адрес героя айтматовского романа «Плаха» Авдия Каллистратова, где его чуть ли не судили за то, что он вмешивается не в свое, а в христианское поверье, то становится ясно, откуда исходит усердие писателя провести идею и через круг религиозного восприятия, религиозного толкования. И в данном случае Борк останавливается на мысли, которую проповедовали долгие десятилетия представители религиозной секты бабизма. Сравним, Роберт Борк размышляет: «Что было бы, как обернулась бы жизнь отдельной личности, как сложились бы судьбы людские, если бы каждый человек на земле

был волен исповедовать в равной мере все религии, если бы дано было человеку обрести повсеместно право ничем не регламентированной, свободной причастности – если он, разумеется, верит в Бога – ко всем существующим религиям в одинаковой мере и с одинаковым «статусом», когда он был приверженцем не какой-то отдельной конфессии или секты, исключающих все остальные верования, а мог бы быть членом ассамблеи мировых религий и был бы признан ими всеми каких бы то ни было оговорок, когда бы он мог считать себя и христианином, и мусульманином, и буддистом, и иудаистом и прочим в этом ряду верований, и каждой религии – его любовь и уважение, а ему – признание его всеми культурами, и он бы свободно принимал их идеи и нормы, но не сектантские, не изоляционистские, а общерелигиозные» (11, 668). Борку представляется, что настанет время, когда все религии пойдут навстречу человеку и человечеству вообще.

Именно религиозное несоответствие духа монаха Филофея, скорее его натура человека – ученого, биолога не дает возможности поставить его в ряд своего рода пророков. Ведь неспроста говорят, что пророками становятся по воле Всевышнего. А что Всевышний? Разве мог бы он допустить, чтоб летал себе монах в небесах, поближе к нему, если бы таил что-то против человека. Не по воле Всевышнего это было бы. Ведь Борк понимает, что Филофеем движет что-то, чего бы он не смог сказать здесь, на земле, на тверди, которая, как сказано пророками, всегда была тварями попираемой. Наверно, прав Ч.Гусейнов, известный современный писатель, указывающий в своем романе – повествовании «Не дать воде пролиться из опрокинутого кувшина», что самая трудная доля из всего, что есть во вселенной, досталась земле, тверди – из нее и сотворил Бог Адама: «И слышит, как горная вершина взывает к Богу: «Вот я гора могучая, из меня твори, что сотворить задумал!» Но море зашумело: «Нет, из меня – огромно и величественно!» Тут небо вскрикнуло, подав свой голос: «Возвышенная!» А земля... чем ей гордиться, ногами тварей попираемой «Ничтожна я...», – едва лишь прошептала. «Вот из тебя и сотворю Адама!» – сказал Бог». И далее самое интересное – предназначенье человека: «И пятикратное чтоб»:

- чтоб не возгордился человек – пусть знает: создан он из грубой низменной земли, и часто припадает к ней, не задираясь;

- смирен был, терпим и снисходителен;
- привязался к земле: здесь жить ему и от нее кормиться;
- чтоб не воспламенился в нем огонь вождельня, алчности, что гасится землей, и не возгрозотал в нем гнев, землей утихомиранный, и не взбурлила страсть, что поглощаема землей;
- чтоб был силен, но крепостью надежной, как земля: гора крошится, море сохнет, а небо ... – оно бесплотно!» (21, 19).

Наверно, Борку была известна заповедь, что земля может утихомирить своим гневом любое неповиновение, любое отклонение, алчность и наказать того, кто подстрекает к алчности, к вождельню: ведь Андрей Крыльцов выполнял «заказ» власть имущих, подстрекая их на осуществление своих черных замыслов, и земля наказала бы его неминуемо. Отсюда, наверное, и его выбор – бесплотное небо, откуда можно лишь раствориться в миллионах небесных тел, не оставляя никакого следа.

Айтматовский герой четко представляет, что его может ожидать, если он, подобно Филофею, или даже небезызвестному Салману Рушди, смог бы с высоты своей философии ударить по догмам какой-либо религии, для того, чтобы доказать, что во многом религиозные постулаты правящего духовенства ограждают человека, отделяют его от природы, ища в нем только подобие верующих, а не самых настоящих последователей той или иной религии. Ведь любое несоответствие взглядов, любая неприязнь приводили к переполнению чаши терпения. Наверно, Айтматов с высоты небесной глядел на те события, которые, в марте 2005 года происходили на его Родине, близ святого озера Иссык-Куль, куда мечтал попасть его любимый герой. Разве не те же самые спецлюди, взращиваемые когда-то монахом Филофеем, громили Ош и Бишкек, уничтожали памятники искусства, торговые центры с одной лишь целью – насытиться тем, чего не ели уже десятилетия, облачиться в то, что видели только по телевизору. Реальность, скажем, сегодняшней киргизской жизни еще раз доказывает мысль айтматовского героя, а следовательно, и самого автора, что раздвоение человечества, раздвоение личности приобрело настолько массовый характер, что герои Достоевского или Булгакова уже не стали своего рода единож-

ды сотворенными. И кому, рассуждает Борк, не быть таковым, как Салман Рушди, или те же самые его враги, считающиеся истинными мусульманами. Ведь в современном мире настолько много стало враждующих сторон, что проблемы, разжигающие эту вражду, перешли всякие пределы, и ему Борку, с его идеями о святости человека и внимательного изучения откровений монаха Филофея, не будет легко, даже Салман Рушди, в этом отношении, – личность безопаснее его: «...как-никак, – рассуждает Борк, – Салману Рушди пока удавалось находить себе укрытия, а ведь весьма вероятно, что у ратующих за поликонфессиональную интеграцию верующих не будет и такой возможности, что ему, еретiku тому, везде отверженному и отовсюду гонимому всеми разгневанными культурами, не найдется на земле места приклонить горемычную голову, что не будет ему пристанища нигде и никогда! В этой ситуации тебе осталось разве что удалиться в космос, к Филофею, – иронизируя над собой, подумал Роберт Борк, и пришла вдруг мысль в голову: «А ведь в самом деле, может быть, судьба для того и удалила Филофея на космическую орбиту, чтобы он мог оттуда, с недосыгаемой высоты, сказать людям на Земле правду?» (11, 670).

Так что Филофей – космический пророк, человек, осмелившийся во имя человечества подняться в прямом смысле слова в небеса, чтобы оттуда сказать правду и ждать своего часа там, ближе к Богу. Наверно, он и сам понимал, что на Земле его могла ждать та же участь, что и Салмана Рушди, и не смог бы он тогда сказать о том, как человек своими античеловеческими амбициями «копает себе могилу». В этом смысле удивляешься и смелости автора романа, который, твердо придерживаясь традиции классиков мировой литературы, смог выстоять в трудные моменты переосмысления во всех слоях жизни народов постсоветского пространства. И то, что Айтматов не останавливается на изображении каких-либо человеческих чувств, отношений, памяти людей и Исторической Памяти, а вмешивается во все сложнейшие вопросы современности, еще раз подтверждают его приверженность к тому чтобы писать в русле лучших классиков, писать для развития литературы. Ведь правы те теоретики литературы, которые считают, что историческое развитие литературы с древнейших времен до наших дней красноречи-

во свидетельствует о ее все большем и большем проникновении в сложнейшие процессы общественной жизни, сознания людей, отношения между ними, тем самым регулируя весь этот процесс, восстанавливая правду и воздая должное справедливости. И если в начале своего творческого пути Айтматов больше внимания уделял простым человеческим отношениям, изображению жизни киргизских долин, то позднее его творчество уже связано с разрешением важнейших философских проблем изучения институтов жизни, внесения своего рода предложений для остановки гонки вооружений, остановки наркобизнеса, возвеличивания человеческой памяти и даже внедрения в жизнь сложнейшей аппаратуры современности (космические ракеты, компьютеры, теледебаты, интернет и др.). Именно он становится основателем борьбы за сохранение человечества посредством литературы, давая нам знать, что есть силы, которые готовы бороться со всяким злом, направленным против человека. Называя тавро Кассандры сигналом о великой беде, причем и неожиданной, и глобальной по своим масштабам и последствиям, Айтматов хоть на некоторое время хочет остановить тех политиков, которые, прикрываясь новыми демократическими лозунгами, пытаются заработать на том, что является неприкосновенным, Богом дарованным людям. Айтматовский герой, уверенный в правоте своего решения о доведении открытия Филофея всей мировой общественности, считает, что открытие Филофея свидетельствует о том, что наше самосознание деформировано на генетическом уровне, деформировано по вине самого человека, из поколения в поколение живущего вопреки идеалам Мировой души. Трагедия в том, что мы избегаем, всячески уклоняемся (как это было, в частности, продемонстрировано на предвыборном собрании) от сознания причин, побуждающих кассандро-эмбрионов к отказу от борьбы за существование. Угасание желанья жить – есть угасание мировой цивилизации. Это и будет концом света. И Борк делает удивительный вывод, который еще раз подчеркивает особенность, неповторимость его взглядов: «Иначе говоря, конец света заключен в нас самих. Это-то и улавливают кассандро-эмбрионы, обладая инстинктивной чувствительностью, и дают нам знать о страхе перед жизнью через пятно Кассандры, проявляющееся на челе беременных женщин, как

на вселенском компьютерном экране. Следует бояться не самого тавра Кассандры, а причин, вызывающих в недрах генетики этот эсхатологический сдвиг... Мы совершим великую ошибку... Филофей не провокатор, он – космический пророк...» (11, 691).

Трудно представить, что откровения монаха Филофея нашли полное понимание не только со стороны Борка, но они вынудили даже скептика Энтони Юнгера, бросив поспешно все свои дела, заняться полностью теорией космического монаха. Найдя в Борке собеседника, а возможно и единственного человека, понимающего сложившуюся ситуацию, Юнгер, может быть, первый литературный образ во всей постсоветской литературе, который, взбудораженный откровениями монаха Филофея, впервые так открыто и с гневом может говорить о гонке вооружений, о том, что увиденный в руках русских плакат с надписью – подписью о том, что человек не должен рождаться на свет, чтобы производить оружие, заставил его подумать об оборонной промышленности не только России, но и США, где эта тема для интересов власть имущих является не только приоритетной, но и нужной, даже необходимой: она несет миллионы прибыли.

Интересно то, что тема гонки вооружений, испытания каких-либо военных назначений крайне редка в мировой литературе, да и в русской тоже. Локальный характер такого изображения вплоть до сегодняшнего дня не придавал такого огромного значения этой теме, которая раскрыта в романе Айтматова. Гонка вооружений больше всего тревожит тех, кто еще с внутриутробного периода подает о себе сигналы, явно отказываясь жить в будущем, а если даже и придется жить, то только для служения злу, например, для нагнетания гонки вооружений. Юнгера в репортаже о демонстрации русских на Красной площади, где до сих пор витает дух Ленина, а равно и Сталина, интересует больше всего несчастная женщина, спалившая себя на площади. Приравнивая ее действие – протест действиям Сахарова, создавшего сначала водородную бомбу в России, а потом полностью отказавшегося служить военным интересам России, Юнгер хочет обратить внимание Борка на то, что такие, как Роберт, или девушка-смертница не могут остановиться перед угрожающей опасностью. Для Юнгера действия демонстран-

тов в Москве, откуда и думать было невозможно, что пойдет волна демонстраций, неповиновения властям в плане приятия или неприятия гонки вооружений, становятся в ряд с действиями мощных освободительных движений, которые когда-либо видела Земля. Аналитически воспринимая действия русских (и в создании новейших орудий, и демонстрации протеста оных же на эту тему), Юнгер не может понять, откуда у них такой риск, такой своего рода выбор для восстания именно против гонки вооружения. Он не может понять, как в сознании такого народа могла возникнуть эта идея. Он не считает Филофея одиночкой в понятии и восприятии мира, совсем не ординарном. Юнгер буквально приравнивает Борка к Филофею, но уже на земле: «Вы один, – отмечает Юнгер – в поле воин (своеобразная интерпретация знаменитой русской фразы американским политиком). Филофей – в космосе, он не только не доступен противникам, но и лишен возможности активно взаимодействовать с союзниками... Вы поняли и поддержали то, чего не понимают или не хотят понимать из сиюминутных соображений другие, кому плевать на будущее, как и подобает временно проживающим на этом свете. Вы один, и это миссия одного. Почему так устроено, что великое свершение чаще всего миссия одного, не знаю. В любом случае я с Вами, я готов Вам содействовать, готов делать все, что в моих силах, и не потому только, что, как я уже писал, чувствую себя виноватым перед Вами, так как это я подал Ордоку мысль побеседовать об открытии Филофея именно с Вами, а потому главным образом, что я сам заразился идеями Филофея, его и Вашей озабоченностью будущим человечества. Возможно, до сих пор человек плутал, а теперь настало время сказать себе или стать лучше, или готовься проследовать в палеонтологические пласты, как вымершие мамонты...» (11, 708-709).

Думается, Юнгер не случайно задается целью окрылить Борка. Айтматов, скорее всего, не хочет оставить Филофея и Борка одиночками, одного в небесах, другого на земле, утверждая, что не поддержанная идея всегда подвергнута риску исчезновения вообще. Юнгер рассуждает о том, что могло бы произойти, если бы человек отказался от гонки вооружения, да и вообще от оружия. И какова вероятность того, что человечество вообще не придумало бы ника-

кого оружия и просто обходилось бы без него. Конечно, несколько ирреальным выглядит этот вопрос. Ведь ни для кого не секрет, что не будь оружия (в любом его виде), мир не знал бы о таких личностях как Дарий, Кир, Александр Невский, Юлий Цезарь, Атилла, Магомед, Наполеон, Гитлер.... В водовороте сегодняшних событий незнание таких имен привело бы скорее к регрессу, чем к прогрессу. Ведь история войн и знаменитых воинов – это и история развития человечества. Не исключая, что путь без вооружения для человечества был возможен даже в самые древние времена, Юнгер все-таки сам не может ответить на вопрос, что было бы с человечеством в названном случае, что двигало бы развитием, что стало бы стимулом для развития вообще.

Юнгер уверен, что большинство населения воспротивится откровениям Филофея, просто не захочет понять его, сколько бы это человечество не существовало, оно должно верить пророчествам космического монаха и в этом людям должны помогать такие, как футуролог Борк.

Интересен тот факт, что Айтматов, среди прочих событий, заставивших о себе говорить после откровений монаха Филофея, не забыл и про события в Карабахе, также связывая деяния злых людей, которые впоследствии могут изменить постоянно наследственную структуру и отразиться на потомках. И действительно, порой не понимаешь действия армянских боевиков, показывающих «чудеса» злодеяний. Одна только Ходжалинская трагедия чего стоит! И если внимательно вчитаться в статистику этой трагедии, то можно представить, что этими людьми руководило совсем неземное зло: город разрушен полностью, более 650 жителей его погибло, тысячи оказались в плену. «По своей бесчеловечной, невиданной и зверской жестокости Ходжалинский геноцид, – писал выдающейся политик современности Гейдар Алиев, – направленный против всего азербайджанского народа, не имеет себе равных в новейшей истории человечества. Этот геноцид является одновременно актом преступления против человечества». А первым, кто заснял результат этого кровавого побоища на камеру, был известный журналист, Национальный Герой Азербайджана Чингиз Мустафаев. Он писал: «28 февраля в сопровождении двух военных вертолетов мы

прибыли на место трагедии. Уже с воздуха увидели большую территорию, сплошь усеянную трупами людей. Когда приземлились, прибывали работники милиции, в задачу которых входило убирать трупы в вертолеты. Смогли поднять только четыре трупа: несколько человек при виде такого количества трупов и от их жуткого состояния потеряли сознание. Десятки женщин, стариков и детей от 2 до 15 лет были расстреляны с близкого расстояния, причем в голову. Неподалеку друг от друга лежали трупы членов отдельных семей. Некоторые трупы имели несколько пулевых отверстий, причем одно обязательно в голову. Это значит, что всех добивали контрольным выстрелом, чтобы убедиться – в живых никто не останется». А один из очевидцев трагедии, житель Ходжалы, которому чудом удалось спастись, отмечал, что, убегая от рук бандитов, «прихватил пятилетнего внука и имевшиеся дома 15 тысяч рублей и двинулся в сторону леса. Чтобы ребенок не замерз от ночного мороза, снял с себя теплую одежду, укутал ребенка. Однако к утру я понял, что это не поможет, поэтому направился, как я предполагал, в сторону Агдама. По дороге наткнулся на вооруженных людей из ближайшего армянского села, я умолял их взять деньги и отпустить меня с ребенком в Агдам. В ответ они обругали и избili меня, а затем затащили в одну из сельских конюшен. Здесь кроме нас были еще азербайджанские женщины с детьми. В конюшне нас продержали четыре дня, не давали ни еды, ни воды. Через четыре дня меня с внуком привели в Аскеранский район. Здесь произошли события, по сравнению с которыми четыре проведенных в конюшне дня показались раем: прибывшие из-за границы армянские террористы – бандиты выдергивали у меня ногти пальцев ног, а имевшиеся среди армян негры били меня ногами в лицо и грудь. После нескольких часов таких пыток и истязаний меня обменяли на одного из арестованных армян. Внука от меня отлучили, что стало с ним, с женой и дочерью, до сих пор ничего не могу узнать».

Если перелистать страницы истории, то можно проследить, откуда это рвение уничтожить невинный безоружный народ. Как свидетельствует историческая летопись, в марте 1918 года около 15 тысяч азербайджанцев были убиты с особой жестокостью. С криком «Уничтожайте проклятых турок, никого не оставляйте в живых!»

армянские отряды начали резню на улицах города Баку. Мусульман, спрятавшихся в домах и подвалах, вытаскивали наружу, расстреливали или протыкали штыками и саблями. Мужчин вешали за ноги и отрубали саблями головы. Некоторых привязывали к деревянным кроватям или заворачивали в ковры и сжигали. Озверевшие армянские палачи гвоздями прибивали азербайджанцев к полу, дверям и столам, а потом расстреливали их. Женщин убивали с еще большими мучениями. Грудных детей протыкали штыками. Малышей ставили как мишени и стреляли в них. Никого из детей не отпускали живыми, боялись, что в будущем они станут мстить за своих отцов и матерей. А самое страшное то, что армяне разжигая костер из священной книги – Корана, бросали туда священнослужителей с завязанными руками и ногами. Безусловно, акт этих насилий не имеет себе подобных; очевидцы утверждают, что даже трагедия Хатыни не идет ни в какое сравнение с тем, что происходило в результате армяно-азербайджанского конфликта, счет которому перевалил уже за столетие.

И напрашивается вопрос, который звучал еще в романе знаменитого русского писателя Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание», где одна из героинь Соня Мармеладова бросает Раскольникову слова: «И кто меня тут судьей поставил, кому жить, кому не жить?». Это все решает Бог, а если люди на богом сотворенной Земле решают участь других, себе же подобных, то откровения Филофея, аналитика Борка, умозаключения Юнгера кажутся запоздалыми. Литературный взгляд на эту страшную для человечества проблему состоит лишь в том, чтобы скептически или несколько правдоподобно отнестись к ней, попытаться найти возможность ослабить напряжение, вынести на суд читателя, что для него приемлемо. Наблюдения и мысли Юнгера о конфликте в Нагорном Карабахе, который до сих пор остается крайне осторожной, почти не затрагиваемой темой в художественной иноязычной литературе, завершаются вопросом, произносимым обычно в безысходном состоянии: «К чему нас создавал Бог?...».

Отметим, что айтматовский роман является также и предупреждением для тех, кто привык к уличным шествиям, к массовому неповиновению в угоду своим амбициям. В литературе, как это ни

звучит парадоксально, очень редкое явление, когда контрасты, достигнув определенного уровня, могут не разрешиться, не дать позитивного конца. С этим мы не раз встречались хотя бы по произведениям классиков мировой литературы, таких, как Бальзак, Теккерей, Мопассан, Достоевский, Хемингуэй. И Айтматов, также будучи классиком, не составляет в этом отношении исключения. Казалось, после откровений Филофея мир должен был бы перевернуться, человечество должно было бы понять свою ошибку и вывести себя же на верный путь. Но нет, оказывается, что сторонников гонки вооружений, нагнетания обстановки намного больше, чем тех, кто реагирует на откровения, как на пророческое заявление, как на голос, идущий с небес, от самого Всевышнего. И о какой стратегии в развитии программ по экологическим бедствиям можно говорить, когда Борка, равно как и тех, кого он должен представлять в политике, готовы чуть ли не повесить. И на это способны не только те, кто получает массовую прибыль, но и те, кого именуют толпой. И эта толпа угрожала Борку транспарантами и надписями типа «Борку пулю в лоб», «Борк – агент КГБ», «Не попадайся мне на углу, старик, придушу» и т.д. Толпа, как известно, способна на все. И все, что она сделала в Киргизии за время последних событий, – явное подтверждение этого. Сам Ч.Айтматов, высказываясь по поводу киргизской миндальной революции, в интервью телеканалу РТР, отметил с сожалением, что он не ожидал от киргизского народа мародерства, это, как он подчеркнул, как гром с неба. Он считает, что срам и позор - прийти с такими высокими идеями и идти на соглашение с мародерами. Он словно уже писал новый роман, когда говорил о причинах возмущения киргизов, считая одной из главных - противостояние богатства и бедности, которое обычно и приводит к таким последствиям. Одурманивающее слово, вслух пророненное может дать ростки, а если это связано еще и с политикой, то это явно большого роста. Горько признавать, что безвозвратно обезображенная однообразной жизнью толпа часто может выполнять роль исполнителя злодеяний, совершенно не осознавая в этом какую-либо свою роль.

Айтматовский герой Борк, которого толпа могла уничтожить в любой момент, ибо футуролог ясно понимал непредсказуемость поведения толпы, которая все больше и больше собиралась под

окнами его дома, не мог представить себе, какое именно действие может привести их в движение, заставить сделать то, для чего они собрались нынче. И что же он может сказать этой толпе, защищая и себя, и откровения монаха Филофея. Он не понимал конкретного их требования, не представлял себя рядом с ними, или говорящим с ними. Он знал, что руки толпы обжигает факел – своеобразная эстафета от Варфоломеевской ночи, они искали, куда бы излить яд, так быстро накопившийся за недолгое время. «Вина ли их в том, - думал Борк, глядя на толпу, – беда ли или некая чумная сверхсила согнала их сюда в наказание? Как быть, что сказать им, совсем недавно еще потрясавшим на площадях само небо криками восторга и преданности из сотен тысяч глоток при виде неотразимого фюрера – кидавшимся по мановению его руки по колено в крови на запад, и на восток, и на юг, и на север; что сказать им, совсем недавно топтавшим друг друга в смертельной давке перед гробом Сталина, чтобы только ухватить краем глаза облик обожаемого до мочеиспускания вождя и тотчас изойти вместе с ним в иные миры, удаляясь в черном полете над континентом расстрелов и казней; что сказать им, вчера еще бежавшим ревущей ночной толпой по тегеранскому летному полю навстречу взлетающему авиалайнеру иранского шахиншаха, спасающегося от расправы и едва успевшего пронестись над головами пытавшихся ухватиться за шасси...». И как обезумевшая, «еще долго бежала толпа по взлетному полю, и мигали, удаляясь в выси, огни самолета, и стояли в небе не подвластные людям звезды и бесновались эти люди, обжигаемые жаждой несостоявшейся мести, взывая к Аллаху вернуть тот самолет немедленно назад...» (11, 727). И эта толпа, когда-то восставшая и чуть ли не покончившая с Александром Македонскими, толпа, которая восстала против горьковского Данко и чуть не растерзавшая его.... Эта толпа, в отличие от древней, все-таки сочла нужным расправиться с Борком, не случайно незадолго до этого, глядя из окна, понявшего, что на этот раз толпа совершит задуманное: растерзает его.

Если быть объективным, то надо отметить, что всегда, когда массы, будь они толпой, народом – все равно, решились на достижение цели – этого они добиваются: оставляя после себя убитых, изгоев – не имеет значения, но все-таки что-то происходит хоть вре-

менно в их пользу, по их желанию. Ведь известно, что стремление к цели, подстрекаемое вовсе не опытным человеком, с неизбежностью ведет к агрессивности толпы. Естественно и то, что подобная агрессивность толпы зачастую сохраняется на долгое время, не смотря на то, что многие, даже из самой толпы, понимают, что их целеустремленность на руку только тем, кто заинтересован в движении толпы, разрушении и мародерстве, с целью установления после всего этого своих условий, своего бизнеса, амбиций. Получается, что такие люди идут на союз с толпой, оставаясь в тени и выдавая себя политике и народу только в исключительных обстоятельствах. Наверно, частота конфликтов в мире, порождаемых толпой, почти всегда заканчивается победой. И очень часто «со сцены» уходят достойные, не понятые народом личности, страдая, прежде всего, от боли к родному народу, попавшему в сети мошенников - «сподвижников - политиканов». И в данном случае, айтматовский герой Борк, не выдержав картины разбоя, вызванного, прежде всего, протестом против него же, бросается к толпе, наверно, рассчитывая на то, что речью своей сможет переубедить ее, остаться на стороне правды, суть которой заключалась в откровениях монаха Филофея. Странно то, что до смерти, которая стояла уже на пороге, Борку предстояло перенести и унижения, футуролога даже хлестали газетой какие-то женщины. Наверно, его последние слова - о том, что кассандро-эмбрионы – это наша беда и наша вина, и человечество должно держать ответ перед ними. Страшный призыв, стоящий вокруг Борка, не поколебал футуролога, но все равно было уже поздно: толпа потащила его, сначала десятки, а затем и сотни рук стали добираться до него, добивать его: «Съемочная группа телевизионщиков, пытавшихся заснять эту дикую сцену, тоже была смята, аппаратура была смята. Несколько полицейских, тщетно пытавшихся что-то предпринять, сами оказались щепками в водовороте. А Роберта Борка тащили куда-то, неизвестно куда, но куда-то. Каждый тянул в свою сторону, вцепившись ему в горло, схватив за волосы, раздирая края рта, превращая лицо старика в кровавое месиво. Толпа яростно давила и самую себя, каждый всех и все каждого. И это еще больше разжигало злобу и ненависть. И в этом brutальном движении куча беснующихся людей оказалась в каменном саду футуролога,

возле бассейна, и именно здесь, где, бывало выписывал он на песке некие таинственные знаки, пытаясь проникнуть в сокровище тайны Мирового духа, именно здесь и произошло неотвратимое. Кто-то, изловчившись, нанес Борку яростный удар по голове железным рифленным прутом, выдернутым из клумбы, где на нем держались выющиеся стебли. Борк громко вскрикнул, и, схватившись за голову, упал навзничь, корчась в судорогах и заливаясь кровью, но его продолжали бить» (11, 731).

Конечно, сцена удручающая, современный мир, цивилизованное человечество, и вдруг средневековые методы расправы, причем такие, словно распинают еретиков, боясь кары Божьей. Но ведь тут как раз-таки страх перед Богом как будто исчез, люди стали неудержимы в своих нагнетаниях страстей.

Смерть Роберта Борка, казалось, и есть финал романа, где герой, также как и его небесный товарищ – монах Филофей, остались непонятыми абсолютным большинством. Слово Бог покарал Землю, не посылая больше пророков. Ведь если задуматься: после пророка Мухаммеда не было пророков. Были праведники, возведенные в ранг святых, но пророков не были. И вот Айтматов как бы пытается возродить это дело, пусть в художественной жизни, далеко не реальной. Но увы, это ему не удается. Смерть Борка как бы прерывает связь с космическим монахом, с таким трудом, взошедшим на небо, но так и не ставшим пророком. Ему, наверняка, уже не спуститься на землю, тем более, в качестве пророка, не продолжить путь последнего пророка Мухаммеда, к которому Бог благоговел, и, как точно отмечается в романе Ч.Гусейнова «Не дать воде пролиться из опрокинутого кувшина», Мухаммед спустился по небесной тропе в свою обитель. Проследим этот отрывок из романа:

... И она, эта небесная тропа,
незаметно и плавно
опустилась на зеленые склоны гор,
и, заглянув -
как же пройти мимо, не остановиться пред пещерой? -
даже вошел в нее,
где в уединении проводил дни и ночи,
и столько всего здесь передумано!...

И зашагал, твердо ступая,
по неровной,
извилистой
земной тропе,
спускаясь в сумрак ущелья,
и она вывела,
преодолев трудный подъем,
на гребень горной гряды,
откуда в предутренней дымке
открылся взору Мухаммеда родной город Мекка
И так впредь! (21, 135)

Возвращение Мухаммеда – это также благословление миллионов, преклоняющихся пред его личной жизнью. А монаха Филофея на земле уже никто не ждал, не хотело человечество что-либо уже менять: катимся в сторону катастрофы, ну и пусть! А таких, как монах Филофей, безродных, никто и знать не хочет. Как это ни странно, человек, увлекшийся откровениями космического монаха, не может пропустить историю его жизни, его научной деятельности, как бы оставляя в стороне его пророчество. И как ни странно, опять же, смерть Роберта Борка пробудила интерес у ученых к персоне Филофея, которые до сих пор считали откровения монаха чем-то абсурдным, а его, первого понявшего на земле футуролога, каким-то мистиком. Опять же этот интерес был вызван не столько научным открытием Андрея Крыльцова, сколько возможностью пообщаться с человеком, как бы оказавшимся в довольно-таки экзотических условиях. Ведь всегда неадекватность поведения одной из сторон вызывает рвение к общению другой стороны, в данном случае, из земли в космос обратили взоры те, кто хоть сколько-то разбирался в понятии зондаж-лучи, или вообще учении о знаке Кассандры. Для них были интересны лишь условия выявления знаков-сигналов, а не то, какие последствия они будут иметь для будущего человечества. И вот настал тот шоковый момент, когда на экранах отчетливо показался лик Филофея, то ли великого пророка, то ли великого безумца, то ли сатаны высшей пробы: «На вид Филофею было лет пятьдесят с небольшим. С продолговатым лицом, с русыми волосами, свисавшими до сутулых плеч. И борода рыжеватого оттенка, с проседью.

Он смотрел с экрана в зал, в лица присутствующих как повстречавшийся вдруг на дороге путник, куда-то идущий с котомкой и посохом, приостановившийся уточнить, туда ли он держит путь, куда ему следовало. И вечереет уже, поспеет ли? Во взгляде - озабоченное внимание и целеустремленность. Примерно и в душе даже порадовался совпадению. Старинно гравюрный, если можно так выразиться, облик космического монаха, тем не менее, вполне вязался с интерьером орбитальной станции. Держался Филофей уверенно и деловито. Возможно, способствовали этому колоссальная удаленность его от Земли, и дело, которому он отдавался в абсолютном уединении всецело. Глубокие морщины, тяжелые веки, пристально смотрящие серые глаза таили в себе нечто притягательное и скорбное» (11, 738-739). И первую весть от землян, которую вынужден услышать Филофей, это то, что Борка убили из-за него, вернее, его откровений, которых народ не желал слышать.

Интересно то, что Айтматов посредством своеобразного телемоста между Землей и небом, успел показать не только то, что человечество ошарашено услышанным, но и то, как оно быстро отдалилось от монаха Филофея, вернее бывшего ученого Андрея Крыльцова в том плане, что он уже считается как бы не от мира сего. Для людей Филофей – небес жилец – как отдаленная звезда, которая дала о себе знать через какие-то столетия, и дала знать большим моральным грузом, который придется по плечу только отдельным людям. Если Филофей со своим откровением сможет отвести глаза от многих бытовых проблем и заставит заглянуть в сторону глобальных проблем. То есть Айтматов сделал все, чтобы новый герой современности все-таки появился, чтобы через десятилетия, века сказали, что в конце девяностых годов XX века появился в литературе герой, как говорится, на все времена.

Интересно, что в теледебаты с Филофеем подтягивались люди самых разных профессий, и вопросы, в большинстве случаев, не касались формально того, какие открытия сделал космический монах. Интерес людей был связан, прежде всего, с тем, что вынудило Филофея открыться, а самое главное сделать это открытие, будучи в космосе. Для Филофея не понятен тот факт, что человечество отказывается верить в то, что он сообщил только потому, что ми-

стически настроенные умы, в ежедневной жизни полностью поглощенные компьютером, интернетом не могут даже отстоять того, что им предназначено судьбой, тем более в момент, когда практически решается судьба человечества. Не был ли прав когда-то Айзек Азимов, который предполагал, что мир будет утопическим, когда настанет век компьютеризации. Ведь он считал, что в том случае «всегда будут люди, которые найдут развлечение в математике и других науках. Они бы помогали «управлять», но делали бы это из желания и для удовольствия...». Будут ли те, - задается вопросом Азимов, - управлять миром, обогащаться и угнетать других? Предположительно, такие возможности остаются, но можно надеяться, что... это будет мир, в котором соревнование наций обезврежено, и война упразднена. Это будет миф, в котором «расизм», «сексизм», «возрастизм» потеряют свое значение в сотрудничающем обществе передовой связи, автоматике и компьютеризации. Это будет мир обильной энергии и процветающей технологии». Утопизм высказывания совпал с утопизмом идеи, которая существует в мире таких, как Андрей Крыльцов. Ведь для него показывают репортажи с демонстраций и митингов в разных концах Земли, откуда нет-нет, да и слышатся возгласы, лозунги с требованием не обманывать землян порочной идеей. Филофей понимает после всего этого, что его теория, его стремление спасти человечество от предстоящей явной катастрофы потерпело полный провал. То есть обществу утопическому, так с любовью описанному Азимовым, на земле еще нет места. И то, что Филофей понимает свое поражение, вовсе не подхватывается Айтматовым, то есть не дает своему герою «обмельчаться». Проследим отрывок, где Филофей, казалось бы, делает шаг назад, но, понимая своеобразное миссионерство, все-таки остается на высоте: «... поступок мой не из числа заурядных недоразумений. И я должен за него отвечать. Я сознавал, что или достигну цели, если мир воспримет мое открытие, мои идеи как самопостижение духа, или потерплю сокрушительное поражение и стану жертвой собственного открытия, погибну под его обломками. Иного не дано. Я знал, на что иду. И вот мое заключительное слово. Я далек был от какого-то умысла причинять людям вред. Но на деле все обернулось по-иному. Замысел обернулся во зло. И все мы сейчас - бессильны

перед ним. Однако я не отрекаюсь от самого открытия, от феномена кассандро-эмбрионов, от их эсхатологических предвестий; люди должны знать, что конец света - в непрерывном накоплении зла в нас самих, в наших деяниях и мыслях, и это сказывается на генетическом коде человека, приближая кризис. И будет поздно, когда грянет гром... (11, 746). Шум зала, откуда устанавливалась связь с космическим монахом и, должно быть, результат реакции на своеобразное поднятие и мгновенный спуск во всеобъемлющие проблемы повседневной жизни. Айтматовский герой не оставляет ни капельки возможности людям в чем-то противоречить ему, как-то поучаствовать в эксперименте - преобразении из простого смертного в монаха, который в данном произведении получает и новое назначение, и новое звучание. Совсем не представляется возможность сравнить Андрея Крыльцова с кем-то другим из землян-современников: как мы уже проследили по отрывку из романа, где он впервые появляется на мониторах, он даже внешне изменился, стал каким-то юродивым, но не из порядка обиженных на жизнь. Вера в доброе, идеальное звучание всего человечества поглотила Филофея настолько, что он уже и не старается быть похожим на остальных, пусть даже будут считать его отшельником.

Образ Филофея получает своеобразные гигантские контуры в том плане, что Айтматов рисует его в противовес всем, как бы ставя его в ряд тех людей, которые классически не могли найти применения сил в обществе. Филофей лишний в том плане, что не может примериться с тем, что они на грани катастрофы, он лишний, потому что не может помочь людям, спасти от той же самой беды. И ни о каком «обмельчании» образа говорить в данном случае нельзя, потому что этот образ не идет ни в какое сравнение с современными литературным персонажами, даже с тем же Авдием Каллистратовым. И в противовес А.Рудалеву, который считает, что «обмельчали и герои литературы, сплошные тени проходят мимо читателя, даже в самом добротном сделанном тексте. Герои-тени не заставляют трепетать душу, вовсе не волнуют ее. Они обращают на себе внимание, но лишь только отворачиваешься в сторону, тут же забываешь и об их существовании. Переживания их судьбам становятся неуместными. Вот и выходит: что открывал книгу, что не открывал – никакой,

по сути, разницы...». Можно сказать, что монах у Айтматова получился как самый настоящий классический литературный герой, причем комментирующий свое монашество по-особому. Андрей Крыльцов считает, что таковая суть не в церковности, а в истовости веры в идею.

Для монаха, преисполненного самых истинных человеческих чувств: видя с высоты космоса действия китов в Атлантическом океане, обращая внимание землян на это зрелище, космический монах впервые понимает действия этих животных, и хочет, чтобы люди поняли недосказанную мысль Борка о китах, бросающихся самовольно на берег: «Смотрите, - обращается он к людям, смотрите, вот экран рядом со мной, справа от меня. Смотрите, на нем море, это океанское побережье. Атлантическое! Смотрите, какие могучие волны катятся на береговой откос, и вы видите, что происходит?! Вы видите китов?! Вот они, их целое стадо. Они выплывают из океана, как горы, и смотрите, о ужас, о наказание небес, киты с разгона выбрасываются на берег. Почему они выбрасываются из воды? Смотрите, что с ними? Почему они решили покончить с собой? Что это значит? Что заставляет их так поступать? Что-то неладное, что-то невыносимое гонит их на погибель. Или это совпадение последних помыслов наших? В один день и час! Кажется, я начинаю понимать, начинаю улавливать, что движет китами, обрекающими себя на смерть. Жаль, что не сумею глубже проникнуть в суть этого явления, нет уже времени, чтобы постичь эту потрясающую загадку жизни. Вот так же было и с Робертом Борком...» (11, 749).

Как видно, используя очень редкий композиционный прием – художественное предварение, Айтматов сумел полностью оставить человечество перед вопросом, с какой стати киты бросаются на берег и погибают. Что же их гонит? Почему они выбирают время для самоубийства такое, чтобы на берегу практически не было людей: ведь оказавшись в такое время на берегу, человек отважится выбросить китов обратно в океан до того, пока они издохнут. Но киты, эти таинственные существа не хотят помощи людей, не хотят возвращаться в свою стихию, проявляя опять-таки какой-то протест. Наверно, Айтматов специально возвращает нас перед эпилогом к теме самоубийства китов, считая, что не осознанное полностью Бор-

ком такое действие этих животных явилось результатом того, что ему вскоре предстояла почти та же самая участь: ведь Борк вдруг бросился к разъяренной толпе, будучи вполне уверенным, что не сможет убедить ее своей речью, но вышел. Значит, произошел, какой-то акт самоубийства, вернее, самопожертвования, но кого ради. Неужели не пришло ему в голову то, что эти грязные люди могут вполне расправиться с ним. Неужели в нем отсутствовал тот страх, который присущ людям перед лицом опасности? Но нет. Сентенция «достойный смерти» для Борка далеко не программная. Он вовсе не понимал, точнее не представлял полностью, что может оказаться в толпе перед лицом смерти. И если учесть, что в системе ценностей и Борка, и монаха Филофея главное место занимает любовь к людям, а равно ко всему, что его окружает, то становится ясно одно: их отношения с природой определены закономерностью: шагнуть в нее и быть частью ее, навсегда остаться там, в первозданном мире, где нет войн, убийств, человеческого предательства. Так и киты поступают: уходят в мир, о котором грезят, но который совсем не видится таким, каким они хотели бы: все равно появится человек и использует эту часть природы в своих целях. Но это будет потом, а пока перед смертью только мир грез.

Финал романа, думается, дан Айтматовым как сплошная впечатляюще броская картина Истины: моменты жизни, запомнившиеся Андрею Крыльцову как самые памятные и поучительные. Для обоих героев постоянно представлялось таинство природы, но именно монаху Филофею суждено было объяснить человечеству то, чему следовал всю свою жизнь, не противореча вначале ни себе, ни власти имущим, но заставившим себя, в конце концов, отвернуться от всех во имя общего спасения. Борку же практически не пришлось пережить таинства, он так же готов был обрести вечность своими заслугами. Это и понятно. Социальные реалии, которые были резко отличительными, ведь монаха, когда-то, в 1942 году, совсем еще малышом, нашли у крыльца, брошенного чьими-то руками в знак несогласия с судьбой наверно, рассуждает Филофей в посмертном послании, и фамилия таковая была дана ему не случайно. Все-таки детдому, и приходилось «раздаривать» фамилии и имена по случаю: в данном случае место нахождения – крыльцо, а значит и фамилия

удачно выбранная. Детская память сильно запечатлела момент, когда мать решила бросить его: «Помню, как она быстро шла тем зимним утром. Помню, как она судорожно прижимала меня к груди, то и дело испуганно вздрагивая, и я слышал сквозь наши тела, как гулко и больно билось ее сердце. Она шумно дышала на ходу и все время что-то приговаривала торопливо, что-то шептала мне, какие-то слова, едва не плача и силясь сдержать слезы. В тот час, когда она несла меня, чтобы оставить на крыльце детского дома, я видел сквозь щель одеяльца ее лицо, глаза с ресницами, запорошенными снегом, и вверху серое небо, падавшие хлопья снега. Снег кружил. И возможно, она шептала мне: «А ты заплачь, громко заплачь, чтобы тебя быстрее услышали!» Для Филофея, не знающего ни матери, ни отца, не имело никакого значения, где его дом, где они, родители. Все ему заменяла Вава, (Валерия Валентиновна) воспитательница детского дома, которая теплотой своей, обаянием и простодушием завоевала сердца сирот, но больше всего она любила Андрея Крыльцова, потому что, может, только она и старалась понять причину того, почему мать бросила ребенка на крыльце детдома в Рузе. Ведь именно в этом городе в 1941-42 годах стояли фашистские оккупанты, от которых рождались дети, как потом случайно выяснилось. Осуждать их, конечно, никто не имел права. Но осуждали. Ведь был же случай, когда мать и дочь пошли на самоубийство, только потому, что фашисты когда-то изнасиловали женщину и родилась девочка, совсем не виновная в том, кто ее отец. Но местные жители, которые знали, каким образом, родилась эта девочка, не давали покоя этой женщине, а когда и дочь стала терпеть обиды, то не выдержали обе. Правду говорят, что людская молва – мирская молва. И эта воспитательница, оценивая способности Крыльцова, его ум и мировосприятие, в глубине души понимала, что мальчик не чистокровный, все-таки немцы тоже умный народ. Именно она внушала ему, что кем бы он ни стал, он станет знаменитым, выдающимся человеком. И что перед ним, как пророчески она говорила, откроются все дороги, и он сам будет строить себе жизнь. Этим самым она давала возможность ребенку совсем не думать о том, кто его родители, почему они бросили его, как могла мать оставить его в студеную пору у крыльца, что вынудило ее пойти на такое. Вава постоянно внушала

ему мысль, что в его венах течет благородная кровь, этим он должен быть обязан родителям и не смеет осуждать их, а в первую очередь, мать, которая поступила с ним так неосторожно: «...ты не должен осуждать ее, – говорила она Андрею, когда они оставались одни в музыкальном зале. – Нет, нельзя ненавидеть мать, даже если она и виновата. Не сердись, если скажу: ты должен быть благодарен ей. Да! Тебе это кажется странным. Но подумай, Андрюша, это от нее, от родителей твоих у тебя отличные способности, ты их перенял по наследству, получил от матери, от нее и через нее. Никто не знает, чего это ей стоило - бросить тебя. Раз уж она пошла на это, значит, иного выхода у нее не было. Это, наверно, была единственная возможность сохранить тебе жизнь. Почему, я не могу сказать. Не знаю. И никто не знает. Но, что у твоей матери не было другого выхода, и только так она могла спасти тебя, в этом я убеждена» (11, 754). Для Андрея Кольцова, слышавшего это не раз от Вавы, с годами тайна становилась явью, он уже мог нормально представить все те условия, в какие могла попасть его мать, и сам делал из этого выводы. И вот тут более всего проявляется мастерство Айтматова. Он, словно пронесит своего героя через огонь и воду, и ставит его на такую высоту, что никто из читателей не смеет что-либо лишнее подумывать о нем. Если вспомнить, как Айтматов оправдал Джамилу из одноименной повести, невесту и мать из «Материнского поля», Танабая из «Прощай Гультары».

Чингизу Айтматову явился какой-то ангел удачи, то же самое облако, которое столь долгое время витало над великим Чингисханом. Именно он, как тысячелетия назад Александр Македонский, легко разгадал тайну Гордиева узла, сумел разгадать тайну души человека, внешне превратившегося в какого-то идола, но оставившего в себе самые теплые человеческие чувства, именно он помог подняться таким людям как Буранный Едигей, преодолеть все невзгоды военного лихолетья и послевоенных трудностей вкуче взятых. Ведь ни для кого не секрет, что именно Айтматов смягчил участь тех, кто под натиском военных трудных лет был на грани потери человеческих качеств, но в последнее время нашел в себе силы перебороть эту тяжесть, перешагнуть через предательства, унижения и оказаться среди тех, кого считают нормальными гражданами своей страны.

Айтматов, оставаясь верным своему творческому кредо, не делает исключения и для Филофея, переводя его из года в год в глубине души в состояние безнадежных поисков своих родителей, а заодно и поисков того, в какой области применить свои способности, свой талант, который, он был уверен, все отчетливее давал о себе знать именно в области биологии, генетики: все-таки айтматовский герой наделил себя памятью генетической и решил, что может испробовать себя в этой области. Испробовать – это была цель, но она стала особенно рьяной именно тогда, когда он стал осознавать, что его отцом мог быть тот же самый немец, не подозревавший даже о том, что родил где-то в Рузе сына и наделил его талантом. Именно это и подтолкнуло Андрея Крыльцова стать известным биологом, а затем и удачливым экспериментатором, за короткое время завоевавшим огромный авторитет, как в науке, так и в руководстве. Именно это, в конце концов, и стало причиной выбора места себе на орбитальной станции, где он самочинно объявил себя космическим монахом. Андрей Крыльцов понимал, что нарушает принципы морали, вмешивается, грубо говоря, в дела Бога, но уже никто и ничто не могло остановить его, свернуть с избранного пути: «Да, – сознается он, – моя карьера складывалась весьма удачно, как потом я понял, не без содействия заинтересованных инстанций, но это разговор особый; я же, вдохновленный успехами, летел над полем науки, подобно шмелю, вырвавшемуся, накопив силы, в яростный полет; я летел от открытия к открытию, оглушая себя гулом неведомых прежде никому замыслов, готовый потеснить на этой ниве едва ли не самого автора технологии вечности – самого Всевышнего. Ведь я самолично решал, пусть в пределах научных экспериментов, кому родиться на свет Божий, как родиться, от каких родителей, независимо от того, желали бы они того или нет, если бы знали, что я могу сотворить из их семени...» (11, 756).

Невольно напрашивается вопрос: а почему Айтматов, уже во втором произведении, нравственно наказывает своего героя за то, что он как бы вмешивается в дела Всевышнего. Что преследуется автором в данном случае? Почему человек, используя Богом данную способность - талант, превращает его в своего рода оружие против моральных устоев, нравственных ценностей?

Герой повести, выдающийся Чингисхан, пользуясь возможностью, которую дал ему Бог (белое облако над его головой говорило о постоянной защите и об успехах), завоевывал страны. Видимо, успех так вскружил ему голову, что он забыл под чьим покровом совершал удачные походы, чтобы завоевать Европу, мобилизовал все силы, все поставил на службу войны, и даже запретил деторождение: «Это повеление сделано им было за полтора года до наступления. Он сказал тогда:

– Покорим западные страны, остановим коней, сойдем со стремян - и пусть тогда женщины обозные рожают, сколько хотят. А до этого мои уши не должны слышать вестей о родах в туменах... (4, 20).

Даже законы естества отвергал Чингисхан ради военных побед, кощунствуя над самой жизнью и над Богом. Он хотел и Бога поставить себе на службу, ибо зачатие - весть от Бога. И никто ни в народе, ни в армии не воспротивился и даже не помыслил воспротивиться насилию, к тому времени и власть Чингисхана достигла такой невиданной силы и средоточия, что все беспрекословно подчинились неслыханному повелению на запрет деторождения, поскольку послушание неизбежно каралось смертью. Айтматов отмечает, что в помыслах своих Чингисхан был уверен, что ему дозволено все, что именно у него есть право просить у Бога владычества над всем, что есть на Земле. Он был уверен в том, что он у Бога на особом счету, что может владычествовать столько, сколько ему угодно. Что самое интересное, и это в тексте Айтматова дано особенно ясно: «Бог терпел его, терпел даже тогда, когда Чингисхан думал о том, что он поступил так, что вполне мог бы Бог прогневаться на него. Но, чудеса! Бог прощал ему все, даже кровожадность все, но только не вмешание в святая святых – деторождение». И когда великий сын Неба, каким считал себя Чингисхан, казнил мужчину и женщину только за то, что они решили зачать ребенка, то Бог отвернулся от него, облако исчезло, Чингисхан не смог осуществить страшные планы. Он уже позже понял, как жестоко был несправедлив, очень долгое время был задумчив, зол и молчалив. А самое страшное настало тогда, когда он, повернув коня вспять, стал тщетно и тревожно смотреть в небо, «что-то искать, прислонив дрожащую ладонь к глазам,

нет, не задержалось, не отстало в пути белое облачко, не было его ни впереди, ни позади. Так неожиданно исчезло оно, неизменно сопровождавшее его белое облачко. Больше оно не появилось ни в тот день, ни на второй, ни на десятый. Облако покинуло хагана. Дойдя до Итиля, Чингисхан понял, что небо отвернулось от него. Дальше он не пошел. Отправил завоевать Европу сыновей и внуков, сам же вернулся назад в Ордос, чтобы здесь умереть и быть похороненным неизвестно где...» (4, 58).

Айтматовские герои – Чингисхан и Андрей Крыльцов, наверняка, по замыслу автора должны были быть образами-предупреждениями, образами – примерами того, как Бог может наказать даже того, к кому он был благосклонен всегда. И видимо, события 90-х годов, когда уже писался роман «Тавро Кассандры» преподнесли еще одну возможность Айтматову вновь обратиться к такому образу. Но в отличие от Чингисхана, считавшего себя правым, прежде всего потому, что эту оценку давал себе он сам, Андрей Крыльцов был жертвой тоталитарного режима, где любой эксперимент проводился или закрывался по велению того, кто считал себя Чингисханом нового времени. Ведь в эпилоге, много внимания уделено тому, кто его заставлял ставить такие чудовищные эксперименты и проводить их именно на зэчках, которым в принципе было все равно, кого рожать и кто будет это дитя воспитывать.

То, что новый человек, выращенный первоначально в пробирке, должен был быть активным защитником идей коммунизма, ни у кого не вызывало сомнения. Ведь этот иксрод в будущем должен был стать лицом масштабного значения, его воле должны подчиняться миллионы, потому что политическое преимущество таких лиц должно было быть заложено на самом начальном этапе развития. Всемирно-историческая роль огромного социалистического государства должна была доказать свое назначение, благодаря именно этим людям. А самое главное то, что Андрей Крыльцов и сам верил идеям, которым должен служить его биологический выводок. Реконструкция человеческой личности предполагала и реконструкцию всего общества. Настоящая революция в производстве человека нового типа нужна была также и для того, чтобы враги социализма не могли контролировать ситуацию и в странах, так на-

зываемого, третьего мира. Интересен тот факт, что и создатель нового человека и идеологи этой чудовищной акции рассчитывали как на выполнение иксродом своих обязанностей, так и возможность изменить облик общества в целом: «Семья и прочие родственные отношения как архаичные институты старого мира насилия будут сброшены на свалку истории именно иксродами. Иксроды как носители небывалой свободы личности и духа будут прокладывать путь к новой эре человечества, давно предвиденной нашим революционным учением. Иксрод в перспективе не только ликвидатор старого, отжившего, но и создатель нового мира. Не сомневаюсь, великие люди, гении в иксродовой среде будут появляться гораздо чаще, чем в обычной, архаичной. Сами понимаете – тут полная свобода от семейных и прочих рутинных уз и забот. Дети производятся искусственно, обезличенно и соответственно воспитываются...» (12, 58). Конечно, бросается в глаза или даже режет слух то, с какой легкостью говорится о том, что можно растить и воспитывать искусственных детей. Здесь говорить о воспитании, по крайней мере, абсурдно: они воспитывались уже в утробе, получив, как говорится, задание на всю последующую жизнь, не заставляя задуматься остальных об этом.

Интересен выбор объекта: оказывается, в инкубы должны были вербоваться зэчки, и предлагались при этом определенные условия, типа:

- срок заключения от 10 до 25 лет;
- рождение одного иксрода уменьшало срок заключения наполовину;
- рождение второго давало право на полное освобождение;
- зэкинкуба обязана была кормить младенца грудью;
- по завершении постродового периода зэкинкубу переводили в особо отдаленные районы;
- зэкинкуба должна была дать подписку о неразглашении сведений о проведении эксперимента, иначе она подлежала вторичному осуждению.

Для Филофея, не знавшего ничего, кроме своего эксперимента, нужна была какая-то ирреальная сила, которая смогла бы убедить его в неправомерности предпринимаемого. Айтматов, который вне-

запно и вроде бы как-то просто умеющий разрядить обстановку, и в этом произведении сумел привести в качестве меры воздействия довольно-таки сильную личность. Традиционно горьковский опыт изображения такой личности, пусть даже эпизодический, присутствует и во многих произведениях киргизского писателя. Такой личностью оказалась зэчка Руна Лопатина, при первой же встрече с которой Андрей Крыльцов заметил что-то вроде едва сдерживаемого любопытства. Он сразу понял, что эта зэчка не из тех, кто устраивает в бараках «таскание за волосы». Интеллигентное лицо говорило о том, что она на зоне случайно, что это не вор и не убийца, а скорее жертва каких-то идеологических интриг, что вполне соответствовало истине, как он потом узнал, лично ознакомившись с делом Лопатиной. Поистине Лопатина, посмеывая с глазу на глаз сказать Крыльцову, что согласилась быть в роли зэкинкубы лишь с той целью, чтобы сказать правду экспериментатору, как бы открыла глаза Филофею, заставила, может быть, в первый раз задуматься о содеянном, и не только задуматься, а по-настоящему отказаться от страшной затеи. Лопатина хочет уверить биолога в том, что люди должны размножаться только по велению Бога, а не по наущению дьявола, и она, даже не предполагая этого, достигает своей цели. И даже командный (искусственно нарочитый) голос Андрея Крыльцова не пугает ее, она решает сказать все, что об этом думает. Вслушаемся во фрагмент диалога между Крыльцовом и Лопатиной:

- Я зэчка, Андрей Андреевич... Я зэчка и только, - повторила она. - И я знала, на что иду. И добилась своего. Я считала это своим долгом. И выполнила его, как могла. Может быть, этот разговор что-то пробудит в вас, заставит задуматься. Вот все.

Ты мне здесь мораль не читай! - рассвирепел я, все лучше понимая, что произошел неожиданный, но когда-то неизбежный в работе с инкубами сбой. - На твое местонайдутся десятки желающих!

Вот это самое страшное, - проговорила она. - И это на вашей совести. Целиком и полностью на вашей совести.

Совесьть совести рознь! - отрезал я.

А такое я впервые слышу.

- Оставим философский диспут тем, у кого на это есть время! Тебя не для того сюда доставили. Отправляйся назад. Нам с тобой говорить не о чем.

- Я нажал кнопку вызова. За ней пришли» (12, 781).

Конечно, Айтматов не смог бы оставить этот разговор бесследным, ведь он пробудил в нечеловеческом, на первый взгляд, сердце Андрея Крыльцова голос совести. И когда Крыльцов узнает о трагической кончине этой женщины, которая предпочла свободу всему остальному, тогда он почувствует, вернее, поддастся тому, что называется просветлением ума. Он мысленно возвращался к беседе с ней, даже думал о том, что мог бы жениться на ней, вести с ней философские беседы. Словом, он понял, что она взрыхлила нетронутую годами душу биолога, и он даже готов был признать поражение, но ее смерть все изменила. Изменилась и судьба Андрея Крыльцова: он понял, что в XX веке наука и совесть далеко не совместимые понятия: «И вот настал момент, когда заговорила совесть моя, которую разбудила тюремная узница.

Признать античеловечность производства анонимных детей от анонимных родителей, выведения их с помощью инкуб – вот на что побудила меня Руна.

Что привело ее ко мне, что связало нас до смертного порога, пусть знает судьба. Не мне судить...

В ту ночь наступил перелом. Я готов был просить прощения у женщины, поразившей меня неожиданной самоотверженностью, немыслимым поступком. Я готов был упасть перед ней на колени, чтобы отринуть зло, несомое мной роду человеческому. И если бы она приняла мою любовь и могла бы ответить взаимностью, то я просил бы ее руки... просил бы бежать вместе с нею, куда угодно - в лес, в горы, за моря, куда угодно, только бы быть вместе. И начать новую жизнь, пусть скитальческую, для меня это было бы искуплением моего зловещего прошлого...» (20, 788-789).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последнее десятилетие представители восточных народов, входивших в качестве союзных республик в состав бывшего СССР, словно проснувшись от многовекового забвения, обратили, наконец, внимание на культуру и литературу друг друга. Указанное многовековое отчуждение привело к тому, что новое познание большей частью происходит не через родственные тюркские языки, а с помощью русского языка, остающегося языком межнационального общения на постсоветском пространстве. Дело в том, что, во все времена в тюркских республиках бывшего Советского Союза, а ныне независимых государствах – Азербайджане, Казахстане, Киргизии, Туркмении и Узбекистане, – во весь голос о себе заявляли писатели и поэты, пишущие на русском языке. Именно они, как это показывает жизнь, зачастую оказывались и оказываются подлинными, а не мнимыми носителями памяти этноса. И сегодня произведения таких литераторов у всех на устах, они пользуются большим читательским спросом, а потому издатели и редакторы охотно предоставляют им страницы своих изданий.

Феноменальность языковой ситуации, в которой сложилось творчество русскоязычных писателей, объясняет то, что оно стало своеобразным транслятором между двух культур: понимая обе, писатель доводит до носителей и реципиентов инокультуры наиболее значимое в чужой культуре и отличное от своей.

Азербайджан и среднеазиатский Восток – это регионы, относимые к мусульманской культуре. Совсем не обязательно быть приверженцем ислама (фанатичным или умеренным), проживая на той территории. Сила религиозной традиции, проникая в быт, словесную образность, мифологию и фольклор, в философское осмысление бытия, во взаимоотношения между людьми, так или иначе, явно или опосредованно формирует стиль, называемый восточным.

Философско-психологическая проза Чингиза Айтматова не ставит и не решает проблем сиюминутных, не отвечает злобе дня. Проблемы прозы этого писателя – вневременные, сопряжены с эк-

зистенциальным кругом вопросов. Помещенные в инокультурный (по отношению к языку письма) контекст, они транслируют самобытность другого мира, но интересны и увлекательны для читателя, так как общечеловечны.

В своих произведениях Чингиз Айтматов затрагивает многие общечеловеческие проблемы: нравственные, добра и зла, честности и лжи, активности и равнодушия к природе, определившие главное содержание их творчества. Здесь сталкиваются совершенно диаметрально противоположные процессы взаимоотношений человека и власти, назначения человека на земле и вообще судьбы мира и человечества.

Перечитывая айтматовские произведения, ясно представляешь себе, с какой ответственностью он относится к своему творчеству, к своим героям, ко всему, что причастно, прежде всего, к нему самому. Мысль А.Золотова о том, что «Айтматов – художник, который должен выносить свой замысел, поверить, что его новое кому-то нужно. Иногда ему кажется, что другим не интересно то, что дорого ему. Со строгим вниманием наблюдает он современный литературный процесс. Не все ему в нем близко. Но он пристально всматривается в него, стараясь не изменить самому себе. Его чувство ответственности перед самим собой чрезвычайно велико. Он очень точно прослеживает диалектику души писателя, который в конкретной, общей, в иноисторической обстановке создает такие произведения, которые диктуют пути выхода из любой тупиковой ситуации» (100, 9).

Для творческой манеры Чингиза Айтматова характерны размышления через воспоминания о прошлом, а также легко достигаемого будущего. И преступное насилие над действительностью, насилие в отношении и первооснов бытия не может не привести, по мнению писателя, к разрыву взаимосвязи человека с микро и макросредой. Через свои произведения Айтматов формирует в читателе бережное отношение к природе. Герои таких произведений Айтматова, как «Белый пароход», «Буранный полустанок», «Тавро Кассандры», зачастую вершат на спирали времени свои деяния в пользу человека и окружающей среды. И если сегодня говорить о том, что литература сакрализовалась, стала национальным достоянием киргизов, то в этом несомненная роль Ч.Айтматова, его шедевров.

Список использованной литературы

- Аджи М. Э. Европа, тюрки, Великая степь. М.: Мысль, 1998, 344 с.
- Аджи М. Полынь половецкого поля. М.: 2000, 344 с.
- Азимов А. Э. Выбор кагастроф (от гибели Вселенной до энергетического кризиса) //СПб, 2001
- Айтматов Ч. Т. Белое облако Чингисхана //Знамя, 1990, № 8, с.123-153
- Айтматов Ч. Т. Белый пароход. Плаха. М.: Советский писатель, 1988, 544 с.
- Айтматов Ч. Т. Буранный полустанок (И дольше века длится день). М.: Молодая Гвардия, 1981, 304 с.
- Айтматов Ч. Т. В соавторстве с землей и водой. Очерки, статьи, беседы, интервью. Фрунзе: Кыргызстан, 1978,
- Айтматов Ч. Т. Живи сам и дай жить другим //Литературная Газета, 1989, 22 ноября, № 47, с.3
- Айтматов Ч. Т. Повести гор и степей. М.: Художественная литература, 1971, 223 с.
- Айтматов Ч. Т. Пегий пес, бегущий краем моря. М.: Советский писатель, 1977, 215 с.
- Айтматов Ч. Т. Тавро Кассандры. М.: Молодая Гвардия, 2003, 793 с.
- Айтматов Ч. Т. Цена жизни //Литературная Газета, 1986, 13 августа, с.4
- Айтматов Ч. Т. Точка присоединения //Вопросы литературы, 1976, № 8, с.146-169
- Бартольд В.В. Сочинения в 9-и томах, том II, М.: Издательство восточной литературы, 1963, 1020 с.
- Булгаков М. Мастер и Маргарита. М.: 1988, 250 с.
- Время и бег иноходца //Парламентская газета, 2003, 15 ноября, с.9-10
- Гридченко Д. Пусто место свято не бывает //Москва, 2003, № 5, с. 235-241
- Гумилев Л.Н. Год рождения 1380 //Декоративное искусство в СССР, 1988, № 12, с.36-42
- Гусейнов Г.М. От «Белого облака Чингисхана» до «Заблуждения цивилизации». Баку: Язычы, 1999, 292 с.
- Гусейнов Ч. Г. Этот живой феномен. М.: Советский писатель, 1988, 432 с.

- Гусейнов Ч.Г. Не дать воде пролиться из опрокинутого кувшина. М.: Советский писатель, 1996, 381 с.
- Доманский В.А. Я пришел не судить мир, но спасти мир //РЯЛ, 1991, с.28-30
- Залыгин С. Литературные заботы. М.: Художественная литература, 1972, 366 с.
- Золотов А. Чингиз Айтматов – строки жизни. В кн. Ч. Айтматов “Тавро Кассандры”. М.: Молодая Гвардия, 2003, с.3-14
- Золотусский И. Лучшая правда – вымысел // Литературное обозрение, 1978, № 2, с.33-34.
- История литератур народов Средней Азии и Казахстана. М.: 1960, 491 с.
- Лейдерман Н. Открытие и опыт //Литературное обозрение, 1983, № 6, с. 28.
- Литературное обозрение, 1978, № 6, с. 258-263.
- Ломидзе Г.И. Единая, разноречивая //Литературное обозрение, 1978, № 2, с.6-11
- Новиков А. Разделенная нация //Москва, 1998, № 4, с. 12-16
- Сулейменов О. Аз и я. Алма-Ата: ФАН, 1990, с. 259, с.347.
- Теоретические вопросы религиоведения. М.: 1989, 625 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Мир Чингиза Айтматова глазами азербайджанского литературоведа	5
От редактора	9
ВВЕДЕНИЕ	12
Глава I. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ: религиозные мотивы в творчестве Чингиза Айтматова	14
Глава II. ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА: экологические проблемы современности	45
Глава III. ЧЕЛОВЕК И ОКРУЖАЮЩИЙ ЕГО МИР: нрав- ственно-философская концепция Чингиза Айтматова	80
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	121
Список использованной литературы	123

Лейла Герайзаде

**МИР
ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА**

(на русском языке)

Редакторы – А. Дж. Гаджиев,
Мукан Асаналиев,
Нусрет Мамедов
Дизайн и верстка – *М. С. Кадыров*

Бумага офсетная. Формат бумаги 60x84^{1/16}.
Тираж 500 экз. Заказ № 246.

Отпечатано в типографии “Бийиктик”
г. Бишкек, ул. Абдрахманова, 170 А.

